

Боло-боло

p.m.

2014

Оглавление

Горькое похмелье	5
Планетарная рабочая машина — Планрабмашина	9
Три основные части Машины	11
Кризис трёх договоров	14
А-договор: разочарование в потреблении	15
Б-договор: разочарование в социализме	17
В-договор: развитие нищеты	19
Крах реальной политики	22
Всё или ничего	25
Боло-боло	28
Субструкция	29
Диско	30
Трюко	34
Предварительное расписание	36
Ибу	38
Боло	42
Зила	46
Таку	50
Кана	53
Нима	55
Коду	63

Ялу	68
Зиби	72
Пали	76
Зуфу	81
Гано	84
Бете	87
Нуго	90
Пили	92
Кене	97
Тега	100
Дала и Дуди	103
Фудо	106
Зуми	108
Аза	112
Бун	114
Мафа	116
Фено	118
Зади	121
Фази	125
Яка	129
Боло-боло 30 лет спустя	133
Аза-пили	136

Забудь слова — и ты осознаешь.

Горькое похмелье

Если ты мечтаешь один — это лишь мечта,
Если вы мечтаете вместе — это реальность.

Бразильская народная песня

Жизнь на нашей планете не так сладка, как хотелось бы. Очевидно: на Земле не всё в порядке. Но что? Может быть, сама идея «Человек» была фундаментальной ошибкой природы или кого-то другого? Зачем животное встало на две ноги и начало думать? Но тут мы ничего изменить не можем. Мы должны жить с этой ошибкой природы, то есть с собой. На ошибках учатся.

Начиналось всё многообещающе. Так, в каменный век — приблизительно 50 тысяч лет тому назад — людей было немного, а съедобных растений и дичи — более чем достаточно, и для обеспечения жизни требовалось немного времени и усилий. Для того, чтобы собрать достаточно корней, ягод, орехов, фруктов или грибов, уложить пару кроликов, косуль, кенгуру, поймать рыбу, птицу или ящерицу (или ещё проще — заманить их в ловушку), нужно было два-три часа в день. Мы вместе поедали мясо и собранные растения в шалашах и пещерах, расположенных в обжитых местах, и проводили остальное время в полудрёме и мечтах, купались, танцевали, занимались любовью и рассказывали истории. Кто-то расписывал стены пещеры, кто-то вырезал поделки из костей и дерева или изобретал новые ловушки и слагал новые песни. Мы беззаботно кочевали группами в 25 человек без большого багажа и собственности, без семейных связей и начальства, без страха и религии. Мы предпочитали страны с мягким климатом, и никакая «цивилизация» не могла нас прогнать в пустыни, тундры или горы. Как свидетельствуют антропологические находки, палеолит — время лучшего в истории человечества общественного устройства. Долгое и счастливое время по сравнению с двумястами годами индустриального кошмара.

История развития человечества могла пойти по нескольким сценариям. Один из них — наша безумная неосмотрительность с чудовищными последствиями. Кто-то, должно быть, забавлялся с семенами и растениями и постепенно изобрёл сельское хозяйство. Эта идея выглядела очень хорошей. Отныне вместо того, чтобы бегать и искать съедобные растения, наши предки могли выращивать их вблизи поселения.

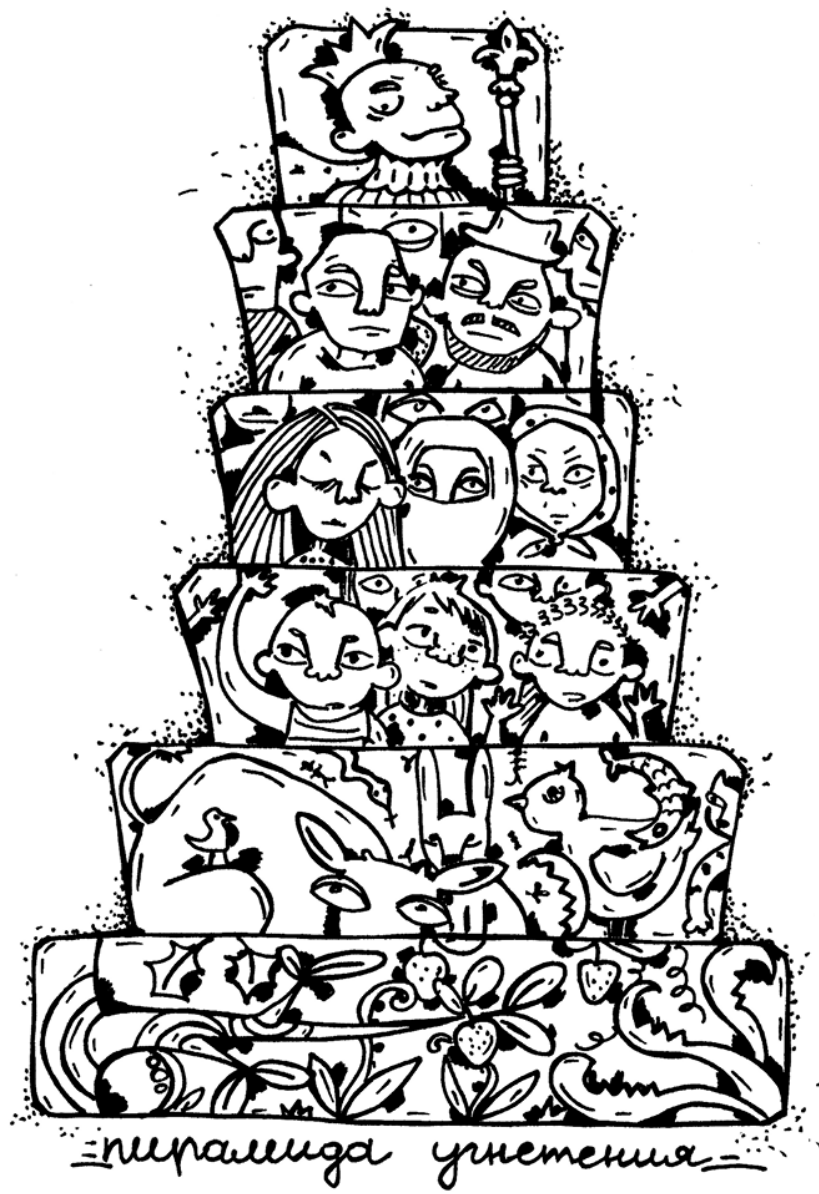
Но теперь мы должны были несколько месяцев жить на одном месте, складировать семена и саженцы, распределять и планировать работу. Вместо того чтобы жить в согласии с природой, мы стали жить за её счёт и видеть в ней всё более ненадёжного партнёра, а иногда даже подлого шулера. Появилась необходимость в защите урожая от собратьев-кочевников, которые продолжали настаивать на том, что всё на нашей планете общее. Возникли конфликты между фермерами, охотниками и скотоводами. Нам пришлось объяснять другим, что мы «работали» для того, чтобы себя обеспечить, однако наших собеседников само слово «работа» приводило в недоумение.

Планирование, ограничение объёмов продуктов, охрана, заборы, организация и необходимость в самодисциплине открыли дверь в новые социальные организмы: духовенство, начальство, армия. Мы создали религии, воспевающие плодородие, чтобы укрепить свою веру в выбранный нами образ жизни. Отныне соблазн возвращения к свободной жизни собирателей и охотников навсегда останется угрозой для общества. Будь то патриархат или матриархат — во всех случаях мы стояли на дороге к государственности.

С развитием древних цивилизаций в Месопотамии, Индии, Китае и Египте власть и её централизация стали самоцелью. Баланс между человеком и природными дарами зачастую был уничтожен, мы стали жертвами своих же изобретений. Вместо того, чтобы работать два часа в день, мы гнули свои спины по десять, а то и больше часов на плантациях и стройках нами же созданных фараонов и цезарей. Мы умирали на их войнах или были депортированы в качестве рабов по их же прихоти. Тех, кто пытался вернуть себе своё право на свободу, мучили, подвергали чудовищным пыткам или убивали. Распались наши племена и роды, мы стали чужими на своей земле и оказались беззащитными перед иерархическими организациями принуждения. Мы превратились в рабочий скот государства.

С началом индустриализации лучше не стало. Когда крестьяне начали бунтовать, а ремесленники в городах стали слишком независимыми, власть имущие сделали новый ход. Было создано новое организованное средство принуждения под названием фабрика. На место орущих управляющих с хлыстами в руках пришли холодные и молчаливые машины. Гнёт был усилен и автоматизирован. Машина стала одновременно и средством производства, и средством наказания. Тот, кто не улавливал ритм работы машины, наказывался увечьем. В очередной раз прогресс принёс нам ещё больше работы и невыносимые условия жизни. Всё общество, вся планета превратились в одну большую рабочую машину. И эта Рабочая Машина стала также машиной войны, ибо мир и принудительная работа исключают друг друга. Как может человек, которого медленно разрушает работа, сопротивляться тому, что Машина убивает других? Собственная неволя — это всегда угроза свободе другого. Промышленность — это всегда военная промышленность, даже в «мирное время». Она ведёт либо мелкую войну под именем «будни», либо большую войну под именем «война». Одно не бывает без другого.

На первых этапах своего становления Рабочая Машина ослепила нас иллюзиями и утопиями «лучшего будущего». Социалистические реформаторы пробовали уговорить рабочих, что новое индустриальное общество принесёт им больше свободы и возможностей удовлетворения всех необходимых потребностей. Маркс писал, что в этом новом обществе мы сможем, наконец, спокойно охотиться, рыбачить и слагать стихи. Но зачем делать такой большой крюк? Социалистические и коммунистические деятели всех видов и оттенков, от Ленина до Троцкого, от Кастро до Полпота, потребовали от нас больше жертв и дисциплины для построения нового общества. Но социализм был только новым трюком Рабочей Машины, которая смогла пробиться и там, где не было частного капитала. Рабочей Машине всё равно: управляется ли она межнациональными концернами или государственной бюрократией. Для неё политбюро — то же самое, что совет акционеров. Цель остаётся прежней — украсть наши жизни.

Индустриальная рабочая и военная машина разорила наш «космический корабль» Землю и поставила под вопрос её будущее: джунгли, леса, озёра, моря загрязнены, наши «товарищи по игре» (киты, черепахи, медведи, тигры) на грани исчезновения и истребления, воздух воняет и отравляет нас, запасы (ископаемые горючие вещества, металлы) разграблены... Мы уже не в состоянии прокормить всех пассажиров нашего «корабля». Что же говорить о потомках? Мы стали настолько нервными и возбуждёнными, что нас используют для националистического, расистского или псевдорелигиозного движения, для погромов и войн. Атомное самоубийство на этом фоне не пугает, а выглядит своеобразным освобождением от страха, скуки, угнетения и рутины.

Несколько тысяч лет цивилизации и 200 лет индустриального общества оставили нам горькое похмелье. «Экономика» стала самоцелью и угрожает поглотить нас полностью. Гостиница «Земля» терроризирует своих гостей. Но всё-таки мы одновременно и гости, и хозяева.

Планетарная рабочая машина — Планрабмашина

Монстр, которого мы вырастили и который господствует на нашей планете, называется планетарная рабочая машина — Планрабмашина. Если мы хотим снова превратить наш космический корабль или гостиницу в приятное для пребывания место, мы должны вначале разобраться с Планрабмашиной. Отсюда возникает первый вопрос, ответ на который мы должны получить: как удаётся Машине держать нас под контролем? Как она устроена? Каковы механизмы её работы и как можно их уничтожить? Как можно её заблокировать и разложить на части? Как мы можем избавиться от неё, не позволив ей уничтожить нас?

Сегодня Планрабмашина имеет планетарный масштаб: она жрёт в Африке, переваривает в Азии и гадит в Европе. Мультинациональные корпорации, банки, круговорот топлива, сырья и подобных продуктов планируют работу и управляют Машинной. Существует множество иллюзорных представлений о значении наций, блоков, Первого, Второго и Третьего мира, Севера и Юга. Но следует признать, что всё это шестерёнки той же машины. Конечно, Планрабмашина состоит из различных частей, которые друг другу противоречат, подгоняют или тормозят работу. В целом, Планрабмашина существует за счёт энергии, вырабатываемой внутренними противоречиями: рабочие — капитал, частный капитал — государственный капитал, капитализм — социализм, прогрессивное экономическое развитие — экономическая отсталость, нищета — расточительство, война — мир, мужчина — женщина и т. д. Планрабмашина не является твёрдой и цельной конструкцией — ей нужны противоречия для того, чтобы усилить контроль и усовершенствовать свои инструменты. Она скорее подобна биологическому организму, чем механическому колоссу. В отличие от фашистских или теократических систем или от «1984» Оруэлла, Планрабмашина допускает «разумные формы» сопротивления, волнения и бунта. Там, где она сильна, Планрабмашина спокойно переваривает профсоюзы, левые партии, движения протеста и демократическую смену режима. Если демократия не помогает, она хватается за диктатуру. Если легитимация входит в стадию кризиса, в резерве у Планрабмашины есть тюрьмы, пытки и депортация. Однако все эти модальности не являются принципиальными для понимания сути Планрабмашины.

Каждый шаг Планрабмашины регулируется одним принципом — экономическим. Но что такое экономика? Превращение человеческой энергии в работу и обращение работы в измеряемые в деньгах продукты — товары. Для того чтобы люди были работоспособными и полезными для Машины, надо лишить их естественного окружения и общественных связей. Работа означает, что ты отдаёшь другим контроль над определёнными сферами своей жизни, которые попадают в безличный, управляемый из центра круговорот. Например, ты тратишь своё время для того, чтобы сделать

определённую деталь, которую затем какой-то незнакомец установит на каком-то аппарате, который кто-то купит и использует для неизвестной тебе цели. Этот круговорот безличных фрагментов жизни регулируется согласно рабочему времени, которое было потрачено на добычу сырья, его производство и на тебя самого. Объём потраченного времени измеряется деньгами. Мы пришли к тому, что участники обмена не знают друг друга, не имеют никакого контроля над общей продукцией, не знают, где она употребляется и откуда приходят товары, которые они употребляют сами. В результате взбунтовавшегося рабочего убивают из винтовки, которую он сам помогал делать. Или он умирает от яда, который производят на фабрике, где он работает. Или он жалуется на шум от той автострады, для которой он мешал бетон. Вот он механизм Рабочей Машины: расколоть общество на изолированных индивидуумов, которых она поодиночке принуждает к работе зарплатой или насилием, чтобы потом использовать их рабочее время по собственному плану. Экономика подразумевает усиление контроля Машины над её составляющими, что приводит к их взаимозависимости. Экономика означает наличие ещё большего контроля машины над её составными частями, умножение этих частей и производимой ими работы.

Мы все — составные части этой машины. Ты — эта машина. Технические средства этой машины: установки, постройки, моторы и т. д. — наше застывшее прошлое. Мы сами становимся этой машиной друг для друга. Мы можем жить в стране с развитой экономикой или, наоборот, в экономически отсталой стране, мы можем получать зарплату или ходить с пустым кошельком, работать на себя или быть простыми служащими где-нибудь — в любом случае мы функционируем для Машины. Там, где нет никакой индустрии, «производят» рабочих для экспорта в индустриализированные страны и продают их задёшево. Так, Африка производит рабов для Америки, Турция экспортирует рабочих в ФРГ, Пакистан — в Кувейт, Гана — в Нигерию, Марокко — во Францию, Мексика — в США. В нетронутых областях люди используются как живописные декорации для туризма. Как, например, индейцы в резервациях, жители острова Бали, полинезийцы, крестьяне в горах. Те, кто пытается выйти из-под контроля Планрабмашины, выполняют функцию колоритных «аутсайдеров» (клошары, хиппи, йоги). Однако пока существует Планрабмашина, мы все находимся в ней. Машина уничтожила или искалечила практически все традиционные общества или же спровоцировала их оборонительное поведение, результатом которого является деморализация. Даже если ты решишь уединиться в «пустынной» долине с целью пожить в спокойствии, занимаясь натуральным хозяйством, будь уверен, что за тобой придёт кто-нибудь из налоговой, военного комиссариата или полиции.

Мы «оккупированы». Даже в самом отдалённом уголке пустыни Гоби нельзя быть абсолютно уверенным, что ты сможешь спокойно и без наблюдателей сходить в туалет под свободным небом.

Три основные части Машины

Если рассмотреть Планрабмашину поближе, то можно убедиться, что её механизм состоит по меньшей мере из трёх основных частей, которые выполняют следующие функции: информирование, производство и воспроизводство. Эти функции — А, Б, В — можно описать так:

А. Информирование: планирование, разработка, управление, наука, коммуникация, производство идей, идеологий, религий, произведений искусства и т. д. Это коллективный мозг и нервная система Машины.

Б. Производство: разработка полезных ископаемых, промышленное производство, индустриализированное сельское хозяйство, транспорт, устранение отходов, материальное выполнение планов. Это мышцы, кости, желудок, кровообращение Машины.

В. Воспроизводство обеспечивает рождение, воспитание и обслуживание А-, Б- и В-рабочих, то есть делает их полезными для Машины. Это работа по дому, сфера обслуживания, школы, развлекательные заведения, больницы, секс, туризм, то есть «работа для людей».

Все эти функции взаимосвязаны и жизненно важны для Машины. Если одна выйдет из строя, то в конечном итоге это заблокирует работу других.

Каждой функции соответствует определённый тип рабочих. За основу следующей классификации взяты данные о размере зарплаты, количестве привилегий, уровне образования, социальном статусе и т. д.:

А. Научно-технические работники: высококвалифицированные, чаще всего белые мужчины, хорошо оплачиваемые и социально обеспеченные. Например, специалисты по информационным технологиям.

Б. Индустриальные рабочие и сотрудники, занятые на территориях с невысоким уровнем развития промышленности, в так называемых «странах-отстойниках», социалистических странах. Это средне или плохо оплачиваемые работники мужского или женского пола, профиль которых распространяется на множество профессий. Например, рабочий на автомобильном конвейере или работница на монтаже электроники.

В. Работающие на сезонных и разовых работах, крестьяне, домохозяйки, безработные, преступники, проститутки, люди без постоянного дохода. В основном это женщины и «цветные», проживающие в гетто и на окраинах больших городов Третьего мира. Эти люди, как правило, живут на грани голода.

Все эти типы рабочих имеются в различных формах во всём мире. Но соотношение групп в зависимости от места различно, поэтому мы можем выделить три основные группы рабочих:

- А-рабочие, занятые в высокоразвитых индустриальных западных странах: в США, Японии и странах Европы.
- Б-рабочие, занятые в индустриальных странах: СССР, Польше, Тайване и т. д.
- В-рабочие, занятые в странах Третьего мира, странах с аграрной экономикой и в «слаборазвитых» странах: Бразилии, Нигерии, Индии, Китае.

Представители этих трёх категорий в разных соотношениях имеются повсюду. Например, в Нью-Йорке целые районы могут быть причислены к Третьему миру, а в

Бразилии имеются крупные промышленные зоны. В социалистических странах уже созданы области категории А. Тем не менее разница между США и Боливией, между Польшей и ФРГ, Лаосом и Швецией, Японией и Цейлоном всё же значительна.

Так что Планрабмашина имеет три различных лица: западный богатый инженер, восточный, довольствующийся своим скромным положением индустриальный рабочий и южная домохозяйка, борющаяся за выживание. Эти три типа и их функции направляются друг против друга. Контроль Машины над её составляющими как раз и основывается на противоречиях между ними. Не только личности, но и типы рабочих с различными уровнями заработной платы и целые регионы мира изолируются и направляются друг против друга. Способы разделения, относительные выгоды и «привилегии» очень многообразны и могут быть по-разному скомбинированы: пол, раса, образование, национальность, религия, возраст, внешний вид, мораль и т. д. Всегда есть «основание» повысить или понизить чьё-либо значение. И каждый раз выигрывает Машина, так как каждое такое различие рождает недоверие, зависть, предрассудки и страх среди рабочих. А-рабочие и Б-рабочие боятся потерять свой высокий уровень жизни и поэтому солидаризируются с Машиной. В то же время они боятся того, что прибывающие в их страны В-рабочие отнимут у них стабильные рабочие места или повлияют на уровень заработной платы.

Можно сказать, что Машина уже не нуждается ни в каком специальном «господствующем классе» для поддержания контроля. Капиталисты, буржуазия, различные руководители уже стали объедками Машины, не имеющими никакого решающего влияния на материальное воплощение власти. Как свидетельствуют примеры социалистических государств и государственных предприятий на Западе, Машина прекрасно обходится без капиталистов и собственников. На деле вряд ли эти жирные ленивые коты представляют реальную угрозу. Реально деспотические органы Машины управляются её рабочими: копами, солдатами, бюрократами. Как мы видим, все противостояния создаются самими же рабочими Машины.

Планрабмашина — это машина, состоящая из людей, которые угнетают друг друга. Мы все являемся гарантами её работоспособности. Так почему же мы принимаем жизнь, которую в действительности ненавидим? Какие такие преимущества побуждают нас снова и снова действовать заодно с Машиной?

Кризис трёх договоров

Противоречия, на которых базируется Машина, проходят и через нас самих, через каждого рабочего. Конечно, Машина «в курсе», что нам не нравится наша жизнь, но в то же время она понимает, что подавление наших желаний не лучшая мера управления. Если бы Машина нас только угнетала, то мы бы плохо работали, и стоимость надзора была бы слишком высокой. По этой причине была отменена система рабства. Нет, мы не рабы. На деле половина населения поддерживает Машину, в то время как другая половина восстаёт против неё.

Ведь в действительности у Машины есть, что предложить нам. Поэтому мы все, хотим мы того или нет, торгуемся с ней и заключаем договор. Мы отдаём Машине часть нашего времени, т. е. нашей жизни, но не всю её. За это она даёт нам определённые предметы и удовольствия, правда, это не совсем то, чего мы хотим. У каждого типа рабочих свой тип договора, и у каждого из нас свой собственный и особенный договор, условия которого зависят от зарплаты и рабочего места. Поскольку каждый считает себя лучшим или худшим по сравнению с кем-либо ещё (ведь всегда найдётся тот, кто хуже тебя), он/она цепляется за свой договор и не доверяет никаким изменениям. Вот таким образом внутренняя инерция Машины охраняет её от реформ и революций.

Только если договор становится слишком несправедливым, возникает недовольство и готовность к изменению ситуации. Современный кризис, который в основном очевиден на экономическом уровне, спровоцирован тем фактом, что все уже предложенные Машиной договоры стали неприемлемыми: в последнее время А-, Б- и В-рабочие, каждый по-своему, восставали против своих договоров. Не только бедные, но и богатые недовольны. На этом фоне перспектива дальнейшего существования Машины становится призрачной. Механизм взаимной антипатии рабочих становится ломким. И вот тогда антипатия обращается против самой Машины.

А-договор: разочарование в потреблении

Что такое А-договор? Бифштексы, стерео- и видеоустановки, виски «Чивас Ригал», китайское боевое искусство тайцзицюань, сёрфинг, французская утончённая кухня, кока-кола, лыжи, дискотеки, автомобиль «Альфа Ромео», отпуск на острове Крит? Вилла, автомобиль «Вольво», дети, породистые собаки? Наркотики, самоубийство, депрессии? Это ли то лучшее, что может предложить нам Машина?

А что насчёт встречи очередного утра в условиях постоянных переездов? Что насчёт внезапных приступов страха, отвращения, разочарования? Мы стараемся не смотреть в лицо этому странному вакууму в нашей жизни, однако в свободное от работы и потребления время, пока мы находимся в режиме ожидания, мы понимаем, что наша жизнь не принадлежит нам. А Машина ужасно боится таких моментов. Да и мы тоже. Поэтому Машина постоянно держит нас в напряжении: мы вечно заняты или находимся в поисках очередных вещей. Машина лелеет свою надежду об удержании нас под контролем. Утром мы думаем о предстоящем вечере, в течение недели мы мечтаем о предстоящем уикенде, мы терпим каждый новый день, планируя каникулы и отпуск, чтобы восстановить свои силы. В некоторой степени нам привит иммунитет к реальности, и мы неспособны ничего предпринять, чтобы избежать потери своей энергии.

А-договор прогнил — или, лучше сказать, его гниль стала очевиднее, так как количество потребительских товаров уменьшается. Массовое производство уравнило качество товаров, они потеряли притягательность «новизны». Мясо стало безвкусным, овощи — водянистыми, молоко превратилось в обработанную белую жидкость. Новые передачи по телевизору повторяют предыдущие, только становятся всё тупее. Езда на автомобиле уже давно не доставляет никакого удовольствия. Скучные города напичканы комфортабельными новыми домами. А в это время разрушается что-то действительно хорошее: природа, традиции, праздники, культурные особенности и нетронутые индустриализацией городские поселения. Помимо вышеупомянутого списка благ, также ухудшается качество жизни. Теперь наша жизнь стандартизирована, рационализирована и анонимна. У нас крадут каждую свободную секунду, каждый свободный квадратный метр. Взамен мы получаем (а не каждому это доступно!) непродолжительные каникулы в далёких экзотических странах. А ведь наша каждодневная свобода движения исчезает, но зато теперь мы можем двигаться дальше по заранее предписанным маршрутам.

Для А-рабочих работа не утратила своё значение. Работа — это потеря энергии, стресс, нервное напряжение, раковые заболевания, сердечные приступы, дедлайны, истерическое соревнование, алкоголизм, злоупотребление наркотическими веще-

ствами и иерархия. Потребительские товары не могут заполнить дыру, которую ежедневно сверлит в нас работа.

Остаётся дефицит, который нельзя покрыть даже с помощью развлекающей электроники, путешествий в экзотические страны, медитации, спонтанного секса, энергетических пирамид или наркотиков. Компромисс с Машиной разрушает наши взаимоотношения, делает нас пассивными, циничными, не способными к любви, равнодушными и поверхностными людьми.

Вместо того чтобы радоваться своим привилегиям, А-рабочие бегут на природу, ищут пристанища в сектах, в восточных культах и старинных мистериях. Настоящая жизнь всегда «где-то» — в «лучшем будущем» или «спасительной пустоте». Но рано или поздно Машина возвращает всех беглецов и превращает поиски смысла жизни в новый гешефт и в новую движущую силу.

Преимущества А-договора до определённой степени можно направить против самой Машины. А-рабочие имеют доступ ко всем возможностям техники, к информации, планам и средствам производства. Они могут путешествовать, куда они хотят, и могут на время «откупиться» от рабства. Если у А-рабочих есть возможность посмотреть поверх своего договора и установить контакты с Б-рабочими и В-рабочими, то это может быть опасным для Машины. Правда, если А-рабочие восстанут в одиночку, тогда это восстание бессмысленно, ведь Машина учится очень быстро.

Б-договор: разочарование в социализме

Б-договор — классический договор между промышленностью, рабочими и государством. «Позитивными» характеристиками этого договора являются стабильная работа, стабильный доход и социальная защищённость. Мы можем назвать этот договор «социализмом», поскольку в своей чистой форме он существует в социалистических и коммунистических странах. И всё же Б-договор действует в каждом прогрессивном индустриальном обществе, во многих капиталистических государствах имеются большие «социалистические» секторы (государственные предприятия в Швеции, Англии, Франции, железные дороги, почта и т. д.).

Для Б-договора типична центральная роль государственного аппарата. По сравнению с анонимной диктатурой рынка и денег может показаться, что централизованное государство предоставляет большую безопасность своим гражданам. По определению подобный государственный режим должен представлять интересы своих граждан. На деле же социалистическое государство позволило рабочим создать централизованную рабочую машину. Можно сказать, что они стали своими собственными работодателями. Так как все важнейшие институты (пенсионные фонды, Минздрав, фонд социальной защиты, полиция) олицетворяют собой государство, оно кажется незаменимым, а любой выпад в его адрес выглядит как суицид. Однако существование такого государства не подразумевает ликвидации Машины. Это всего лишь её очередная маска. Так же, как и рынок, анонимность социалистического государства реализуется посредством формирования «массового сознания» и изоляцией. Однако в этом случае в роли исполнителя функций Машины выступает Партия (или партии), бюрократы и административный аппарат.

Государство («наше» государство) — это совокупность бесправных индивидуумов, которым предоставили гарантии на бумажках. Мы одиноки, а наша зависимость от государственной бюрократической машины — это просто подтверждение истинной слабости. В ситуациях кризиса несколько хороших друзей принесут большую помощь, чем карточки социальной защиты или счёта в банках. Государство — это фальшивая безопасность.

В социалистических странах, где Б-договор существует в своей чистой форме, действует та же самая принудительная система работы и зарплаты, что и на Западе. Производительность и эффективность — экономическая логика остаётся точно такой же. Ничего подобного «социалистическому стилю жизни», ради которого стоит приносить жертвы, не было создано. Более того, к нему даже не стремятся. На самом деле в социалистических странах пропагандируют те же самые представления о ценностях, что и на Западе: индустриальное общество, «западный» потребительский стандарт, автомобили, телевизоры, собственные квартиры, нуклеарные семьи (отец, мать, дети), дачи, американские джинсы и т. д. В отличие от настоящего А-договора эти цели достигаются не полностью. Причиной этому служит слишком

низкий уровень производительности. Б-договор особенно разочаровывает, поскольку он под видом «социализма» формулирует идеалы потребления, которые сам же не в состоянии реализовать.

Безусловно, социализм не означает только лишь крушение надежд. У него есть и положительные стороны. В странах Б-договора уровень производительности низок как раз потому, что Б-рабочие обеспечили себе относительно широкий контроль над темпом работы, рабочей дисциплиной и требованиями качества. Ввиду того, что по сравнению с капиталистическими странами риск безработицы в основном отсутствует и уволить рабочего относительно сложнее, они могут работать не так усердно. Рабочие коллективы огромны, халтурить проще, отгулы по болезни и походы за покупками в рабочее время — не редкость. Пьянство, торговля из-под полы и работа на стороне получили широкое распространение. Можно сказать, что Б-рабочих официально побуждают не очень напрягаться на работе, поскольку предметов потребления, ради которых стоило бы попотеть, недостаточно. Кампании по укреплению дисциплины и награждение орденами только создают почву для бесчисленных анекдотов. Замыкается круг низкой производительности и растраты материалов. Общая деморализация, представленная в виде коктейля из алкоголизма, скуки, семейных обязанностей, жополизания, ради продвижения по карьерной лестнице, является следствием ничтожности этой системы.

Б-договор устраивает Планрабмашину, поскольку социалистические страны также волей или неволей втягиваются в мировой рынок. Низкая производительность имеет для них печальные последствия: они могут продавать свои продукты только по демпинговым — очень низким — ценам, и таким образом страны Б-договора становятся индустриальными колониями для регионов А-договора. Небольшое количество качественных предметов уплывает на Запад, остаётся только барахло. Вот ещё одно основание для того, чтобы Б-рабочие осознали, что их обманывают, и стали озлобленными.

Массовые забастовки в Польше показали, что большинство Б-рабочих не принимает социалистический общественный договор. Понятно, что они подвержены сильным иллюзиям по поводу возможностей достижения потребительского общества и А-договора. (Лех Валенса, например, был в восторге от модели японского общества.)

Многие Б-рабочие — например, в ГДР — замечают, что западное потребительское общество — это очередная ловушка, а не настоящий выход. Западные и социалистические иллюзии находятся на пути к исчезновению. Вопрос идёт не о капитализме или социализме, а о Рабочей Машине как таковой. Конечно, потребуется новая «Солидарность», но не для того, чтобы реализовать модель социалистическо-католической потребительской нуклеарной семьи, а для того, чтобы установить личные связи между сельскими и городскими производителями и потребителями и чтобы освободиться от огромной промышленности и государства-снабженца. Но эта «Солидарность» должна выйти за пределы социалистических стран, потому что Б-рабочие не могут самостоятельно вырваться из замкнутого круга.

В-договор: развитие нищеты

До вторжения индустриальной Рабочей Машины в страны Третьего мира на этих территориях господствовала «бедность». Это означает, что людям принадлежало небольшое количество материальных благ, а денег у них вообще не было. В то же время людям удавалось обеспечивать себя продуктами питания. У них было всё необходимое для поддержания такого образа жизни. В их понимании «Богатство» не подразумевало под собой наличия вещей и денег. Богатством для каждого человека были мифы, фестивали, сказания, эротика, язык, музыка, танцы, театр и т. п. Люди были «бедные», но счастливые. (Как видно, само понимание народом «материальных» удовольствий определялось его культурой и ментальностью.) Однако Рабочая Машина уничтожила большую часть составляющих такой «бедности» и установила нищету.

Когда нашествие денежной экономики разрушает старые уклады жизни (так называемую «бедность»), начинается интенсивное развитие нищеты. В зависимости от ситуации это развитие происходит колониальным или «независимым» путём (под управлением местной элиты и бюрократии), социалистическим (государственный капитал), частнокапиталистическим или смешанным способом. Ход событий везде одинаков: потеря собственных источников питания (вместо самоснабжения собирают урожай на экспорт), шантаж со стороны А-стран на мировом рынке (жёсткие условия торговли, кредитные махинации). Крайняя эксплуатация, обнищание, репрессии, войны между враждующими кастами, экспансия могущественных держав, военные диктатуры, пытки, массовое убийство, высылки, голод — список можно продолжать бесконечно.

Так как В-рабочие находятся в крайне незащищённом положении, насилие является самым выгодным средством контроля. На этой территории Рабочая Машина смело раскручивает свой механизм подавления свобод, поскольку на неё нет никакой управы. Власть имущие касты в этих странах стремятся создать жизнеспособные централизованные государства и покончить с племенным, традиционным, «реакционным» или борющимся за свою автономию сопротивлением. Перед ними стоит задача образования национальных государств на территориях, границы которых были установлены колониальными державами. Ради этого «урегулирования» умирают миллионы людей, а другие миллионы становятся беженцами.

Национальная независимость не поборолась бедность и эксплуатацию, а только откорректировала старую колониальную систему согласно новым требованиям Рабочей Машины. Колониализм — не эффективное средство. Машине необходимы национальные маски, обещания прогресса и модернизации, чтобы получить временное согласие В-рабочих. Несмотря на субъективную доброжелательность большинства представителей элиты (Кваме Нкрума — первый президент независимой Ганы и Джэулиус Камбараре Ньерере — автор концепции «социализма уджамаа», одной из

разновидностей африканского социализма), развитие только подготовило почву для нового удара Рабочей Машины, деморализовало и развеяло иллюзии В-рабочих.

В условиях В-договора важнейшими концептами для рабочих являются семья, клан, племя. Денежная экономика не внушает доверия В-рабочим, поскольку их зарплаты ничтожны и смешны, а государство не является гарантом социальной защиты. Таким образом, семья становится единственным убежищем для В-рабочего. В то же время у семьи есть две стороны: она обеспечивает безопасность, и одновременно является инструментом подавления и сохранения зависимости. Причём это касается всех В-рабочих и даже тех, которые проживают в индустриальных странах (в этом случае больше всего страдают женщины). Семья становится рабочим местом для В-рабочих.

В-рабочие, проживающие в странах с развивающейся экономикой, оказываются в весьма скользкой ситуации: их призывают отказаться от прошлого (от семьи, деревни), но новое ещё не способно предоставить им даже элементарные средства для выживания. В результате для оказавшихся в городе В-рабочих трущобы становятся новым домом. В-рабочие только слышат о новых потребительских товарах, но не могут себе их позволить. В это время их деревни и земельные участки приходят в упадок. Эти участки становятся объектами для манипуляций, коррупции и эксплуатации власть имущей касты. В-рабочие находятся, так сказать, в полной «пустоте». В этом заключена относительная выгода В-договора. В-рабочие не привязаны к своим рабочим местам и не зависят от государства. Они не думают о том, что только с приходом пенсионного возраста можно будет расслабиться — никакой пенсии государство им выделять не будет.

В таких условиях В-рабочие хватаются за любую подвернувшуюся возможность. Всё же Машина оставила им крохи старой свободы охотников и собирателей. Стоит признать, что для В-рабочего возможность вернуться к своей семье в село, хоть уже и разрушенное, намного реальнее, чем для рабочего из А- и Б-стран. Несмотря на большой риск репрессий, В-рабочим легче уйти от Машины и легче её саботировать. Изменения происходят гораздо легче, чем у А- и Б-рабочих. Даже возвращение к непромышленному образу жизни для В-рабочих гораздо проще. С другой стороны, им всё же надо как-то перебиваться со дня на день, и бывают деньки, когда они не знают, откуда взять средства для пропитания на завтра. Уголовные банды, контрреволюционеры, политические касты пользуются этим и рекрутируют их в качестве дешёвых наёмников и провокаторов.

Несмотря на широкую пропаганду, В-рабочие распознают призрачность преимуществ западного потребительского общества. В лучшем случае благами этого общества пользуется господствующая каста, получая таким образом вознаграждение за службу Планрабмашине. В-рабочие всё чаще отказываются от предписанного пути развития: от В- к Б- и от Б- к А-договору. В-договор всё больше распространяется на Западе. От восхищённых предметами потребления В-рабочих не укрывается то, что А-рабочие тоже по-своему несчастны и бедны. Как видно, каждому договору присуща своя собственная нищета. В условиях каждого договора возникают свои собственные основания восстать против Машины. Но победить можно только совместно. Ведь В-рабочие не могут вернуться в свои сёла до тех пор, пока и А-, и

Б-рабочие не возродят свои «сёла». В противном случае они имеют реальный шанс быть обманутыми вдвойне.

Крах реальной политики

Нищета в странах Третьего мира, фрустрация в социалистических странах, обман в странах Запада — как видно история Машины представляет собой повсеместное недовольство и логику «выбора меньшего зла». Что же нам делать? Политики-реформаторы предлагают заигрывать с Машиной. Их задача состоит в том, чтобы распознать сопротивление, сформулировать его принципы, перевести их на язык Машины, встать во главе повстанческих движений и преобразовать их в конструктивный вклад в дальнейшее развитие Машины. Для этой цели у Машины есть политический аппарат, то есть парламенты, средства массовой информации, выборы, опросы общественного мнения на Западе или партии, профсоюзы, молодёжные организации, съезды, собрания на Востоке. Всё это вращается в рамках механизма работы Планрабмашины. Решения принимаются в центре и проводятся в жизнь на местах. Реальные политики выступают с новыми предложениями, утопиями, вариантами реформ... Человек всё больше привязывается к этой политике, а «между тем» (в ожидании изменений) он отдаёт свою энергию Машине. А потом жизнь заканчивается. Машина стала ещё хитрее и сильнее.

Реальные политики предлагают нам сделать Машину более человеческой, дружелюбной и мирной. Нищета и разочарование должны стать движущей силой для представителей политики реформ. Некоторые предложения реформаторов звучат совсем не плохо:

- двадцатичасовая рабочая неделя и распределение работы на всех;
- установление минимальной заработной платы, гарантирующей прожиточный минимум для всех;
- децентрализованное самоуправление и взаимопомощь в жилых районах;
- создание «автономного» производственного сектора мелкой продукции, даже если он не рентабелен;
- капиталовложения в развитие средних предприятий, соответствующих местным потребностям (в том числе в Третьем мире);
- ограничение личного и поощрение общественного транспорта (экономия энергии, защита окружающей среды);
- экономия энергии, теплоизоляция зданий, альтернативное снабжение энергией (создание небольших электростанций на солнечной энергии или на силе ветра);

- уменьшение потребления животных протеинов, что даст возможность победить голод в Третьем мире;
- всеобщее разоружение;
- общественное бесплатное здравоохранение и т. д.

Эти и другие реформистские предложения входят в официальные и неофициальные программы новых зелёно-пёстро-альтернативно-социально-пацифистских движений и партий. При этом речь идёт о государственных мерах против всемирно ощущаемого ухудшения качества жизни. Обновлённая Машина должна реагировать на выступления против атомных электростанций, против загрязнения окружающей среды и нежизнеспособности городов. Предлагаемые реформы, как бы утопически они ни выглядели, не разрушают основы Машины. Они скорее подготавливают эколого-микроэлектронный толчок для создания нового А-договора. Нас можно вымотать за 20 часов точно так же, как прежде за 40. В конце концов, «автономный» сектор будет дополнением к продолжающему существовать «гетерономному», т. е. технически-централизованному главному сектору. В лучшем случае «автономный» сектор был бы сектором с низкой заработной платой — территорией В-договора внутри А-регионов, где выжатые А-договором могли бы отдохнуть и подлечиться. Зависимость «автономных» предприятий от государственного аппарата ещё больше увеличилась бы. Реальная политика может быть «реальной», но в конечном итоге она лишь ходит вокруг да около, не касаясь сути проблемы. Социал-демократическая реформистская политика зашла в тупик, а её зелёно-альтернативный вариант уже взял тот же курс. Крах социал-демократических партий очевиден. Как только они приходят к власти — например, во Франции, Испании, Греции, Португалии, Боливии и т. д., — они запутываются в дебрях «экономической необходимости», и им не остаётся ничего другого, как проводить в жизнь правые программы экономии и рационализации, направленные против рабочих. Не Жискар, а Миттеран посылает полицию против рабочих-демонстрантов — изменилась только этикетка, а не содержание. В конечном итоге левые — лучшая полиция на службе «оздоровления экономики». Так же и новые «социальные движения» должны доказать, что их политика создаёт рабочие места, ведёт к росту капиталовложений, улучшает производительность, т. е. служит обновлению Машины. Реальные политики бесплатно выполняют задания Планрабмашины.

После каждого круга политических реформ нарастает апатия, становится всё труднее вдохновить нас на новый разбег. Эта политика не только ничего не достигает, но она ещё и отнимает нашу энергию, и разрушает движение сопротивления. Рабмашина охватывает всю планету, и никакая национальная политика реформ не может ей повредить. Она только углубляет международный раскол. Эта политика — часть игры Планрабмашины.

Банкротство реформистской реальной политики проявляется сегодня в том, что избиратели отдадут предпочтение циничным представителям экономической логики, а не левым реформаторам. Разочарованные А-рабочие выбирают самых глупых неоконсервативных функционеров машины типа Рейгана, Коля или Тэтчер. От них

не ожидают решения даже насущных проблем, таких как безработица, новая бедность, загрязнение окружающей среды, гонка вооружений или голод. Их выбирают не для того, чтобы они решили проблемы, а чтобы они оставили нас в покое. Если уж мы должны терпеть Машину, то лучше быть последовательными. К чему возиться, если в любом случае всё вскоре провалится в пропасть? Почему бы ещё пару лет не наслаждаться положительными сторонами национального или личного договора, вместо того чтобы заботиться о будущем, которое от нас не зависит? Независимо от того, кто у власти — Рейган или Коль, — никому не нужно верить в Машину и выступать за её улучшение. Вместе с ними можно смело улыбаться и забыть все сомнения. Планрабмашина плохо переносит сомнения, а с правыми политиками, может быть, удастся ещё раз пережить небольшой «подъём» на этом общем спуске. Это не много, но всё-таки больше, чем могут предложить левые. И можно обойтись без волнений и угрызений совести.

Всё или ничего

Планрабмашина вездесуща. Ни один политик не в силах её остановить. И так, неужели Машина будет управлять нами до тех пор, пока мы не умрём от сердечного приступа или рака в свои 65? Это ли наша жизнь? Так ли мы её представляли? Неужели смирение — это единственный выход? Мы способны спрятаться от самих себя, чтобы дожить несколько лет, которые нам остались? Может, на самом деле всё в порядке, а мы тут просто всё драматизируем?

Давайте не будем заниматься самообманом. Даже если мы мобилизуем всю нашу отвагу и дух, ничего не сдвинется с места. Машина надёжно укомплектована против политических камикадзе. Об этом свидетельствуют примеры RAF, «Красных Бригад», городских партизан Аргентины и других. Машина умеет справляться с вооружённым сопротивлением. Более того, она способна обратить энергию сопротивления в свою пользу.

Наши действия никак не влияют на разрушение Машины. Последовательное самоубийство на работе, продажа себя договорам Машины, поиск убежища, выигрыш в лотерее, метание коктейлей Молотова, обращение в новую веру, впадение в неадекват и безумие — мы исчерпали себя. Эта реальность не оставила нам ни одного шанса. Оппортунизм не вознаграждается. Карьера приводит к серьёзным проблемам со здоровьем. Попытка «выйти из игры» оборачивается самоэксплуатацией в гетто, размахиванием сковородками на грязных улицах, перекладыванием камней с места на место в саду при коммуне. Умные люди утомляют. Тупые — раздражают.

Логичным было бы спросить у себя: «Так как же я всё-таки хочу жить?», «Какое устройство общества наиболее приемлемо, и хочу ли я вообще жить в обществе?», «Кем же я всё-таки хочу быть?», «Чего же я на самом деле хочу?» Давайте же рассмотрим все эти вопросы в перспективе ближайшего будущего, то есть в перспективе ближайших пяти лет, пока мы ещё полны сил и в нормальной форме. (Реформисты обычно любят говорить в таких случаях: «Давайте поговорим о следующем поколении».)

Мечты, идеалы, утопии, альтернативы — может, это просто очередные иллюзии, которыми мы обманываемся, по-прежнему оставаясь шестерёнками в схеме «прогресса»? Машина стерилизует мечты и фантазии, упаковывает и продаёт их в виде романов, фильмов, пластинок. Роман и жизнь не должны смешиваться. Роли романтиков и реалистов распределены. Нас заливают потоком утопий, мечтаний, приключений, сценами из жизни других миров и необычных цивилизаций, экзотическими ритуалами — всем, что можно себе представить. Каждая попытка самостоятельно сформулировать свои желания, в противовес этому потоку, представляется смешной и ненужной. Культура Машины креативна, ритуальна и полна фантазий (лучшее трудно себе представить), но между этой культурой и машинными буднями — непреодолимая стена. Ведь хотя эта культура разнообразна (на все вкусы), она анонимна и

не затрагивает нашу жизнь: она для всех и ни для кого. Индустрия грёз уже выдыхается, но всё ещё оглушает нас. Наши желания не только вытесняются и ущемляются, но их ещё и цензурируют множеством способов: религиозным, моральным, научным. Наиболее частый моральный упрёк машины — это упрёк в эгоизме.

Политики-реформаторы снова и снова говорят, что мы не должны думать о себе, а должны создать лучший мир для наших детей. Этим аргументом можно оправдать любую форму отречения, подчинения, несправедливости, рабской покорности. Мы не должны думать о настоящем, а должны просто вкалывать, чтобы через 20–30 лет условия жизни стали лучше. Странная логика! Разве не были наши родители в 1950–1960-е годы жертвами тяжёлой работы, в результате которой мы оказались сегодня в тупике? А ведь как раз мы и являемся теми детьми, ради которых были принесены эти жертвы. Две мировых войны, кризис, фашизм, атомная бомба — всё это «взяли на себя» наши родители. А если бы они всего этого не сделали, если бы они всё-таки были эгоистами?! Отказ не является решением, но ведёт к новому отказу, т. е. укрепляет кругооборот «бедность — отказ» и оканчивается озлоблением. Дети используются как предлог, чтобы отложить решение наших собственных проблем. Но если нам удастся сломать Машину ради нас самих, то мы сделаем это также и ради своих детей. И также для Третьего мира. В то время как мы, избалованные дети экономического чуда, удлиняем список наших желаний, миллионы людей умирают с голоду. Им бы наши заботы! А имеем ли мы вообще право на эти желания, ведь мы сообщники в эксплуатации Третьего мира? Не должны ли мы вначале оплатить наши долги? Но некоторые из нас умирают от наркотиков, кончают жизнь самоубийством или становятся психически больными. Что же, наша нужда не в счёт? Как можно измерить, чья нужда больше? А главное — поможет ли наше моральное крушение угнетённым и бедным? Нет. Как раз если мы будем действовать только потому, что другим плохо или чтобы не допустить «худшее», мы будем создавать это «худшее» снова и снова. Ведь в этих случаях мы будем действовать под нажимом Машины и будем зависеть от её инициативы. Невозможно сломать В-договор, потому что он «самый плохой», а потом атаковать другие договоры. Или мы уничтожим игру всех договоров сразу, или они все останутся. Если мы не осознаем нужду А-рабочих, не мобилизуем наши желания против Машины, то мы укрепим Машину, и тогда наиболее пострадавшими окажутся В-рабочие. Для подавления наших желаний уже недостаточно культуры, морали и чувства вины, Машина прибегает к своему последнему трюку — глобальному шантажу в лице атомной войны, апокалипсиса, конца света. Она говорит нам: «Или вы подчинитесь мне, или я покончу жизнь самоубийством. Если вам моя игра не подходит, я взорву вас вместе с собой». Действительно, Машина несёт в себе смысл только при условии её дальнейшего существования, иначе ей нечего терять, так что ей легко убить себя. В этом и заключается сила шантажа атомной войной. Пророки, предрекающие конец света, умоляют нас забыть наши сегодняшние заботы, подавить наши желания, так как речь идёт о гибели всего человечества, самого вида *Homo sapiens*, природы и т. д. Мир становится орудием порабощения. Но только протестами против шантажа апокалипсисом мы ничего не добьёмся. Скорее наоборот, у нас есть шанс выжить, если мы сможем доказать Машине, что шантажировать нас не стоит и что мы не намерены подчиняться этому шантажу. Конечно, что бы мы ни предпринимали, факт остаётся фактом: Машина

может уничтожить и нас, и себя. Бег вперёд в действительности оканчивается тем, чем он логически и должен был закончиться, т. е. смертью. Машина дошла до такого предела, что ставит нам вопрос: «Всё или ничего?» Вопрос, на который она никакого ответа не получит. «Ничто» не может нас испугать. Умереть мы должны в любом случае, есть Машина или её нет. И смерть не станет страшнее только потому, что мы все умрём в один и тот же момент: каждый умирает только за себя и только один раз. Это «ничто» является сегодня образом жизни, у которого есть своя собственная философия (нигилизм, Шопенгауэр, буддизм), своя мода, своя музыка, фильмы, места встреч и т. д. Мы можем быть также и за апокалипсис. У пессимистов, циников, нигилистов есть хорошие аргументы: жизнь без смерти невыносима, мир без апокалипсиса — кошмар, всё должно иметь свой конец, и время когда-нибудь кончится.

С другой стороны, «Всё» звучит очень привлекательно. Конечно, это намного проблематичнее, чем «Ничего». Это подходит для мегаломаньяков и самодовольных типов. А может, они и существуют для того, чтобы «Ничего» стало ещё привлекательнее.

Боло-боло

Боло-боло — это мгновенная съёмка наших (моих?) желаний в настоящий момент и современная оценка технико-биологических границ для их осуществления. Реальность боло-боло субъективна, поскольку она состоит из желаний и грёз. Вы спросите: боло-боло — это «Всё» или «Ничего»? Оба ответа сразу могут стать правильными или ни один из них. Фундаментом для боло-боло служит простой набор представлений и желаний. Модель боло-боло может быть реализована во всём мире уже через пять лет при условии, что мы возьмёмся за дело прямо сейчас. Боло-боло гарантирует всем мягкое приземление в другой реальности. Никто не будет умирать от голода и холода. Никто не будет умирать преждевременно в переходный период. Существует очень низкая вероятность таких случаев.

Представлений об обществе, которое придёт на смену индустриальному, сегодня более чем достаточно: Эра Водолея, двойная экономика, экотопия (экологическая утопия), децентрализация, политкорректное общество, производпотребительское общество, «мягкая» технология. Тиражи альтернативной литературы растут не по дням, а по часам. Речь идёт об эпохальном кризисе, большом повороте, конце света, новой эре.

В современном обществе уже довольно много примеров альтернативных инициатив: коммуны, народные сходы, гражданские ассоциации и т. п. Все эти инициативы имеют множество хороших и полезных идей, которые, безусловно, будут перенесены в боло-боло. Но большинство этих инициатив не очень аппетитны: от них разит отречением, морализмом, утомительным переосмыслением, умеренностью и самоограничением. Конечно, нельзя отказаться полностью от границ и рамок, но разве речь идёт о границах удовольствий и приключений? Почему представители альтернативных идей говорят исключительно о новых обязанностях, умалчивая о новых возможностях?

Одним из слоганов альтернативщиков является: «Думай глобально, действуй локально». А почему бы не думать и действовать глобально и локально? Сейчас нам действительно не хватает практического глобального (и локального) плана. Нам нужен всеобщий язык, своего рода «грамматика желаний». Необходимо установить некоторое согласие по базовым элементам, поскольку не хотелось бы наступить на очередные грабли и установить новую Машину. В этом отношении нет никакого смысла откладывать изменения в долгий ящик. К чему сдерживать себя, когда смотришь в лицо грядущей катастрофе?

Боло-боло может и не оказаться лучшим и единственно верным планом организации нашего космического корабля. Но оно точно не будет плохим для всех, а станет приемлемым для большинства. Я за то, чтобы попробовать этот план, а там увидим, что будет дальше...

Субструкция

Как может боло-боло побороть Машину? Как мы можем парализовать её, демонтировать и одновременно создать новую действительность? Как должна проводиться борьба, чтобы она снова не стала движущей силой для Машины? Безусловно, мы не придём к боло-боло, если организуем партию и начнём заниматься политикой. В нашем случае необходимо пойти другой дорогой. Этим дорог много, и они разнообразны.

Стоит признать что вступив на тропу борьбы, мы неминуемо столкнёмся с проблемой, разрешение которой может вызвать у нас отторжение и негатив. Как можно парализовать и ликвидировать Машину, позволив реальности боло-боло развернуться и не быть уничтоженной на первых же этапах? Для обозначения борьбы мы будем использовать термин «деконструкция», или «субверсия». Этот термин означает разрушение Машины изнутри. Не стоит забывать, что мы являемся шестерёнками этой Машины. Вот почему необходимо всего лишь избавиться от функций, которые мы выполняем для этой Машины. Субверсия подразумевает изменение отношений между населением Машины (три вида рабочих) и также самого отношения к Машине. Субверсия — это не атака. На этой войне нет штаб-квартир, униформ и рангов.

Субверсия сама по себе всегда обречена на провал. С её помощью мы можем парализовать определённые секторы Машины и уничтожить только одну её характеристику. Субверсия развалится, если практически одновременно не будут созданы новые формы жизни. Пространство, которое создаст субверсия, должно быть тотчас же занято нашими конструкциями. Нельзя надеяться на то, что первым делом необходимо ликвидировать Машину, а потом — на «пустом» месте — установить боло-боло. В каждом случае мы придём с огромным опозданием. Элементы боло-боло, сажены её структур, должны занимать все свободные промежутки, заброшенные места, завоёванные базы и становиться началом новых отношений. Конструкция и субверсия соединятся в новый процесс — субструкцию (или «конверсию», как вам больше нравится). Конструкция не должна стать предлогом к отказу от субверсии. Субверсия сама по себе создаёт только лишь исторические даты и «героев», но не оставляет конкретных результатов. Конструкция и субверсия поодиночке являются формами молчаливой или открытой коллаборации с Машинной. Разрушение и созидание должны быть скомбинированы в один процесс — «субструкцию». Там, где будет разрушен мир Машины, должна установиться реальность боло-боло.

Диско

Можно сказать, что каждый тип рабочего в любой точке земного шара имеет свой потенциал для субверсии. Субверсионное меню для всей планеты выглядит приблизительно так:

А. Дезинформация: саботаж (в компьютерных сетях и программах), использование рабочих компьютеров в собственных интересах (игры и т. д.), умышленно неправильное планирование, ошибки в конструкциях, раскрытие секретов (например Элсберг, вызвавший Уотергейтский скандал), перебежчики (учёные, служащие, менеджеры), отказ от оценок (учителя), умышленно плохой менеджмент, инакомыслие, производство фальшивых денег, документов, сообщений и т. д. Непосредственное действие может длиться секунды или годы.

Б. Диспродукция: снижение качества и производительности труда, повреждение машин, симулирование болезней, хищение материалов, инструментов, использование оборудования для личных целей, забастовки, смена рабочих мест, собрания в рабочее время, захват управления предприятиями, работа строго по инструкции (например, польские рабочие и их «черепашья забастовка»). Непосредственное действие может длиться несколько недель, месяцев.

В. Дизрупция: бунты, разводы, побег из семьи / армии / мест заключения, переход из одного политического лагеря в другой и т. д.; беспорядки, уличные блокады, захват домов и земельных участков, поджоги, партизанские действия (например, в Сан-Пауло, Майями, Соуэто, Эль-Сальвадор, Амстердам, Берлин, Цюрих, Варшава). Действие кратковременно: часы или дни для каждого события.

Все эти формы действия содержат в себе деструктивные и конструктивные (разрушающие и созидрующие) элементы. Каждый тип субверсии может нанести вред Машине и, возможно, на короткое время вывести её из строя. Но любой тип субверсии может быть нейтрализован, если два других типа не действуют одновременно с ним. Продолжительность воздействия всех типов субверсии различна в зависимости от места и времени. Например, если производство продолжает работать, то ущерб, нанесённый дизрупцией, может быть устранён. Строители приходят, расчищают место, вставляют стёкла, восстанавливают электропроводку — и производство автомобилей возобновляется. Планрабмашина защищена от дизрупции страховыми компаниями, полицией и т. д. Забастовки быстро подавляются, если путь полицейским и штрейкбрехерам не заблокирован. Дизрупция без промедления свернётся, если Машина всё ещё поддерживается сектором производства. Машина знает, что против неё всегда найдётся субверсия, а все три типа рабочих всегда можно выкупить договорами и направить друг против друга. Она только пытается расшатать атаки этих трёх направлений таким образом, чтобы они были не в состоянии поддерживать и дополнять друг друга.

Распределив их во времени и пространстве, она может направить одну акцию против другой. Например, Б-рабочие, которые ещё совсем недавно бастовали (диспродукция), и им удалось достигнуть своих целей, проклинают В-бунтовщиков, которые устроили уличную блокаду и не дают им вовремя прийти на работу. Хотя возможно, что бунтующие В-рабочие выступают против плотного уличного движения, которое делает жизнь в их жилом районе невыносимой в час пик. Неизбежность конфликта заключается в том, что Б-рабочие живут за городом, и им нужно проезжать через этот район. Ещё один пример: фирма, производящая оружие, обанкротилась и должна уволить рабочих, поскольку А-рабочие умышленно допустили ошибку в программе управления. В результате уволенные выходят на демонстрацию, требуя работу и т. д. и т. п. Таким образом, Планрабмашина, которая правильно дозирует уступки или, наоборот, остаётся неожиданно непреклонной, делает борьбу этих трёх групп безуспешной. Разрозненные выступления становятся средством контроля, принуждающим руководителей Машины к изобретательности и динамике. Машина получает ценные сведения о своих слабых местах и о настроениях рабочих, что помогает ей отрегулировать свои механизмы. В случае необходимости она даже может сама спровоцировать конфликты для того, чтобы выяснить, где нужно усилить контроль. Хотя политики Машины пропагандируют порядок и спокойствие, в действительности для поддержания своего господства им нужны непрерывные, но подконтрольные конфликты.

Для того чтобы ситуация стала смертельной или критической для Машины, нужно комбинировать и умножать дезинформацию, диспродукцию и дизрупцию. Для такой комбинации необходимо преодолеть разрыв между этими тремя функциями и соответствующими типами рабочих, т. е. необходимо создать такую связь, которая не может быть использована Машиной, — назовём её «дискоммуникация». Таким образом, финальная игра против Машины называется «АБВ-диско».

Где могут создаваться настоящие АБВ-узлы? Вряд ли там, где рабочие встречаются в качестве функционирующих винтиков машины: на рабочем месте, в супермаркете, в домашнем хозяйстве. Организация предприятий основана на расколе рабочих, а профсоюзы со своим разделением по профессиям и отраслям только подчёркивают этот раскол. С другой стороны, объединённые профсоюзы в минимальной степени централизованы через своих представителей и подчиняются партийной логике. Функционеры, а не члены профсоюза встречаются между собой. Экономические интересы — двоякая мотивация. Они устанавливаются Машиной, поэтому могут точно так же раскалывать, как и объединять. В офисах и предприятиях между рабочими возводятся стены, наличие общих интересов у рабочих особенно усугубляется зарплатами, статусами, иерархиями, привилегиями и т. п. Сегодня АБВ-диско почти не может возникнуть в основной экономической области Машины. История классовой борьбы слишком хорошо научила Машину, как можно не допустить солидарности рабочих. Может быть, солидарность и возникнет снова, но окружным путём.

В жизни имеются такие области (для Машины они наиболее уязвимы), где АБВ-диско легче возникнуть. Машина не может всё переработать и превратить в товары: религию, язык, природу, чувства, сексуальную жизнь, сплин, опыт мистики и иррационализма. Жизни в целом всё же удаётся ускользнуть от базовой модели Машины. Конечно, Машина уже давно знает о своих слабостях в этих областях жизни и пы-

тается овладеть ими, ведь она, вопреки ожиданиям, установила, что уничтожить их не так-то просто. Религия становится бизнесом сект, охрана природы — гешефтом экологической индустрии, эротика — секс-гешефтом, сплин — модой, а для чувств имеются психологические институты. Некоторые потребности практически невозможно поставить на конвейер массового потребления — в первую очередь, это аутентичный, личный опыт. Таким образом, превращение в товар происходит лишь частично, и всё больше и больше людей знакомятся с «не перевариваемыми Машиной идеями». Этнические и местные освободительные движения, движения в защиту окружающей среды, автономные медицинские проекты, новые религиозные движения, гомосексуальные субкультуры — все они основываются на этом недостатке Машины. Эти движения не имеют никакой экономической программы, их внутреннее устройство, воскрешённое или вновь созданное, находится по ту сторону экономической логики. И как раз в рамках таких движений могут образоваться АБВ-узлы. Почему церкви, которые уже считались мёртвыми, вдруг стали местами сопротивления? Не потому, что люди вновь стали «верующими», а потому, что там могут встречаться, вне зависимости от их общественного положения, интеллектуалы, рабочие, домашние хозяйки и т. д. В гей-клубах встречаются офицеры, шофёры, продавцы. Объединяются американские индейцы: адвокаты, горняки, воспитательницы детских садов. Таким же образом могут впервые встретиться безработные, государственные служащие, работники искусства, протестующие против строительства шоссе с сильным автодвижением. Такие АБВ-встречи и определяют субструктивный размах этих движений. Поэтому Машина (её политики) пытается в первую очередь раздробить эти движения то путём переговоров с делегацией протестующих, то направляя отдельные группы протестующих друг против друга, говоря, что «эти или те используют вас» и т. д. Принцип встреч диаметрально противоположен принципу голосований и выборов. Для первого важен живой личный обмен, для второго — анонимная сумма одинаковых голосов. Разве каждое «да» или «нет» одинаково серьёзны? И если такая видимая реальность утвердилась, то эти движения быстро распадаются, и остаются лишь отдельные А-узлы, пожирающие исторические трупы.

Упомянутые «новые» движения были в первую очередь движениями дезинформации, а созданные ими АБВ-узлы были поверхностными и кратковременными и скорее выражали потребность в таких узлах, чем осуществляли её. Для нейтрализации таких серьёзных барьеров, как доход, образование или общественное положение, недостаточно просто иметь общие мнения или идеологии. АБВ-узлы должны проявлять себя ежедневно, а не только в особых, искусственно созданных ситуациях, таких как демонстрации, блокады, собрания, фестивали. Общая культурная идентичность должна превратиться в практические зародыши новой реальности. Как это могло бы произойти, можно установить только на практике. Может быть, жилые районы, рынки, клубы, салоны, кооперативные магазины и т. п. и являются такими пунктами АБВ-встреч или могли бы стать ими? В них могли бы возникнуть взаимопомощь, замена денежных отношений, партнёрство между горожанами и крестьянами, или они могли бы создать проект жилого массива или района, который обозначил бы будущее боло-боло. Было бы наивно представлять себе, что из таких АБВ-встреч может постепенно и мирно создаться иная реальность: Машина не будет равно-

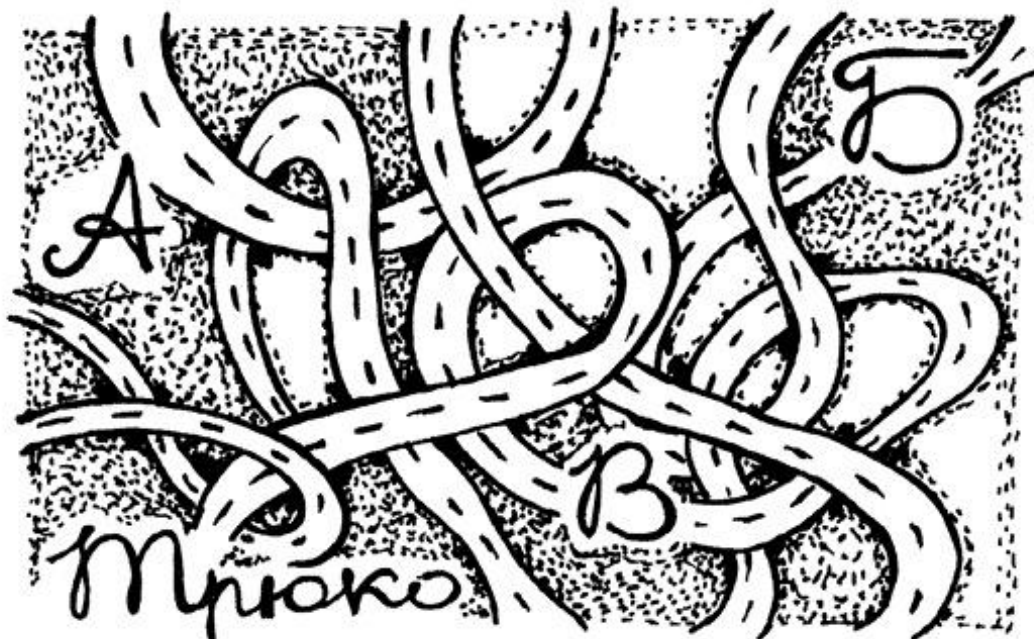
душно смотреть, как мы создаём наши альтернативы, поэтому АБВ-диско должно быть одновременно и лабораторией для испытаний новых форм субверсии. Для проведения новых неожиданных акций, запугивающих машину, АБВ-диско может собирать информацию всех трёх секторов и комбинировать их опыт. Совместно диско может всё время создавать новую, загадочную для Машины обстановку. Мозг машины не способен сразу обработать такое большое количество информации, ведь он ещё должен мыслить во многих направлениях, необходимых для самой Машины, поддерживая разделение в управлении (министерства, комитеты и т. д.) и иерархию ответственности. Всякий, кто наблюдал даже случайно возникшее диско, знает, сколько различных средств и возможностей неожиданно создаётся в нём как раз потому, что все его участники совершенно разного происхождения. Главное стратегическое преимущество диско-узлов — это их подвижность и способность создавать неожиданные ситуации. Для Машины возникновение и исчезновение диско-узлов очень часто бывает непонятным. В противоположность партиям или профсоюзам предсказать «политическую» тактику АБВ-узлов очень трудно. АБВ-узлы не образуют пирамиду, они переплетаются, разбухают, т. е. образуют горизонтально вытянутую сеть, создающую структуру децентрализованных личных связей, которые представляют собой единственную альтернативу Планрабмашине.

Сегодня неожиданность и неясность в субструктивной борьбе жизненно необходимы. Мы должны, так сказать, убаюкивать Планрабмашину, чтобы не разбудить её милитаристские или самоубийственные инстинкты. Мы не должны допустить ошибку, создав «Противорабмашину», которая будет конкурировать с Планрабмашинной. Если мы это сделаем, то мы просто спровоцируем уничтожающую борьбу, которую бесспорно проиграем. Это те выводы, которые мы можем сделать из ленинской стратегии или из опыта герильи (Красная Армия, «Красные бригады», террористические группы в ФРГ и Италии и т. д.). Конечно, «Противорабмашины» могут причинить большой ущерб (взрывы, убийства функционеров Планрабмашины и т. п.), но они не создают никаких новых связей между людьми и поэтому остаются разрушающими. Всякий раз, когда «Противорабмашины» побеждали (там, где Планрабмашина была очень слаба, — в России, Китае и т. д.), они сразу же проявляли свой «машинный» характер, а их альтернативные качества терялись. Этот опыт учли польские рабочие, которые, несмотря на их внушительное численное превосходство, избегали всякого столкновения с полицией и армией. Если полиция и армия ещё готовы в нас стрелять, то это значит, что АБВ-диско слишком слабо, что большая часть организма машины ещё «здоровая» и что ещё слишком многие надеются на создание для них особого договора. Это, конечно, не значит, что любая форма вооружённой борьбы идёт вразрез с нашими интересами. АБВ-узлы могут проводить неожиданные насильственные акции, но не приводя при этом «Противорабмашину» в действие. Образующаяся сегодня «диффузная» герилья наносит больше ущерба Машине, чем старая добрая «классическая» городская герилья. Не нанесение Машине большего ущерба, а создание новых отношений между людьми является логикой «диффузной» герильи. И это действительно «наибольший ущерб» для Машины (субструкция), это одна из форм практической медитации.

Трюко

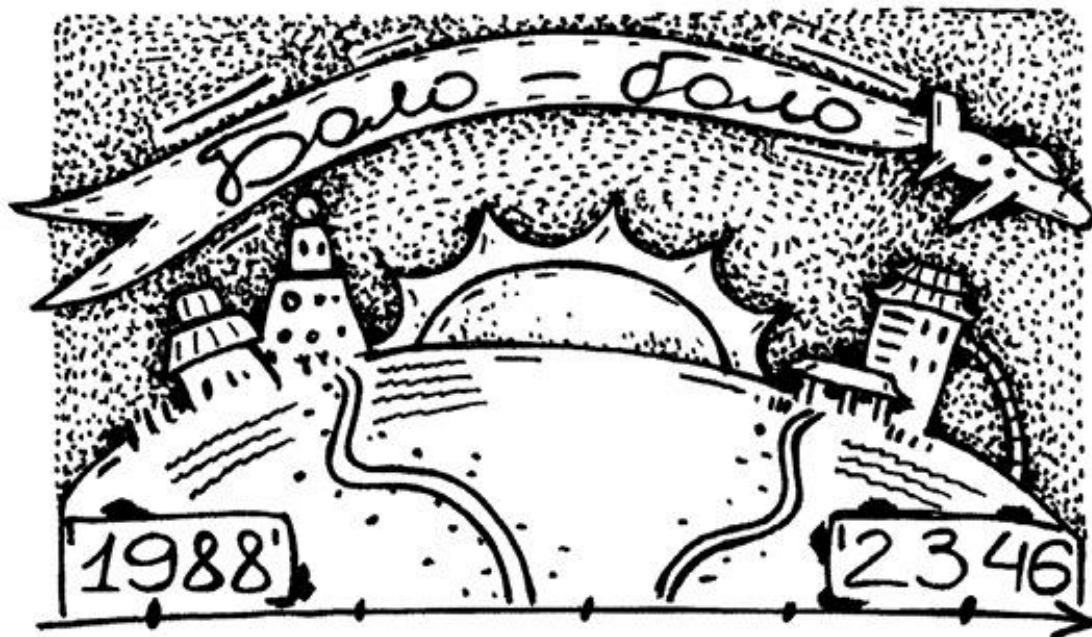
Если считать, что Планрабмашина имеет планетарный характер, то для её обезвреживания не хватит одних местных или региональных диско. Необходимо, чтобы люди на Востоке, Западе и Юге одновременно начали саботаж своих функций — маленьких винтиков Планрабмашины — и образовали бы зародыши новых систем. Необходимо создать АБВ-диско-узлы и во всемирном масштабе. Назовём их «трюко-коммуникации», или сокращённо «трюко». Трюко — это диско между АБВ-узлами в трёх частях света: западном индустриальном, социалистическом и Третьем мире. Но трюко не создаётся при помощи образования какого-нибудь бюро. Конгрессы и конференции остаются на поверхности общества. Что нам действительно нужно для общего проекта, так это прямые личные связи. Создать трюко можно, например, если живущие по соседству люди наладят контакты с партнёрами в других частях света. Тогда могло бы возникнуть трюко: Анджелино Хейтс (Лос-Анджелес) — Переделкино (Московская область) или Цюрих — Данциг — Фиджи. Возможно, сначала такие трюко будут созданы на основе личных знакомств во время туристических поездок. Если удастся связать трюко между собой, тогда можно будет скомбинировать положительные стороны ранних общественных договоров и направить их против Машины. Объединения А-, Б- и В-партнёров, свободные от контроля Машины, могут соединяться и расширяться. Можно наладить обмен информацией, средствами производства и природными ресурсами. На первых этапах АБВ-узлы в Третьем мире будут нуждаться в медикаментах, оружии, продуктах питания или оборудовании, необходимом для развития инфраструктуры (колодцы, телефонная сеть и т. д.) и сельского хозяйства. При этом речь идёт не просто о помощи развивающимся странам, а о личных контактах и общих проектах. Это значит, что если мы хотим сделать деревни в Третьем мире вновь пригодными для проживания, то мы должны познакомиться с опытом, традициями и техникой народов Третьего мира, которые могут пригодиться и нам, для того чтобы расчленить агломерат наших жилых массивов в «деревни» (боло). Речь идёт о трехстороннем взаимодействии. Таким образом может быть постепенно разрушен мировой рынок, механизм деления на классы и нации. Трюко также помогут находящимся в АБВ-узлах увидеть иллюзорные предрассудки, которые у них имеются по отношению друг к другу. Западные диско узнают кое-что о социалистическом житье-бытье, их восточные партнёры освободятся от иллюзий о золотом Западе, и тогда они отвергнут ложь как антикоммунистической, так и официальной коммунистической пропаганды, и им будет легче сопротивляться этим доктринам. Диско Третьего мира освободятся от идеологии «развивающихся» стран, и господствующие классы не смогут так легко обманывать их социалистической демагогией. Взаимопомощь позволяет всем трём типам общественного договора соединить свои преимущества и уменьшить недостатки как культурные, так и ма-

териальные. Только такое возрастающее переплетение трюко может постепенно разрушить игру машины.

Трюко также создают предпосылки для формирования планетарных безденежных (обменных) отношений, а также для всеобщего права, гостеприимства (зила) и образования автономных регионов (зуми). Трюко могут изнутри заблокировать национальную военную машину и поэтому являются единственным действующим движением за мир, поскольку дело не в «мире», а в альтернативном позитивном проекте. Если же АБВ-диско будет делом только отдельных кварталов или даже районов мира, то тогда они обречены на провал и станут просто новой движущей силой Машины. Тогда боло будет концептом для решения местных проблем и кризисов или превратится в место отдыха для богатых туристов. Бесполезно думать глобально, а действовать только локально. Конечно, создание альтернативной реальности и проведение акций — дело правильное и хорошее, но без трюко оно погрязнет в изоляции и задохнётся от культурного обеднения. Богатство всей планеты должно быть доступно всем.

Предварительное расписание

Если всё пойдёт хорошо, то до конца 1987 года боло-боло может стать реальностью. Только мы ответственны за задержку реализации плана. Нижеследующее расписание поможет нам спланировать движение вперёд.

1984 год. Брошюры, плакаты, символы боло-боло распространяются на основных языках по всему миру. В жилых кварталах и городах создаются АБВ-узлы. Завязываются контакты для их самоснабжения. Возникают первые трюко. Некоторые диско превращаются в экспериментальные боло. В отдельных кварталах жители изучают пригодность строений для оборудования в них боло, зади и т. д. Составляются «теневые планы». Личный автотранспорт резко ограничивается, улицы блокируются. Во многих местах политическая Машина испытывает кризис, власти с трудом удерживают контроль над событиями. Армия и полиция реагируют вяло.

1985 год. Образуются трюко и диско, которые всё больше выполняют различные функции: взаимопомощь в снабжении продуктами, шефство над другими диско, обменные связи с крестьянами или сельскими диско. Повсюду создаются временные боло, которые устанавливают контакты друг с другом. Происходят

бурные дискуссии по поводу теневых планов. Государство пробует разрушить боло, но подвергается атакам субструкции, а реальные политики, которые пробуют выдать себя за представителей боло-боло, терпят поражение.

1986 год. Более крупные области выходят из-под контроля Планрабмашины, среди них Орегон, Таджикистан, Саксония, Уэльс, Швейцария, Гана, Бразилия.

В этих областях сельское хозяйство переходит на самоснабжение, воздвигаются структуры боло-боло, создаётся сеть всемирных связей и контактов для обмена товарами. К концу года мир покрывается пятнами автономных областей (юдо), связок боло, одиночных боло и остатками государств — кусками Планрабмашины. Происходят всеобщие волнения. Машина пробует разбить боло военным и экономическим путём и очистить от диско остатки государств. В большинстве случаев воинские соединения восстают или выполняют приказы только для виду. Обе сверхдержавы отказываются от старой игры в блоки и объединяются в ССШР — Союз Стабильных Штатов и Республик. Первая задача ССШР — восстановление новой, очищенной от боло, индустриальной зоны в Центральной Азии («Мономат»).

1987 год. Международная транспортная система разваливается, международная торговля прекращается. Представители 200 автономных областей собираются на первый всемирный съезд (аза-дала) в уже мирном Бейруте для обсуждения первых шагов по созданию мировой сети контактов. Принимаются программы о международной поддержке областей и боло в преодолении трудностей переходного периода. ССШР контролирует только «Мономат» и пару десятков внешних постов. К осени везде создаются структуры самоснабжения, голод и государства исчезают. В декабре рабочие «Мономата» бегут в области боло. ССШР исчезает без всяких формальных церемоний, без сожжения красно-белого флага с голубой звездой.

1988–2346 годы. Боло-боло.

2347 год. Боло-боло останавливаются в своём развитии. В это время «белые» (культурная эпидемия) распространяются и вытесняют все другие нима. Начинается эпоха созерцания и хаоса. Население мира уменьшается до нескольких миллионов.

2764 год. Начало новой эры Ювио. Все сведения об Истории (до 2763 года) утеряны.

Ибу

Собственно говоря, есть только ибу и больше ничего. Ибу нестабильно, парадоксально и извращено. Несмотря на то, что есть только одно единственное ибу, оно ведёт себя так, как будто существует больше четырёх миллиардов ибу. Ибу также знает, что оно само выдумало мир и действительность, а ещё оно твёрдо убеждено, что эта иллюзия реальна. Ибу могло бы выдумать приятную, беспроблемную действительность, но оно настояло на том, чтобы внушить себе нищий, жестокий, противоречивый мир¹.

Оно выдумало себе реальность, непрерывно потрясаемую конфликтами, катастрофами, кризисами. Оно разрывается между опьянением счастьем и горем, между восхищением и разочарованием, между спокойствием и нервозностью. Ибу имеет тело, которое ежедневно потребляет 2000 калорий, быстро утомляется, мёрзнет, болеет и приблизительно каждые семьдесят лет выгоняет ибу из себя. Этот мир — совокупность постоянных и безумных трудностей и препятствий.

Внешний мир ибу — один сплошной кошмар. Постоянные опасности вынуждают его всё время балансировать между страхом и героизмом. При этом ибу может в любой момент со всем этим покончить, убив себя и исчезнув. Поскольку есть только одно ибу и выдуманный им мир, то ему не надо заботиться об оставшихся родственниках, горящих друзьях, неоплаченных счетах и т. д. Его собственная смерть не имеет абсолютно никаких последствий. Вместе с ним исчезнут навсегда природа, люди, история, космос, логика — просто всё. Так что ибу мучает себя добровольно. Но при этом утверждает, что оно является только частью действительности. К чему этот самообман?

По-видимому, ибу влюблено в свой мазохистский сон. Оно даже научно обосновало его и отделило от «небытия». Ибу определяет мечты как нереальные, и таким образом

¹ Утопический характер моего мира (а кто предложит альтернативу?) это не просто философская шутка. На самом деле это лишь выводы современной квантовой физики. Майкл Талболт в своей книге «Голографическая Вселенная» отмечает, что «мир, в котором мы живём, в действительности может представлять собой удивительно тонкую и сложную иллюзию, не более реальную, чем образ принцессы в кино, пленивший главного героя. В самом деле, имеется немало данных, позволяющих предположить, что наш мир и всё, что в нём находится, — от снежинок и листьев клёна до электронов и комет — всего лишь призрачные картинки-проекции, спроецированные из некоего уровня реальности, который расположен далеко за пределами нашего обычного мира — настолько далеко, что там исчезают сами понятия времени и пространства».

кошмар становится сном о нереальности мечтаний. Ибу загнало само себя в ловушку действительности.

Законы природы, логика, математика, экономическое давление и общественные обязанности образуют границы этой ловушки. Поскольку ибу настойчиво погружается в сон своего собственного бессилия, то власть и сила, которым оно обязано повиноваться, приходят из внешних инстанций, таких как бог, жизнь, государство, мораль, прогресс, общественное благосостояние, будущее, производительность. На основании этих требований образуется «смысл жизни», осуществить который полностью, конечно же, невозможно. Ибу чувствует себя всё время виноватым, несчастным, постоянно напряжённым и забывает о себе и своей власти над миром.

Чтобы не пробудить в самом себе осознание того, что действительность является сном, ибу выдумало «других». Оно внушает себе, что эти искусственные существа точно такие же, как оно само. Как в театре абсурда, оно вступает с ними в «связь», любит или ненавидит их и даже спрашивает у них совета или философских разъяснений. Таким образом, оно уходит от собственного сознания и, чтобы освободиться от него совсем, передаёт его «другим». Для того чтобы сделать других понятными для себя, ибу формирует из них пары, семьи, объединения, племена, клубы, народы, человечество. Оно выдумывает себе «общество» и подчиняется его законам. Кошмар готов.

И только тогда, когда его мир-сон внезапно начинает трещать по швам, ибу готово заняться самим собой. Правда, вместо того чтобы покончить со своим извращённым существованием, оно начинает себя жалеть и остаётся живым трупом. Затянувшееся самоубийство втискивается в «действительность» и оборачивается для ибу

коллективным концом света — атомной войной или экологической катастрофой. Поскольку у ибу не хватает сил убить самого себя, эта привилегия возлагается на действительность.

Ибу любит истязать самого себя, поэтому строит воздушные замки, рай, гармоничные миры, великолепные утопии, которые оно, конечно, не сможет осуществить. В конечном итоге они служат лишь для поддержания кошмара, дают ему изначально обречённые на крах надежды и подстрекают на принесение себя в жертву, участие в активистских движениях и революциях. Ибу всё время попадает на приманку иллюзий и желаний. Его нельзя ничему научить. Оно забывает, что любая реальность, все мечты, да и само ибу бесконечно скучны и тягостны, и единственное решение состоит в том, чтобы немедленно уйти в счастливое небытие.

¹ Боло — это не сеть взаимопомощи и даже не племя. Как свидетельствуют факты, число жителей (500) соответствует минимальному числу членов традиционного племени. Примерно 500 индивидумов образуют самую маленькую дееспособную генетическую копилку представителей *Homo sapiens*. Такая ячейка общества была типичной для всех обществ собирателей/охотников на протяжении миллионов лет (т. е. ещё до того, как появился *Homo sapiens*). (Ричард Лики и Роджер Левин «Люди Озера: Человечество и его истоки» / *People of the Lake: Mankind and Its Beginnings*, 1979.) Поэтому можно предположить, что нам будет комфортно жить в сообществах такого размера. Вдобавок боло имеет множество других преимуществ в сферах сельского хозяйства, медицины, культурной идентичности и т. д. Количество в 500 человек представляет собой что-то вроде верхнего предела «спонтанно» образованных социальных организмов. Это число фигурирует во многих типичных урбанистических сообществах и образованиях в разных странах мира: размер пехотного батальона, вместимость конференц-зала, количество сотрудников на среднем предприятии и т. д. Причина возникновения сообществ именно такого размера кроется не только в генетике и традициях. Цифра 500 покрывает допустимое минимальное разнообразие возрастов, полов, интересов и способов разделения труда. В то же время отсутствие необходимости в специальных социальных организациях для самоорганизации не обязательно приводит к анонимности (вы можете знать лично всех членов сообщества, но это не означает, что вам нужно быть близкими друзьями). Возрастные группы довольно большие для социальных взаимодействий и даже допускают эндогамию. В продвинутой индустриальной стране соотношение возрастных групп в сообществе выглядело бы следующим образом: 200 молодых людей (от 1 года до 30 лет), 200 человек среднего возраста (30–60 лет) и 100 пожилых людей. Возрастные группы (1–9 лет, 10–19 лет и т. д.) могли бы состоять из 20–40 человек (кроме тех, кому за 80, конечно). В странах Третьего мира на первых этапах цифры будут расходиться с вышеизложенным вариантом (300 молодых людей, 150 человек среднего возраста и 50 стариков), но постепенно сравниваются с ним.

Как правило, большинство теоретиков альтернативных и утопических направлений осмысливают свои базовые общины с административной или исключительно с экологической/технической точки зрения. Это также типично для анархических и синдикалистских утопий. Так, например, Томас Мор в 1516 году скомбинировал 30 крупных семейств в единицы максимум по 500 человек. Базовые общины утопий XIX века (Шарль Фурье, Этьен Кабе, Джордж Оруэлл и т. д.) в основном больше, поскольку они ориентированы на изоляционистское государство. Фаланстеры у Фурье — это небольшие социальные сообщества, которым присущи все человеческие чувства и занятия. Большинство современных утопий на деле представляют собой тоталитарные, монокультурные модели, за основу организации которых используются работа и образование. Ирония заключается в том, что некоторые элементы утопий использовались для таких концепций, как тюремная система, госпитали и тоталитарные режимы (фашизм, социализм и т. п.).

В «Светокопии выживания» («Экологист», том 2, № 1, 1972) за базовую единицу принимаются «районы» размером примерно в 500 человек, которые формируют «общины» в 5000 человек и «регионы» в 500 000 человек, которые в свою очередь становятся «нациями». В романе Эрнеста Калленбаха «Экотопия» существуют «мини-города», в которых проживают 10 000 человек, и общины в размере 10–30 человек. По мнению ряда швейцарских философов, социальные ячейки размером в более 100 человек «непрозрачны». Большинство утопий переполнены множеством предписаний касательно одежды, формы, рабочего расписания, образования, сексуальности и т. п. и постулируют определённые принципы внутренней организации (например, сифогранты Томаса Мора или демократический строй). Разум, практичность, гармония, ненасилие, экология, моральность, экологическая производительность — всё это является центральными мотивировками. В боло люди определённой культуры живут вместе и не подконтрольны никаким законам.

Каждое боло уникально. Даже самая идеальная демократия не может гарантировать удовлетворение потребностей всех граждан. Различные попытки «самоуправления» в демократических обществах, представленные советами и комитетами, на деле подконтрольны государству или партиям. Только уважение к культурной идентичности и разнообразие культур может гарантировать независимость и «демократию» для того или иного общества. Это не вопрос политики. Так как размер боло относительно большой, внутри него будут возникать различные подразделения, подструктуры и организмы. К вопросам вроде рождения детей (или бездетности), образования (а лучше полному отсутствию образования), полигамии, экзогамии, отношений и т. п. будут подходить с широким пониманием этих явлений. Для каждого боло будут особые подструктуры (кана, семьи, банды, тотемы и т. д.)

Боло

Ибу всё ещё здесь, чего оно хочет? Надеется на меньшее зло? Оно по-прежнему одиноко, но верит, что освободится от своего одиночества, если поладит с четырьмя миллиардами других ибу. Существуют ли они на самом деле? В этом нельзя быть уверенным...

Существует ряд причин, по которым нельзя ставить знак «равно» между «боло» и «племя». Этого нельзя делать хотя бы потому, что времена племён уже давно и безвозвратно прошли. Лозунг «Выживут только племена» красиво и романтично звучит, но наша несчастная история продемонстрировала нам, что племена не выжили во многих частях планеты, а те, что остались, находятся на грани исчезновения. Сегодня нам известно, что большинство племён по своей сути патриархальны и представляют собой изолированные и слабые структуры. Тем не менее, в настоящее время такие племена могут послужить в качестве практических моделей построения общества. Безусловно, для создания боло окажутся полезными некоторые характерные особенности «идеального племени» (культурная самобытность + самоснабжение + величина + гостеприимство).

Но ведь эти же «идеальные племена» привели нас к тому беспорядку, с которым нам теперь бороться. Тогда племена были не в состоянии остановить появление планетарной рабочей машины. Когда-то мы были хорошими дикарями, а сегодня у нас есть монстр, порождённый цивилизацией. Нет смысла возлагать всю вину на древние племена — они просто прогнулись под обстоятельства. Только сегодня мы можем позаботиться о том, чтобы подобная «ошибка» не повторилась (история терпит ошибку только один раз... а может, два...). Мы увидели лицо индустриального общества, научились на его ошибках. Фантазии и мифы о племенных обществах не помогут нам. Начало настоящему «племенному веку» положено уже сегодня.

Социальная организация всегда подразумевает социальный контроль — даже в случае с «гибкими» боло. Когда деньги и их функции исчезнут, появится новый контроль только уже в другой его форме — персональный. Индивидууму не спрятаться от персонального контроля, подотчётности и налагаемых связей. Фактически солидарность и оказание помощи в любых формах будет восприниматься как принуждение. Персональный социальный контроль станет «ценой», которую мы должны заплатить за ликвидацию денег. Практически никому (ни ему, ни ей) не удастся отгородиться от общества, раствориться в нём, как это типично для современного общества. Такое будет возможно только в боло, построенных на принципе сознательной анонимности. Во все времена общество подразумевало наличие полиции, политиков, репрессий, оппортунизма и лицемерия. Для многих из нас словосочетание «хорошее общество» звучит как что-то очень страшное. По этой причине боло-боло не будет представлять собой однородную массу. В боло-боло найдётся специальное место для одиночек, отшельников, мизантропов, гениев и коммун. Нет такого правила, что каждый должен стать частичкой общества. (Этот аспект не учитывается большинством утопий и политических идеологий. Исключением является либеральная философия старой школы. Таким образом, боло-боло ближе к либерализму, а не к социализму. Но либерализм в чистом виде (так же как и социализм) тоталитарен, ибо это идеология большинства.) Я боюсь за боло-боло...

Итак, ибу объединяются в боло размером от 300 до 500 ибу. Боло — это связь с другими ибу, т. е. прямые, личные, бытовые взаимоотношения¹. Боло пришло на смену старому соглашению, которому мы дали название «деньги». В боло ибу получают свои ежедневные 2000 калорий, жильё, медицинское обслуживание... — всё, что необходимо для жизни и даже больше.

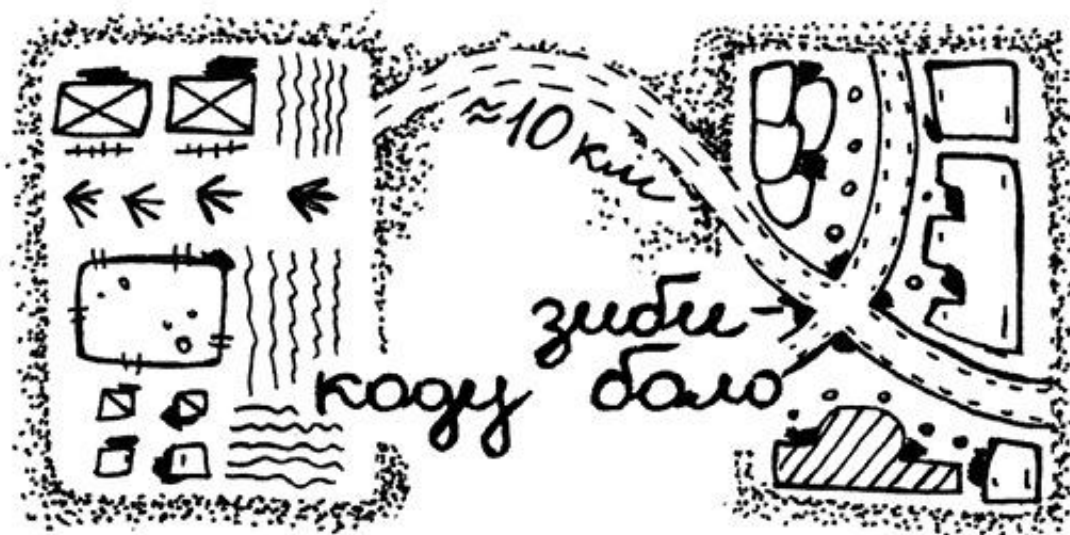
Ибу рождается в определённом боло, проводит там своё детство, его лечат, если оно заболит, оно познаёт то, что ему интересно, немного работает, его утешают, если ему грустно, оно заботится о себе и о других ибу, беззаботно проводит время и затем умирает. Ибу не может быть изгнано из своего боло. Но имеет право покинуть боло в любое время и вернуться обратно. Боло располагается на космическом корабле «Земля», и это дом для ибу.

Ни одно ибу не обязано жить в боло. Оно может остаться в полном одиночестве, образовать группы, меньшие по размеру, чем боло, или заключить с боло особый договор. Для избежания реабилитации денежных отношений достаточно, чтобы большая часть ибу жила в боло. Практически полное самоснабжение боло гарантирует их независимость. Таким образом, боло — это новая и ключевая форма личного и общественного обмена. Необходимость в боло очень высока, ведь в противном случае автоматически возникнут денежные отношения.

Боло состоит из домов, мастерских (зиби) и сельскохозяйственных участков (коду), которые обеспечивают самоснабжение боло. В зависимости от географических условий сельское хозяйство может быть организовано на равнинных и горных пастбищах, рыбных и охотничьих угодьях, пальмовых рощах, водорослях, местах для сбора кореньев, ягод, грибов и т. д. В вопросах снабжения предметами повседневного спроса, в первую очередь продуктами питания, боло фактически независимо. Оно может само содержать и ремонтировать свои постройки и машины. Чтобы обеспечить гостеприимство (зила), оно должно быть в состоянии разместить и накормить 30–50 гостей².

Самоснабжение никоим образом не означает изоляцию или отказ от каких-то удобств. Напротив, боло становятся центрами многообразных связей с внешним

² Чтобы решить, какого размера должна быть территория боло для того, чтобы прокормить всех его жителей, необходимо разобраться со всеми местными условиями и методами. Согласно статистике Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Food and Agriculture Organization, FAO), на одного человека необходимо 100 кв. м., т. е. 5 га земли под одно боло будет достаточно (Йона Фридман «Альтернативная энергетика», 1982, с. 63). Если мы обратимся к цифрам, приведённым Джоном Сеймуром в его труде «Полная книга самообеспечения», то увидим, что 1,6 га земли требуется для того, чтобы прокормить одну большую семью (10 человек), т. е. 81 га будет достаточно под одно боло (в условиях умеренного или холодного климата). Аппроксимация Сеймура кажется более реалистичной, однако его калькуляция основана на очень маленькой, ферме с множеством профилей, поэтому его цифры являются завышенными. Но даже если использовать эти цифры, самообеспечение может быть достигнуто при неблагоприятных условиях, т. е. в маленькой стране вроде Швейцарии с небольшим объёмом пахотной земли. (Сегодня эта страна только на 56% самостоятельно обеспечивает себя продуктами питания.) При наличии лучших условий (Китай, Южная Корея или Тайвань) на душу человека потребуется меньший объём пахотной земли (13 га, 7 га и 6 га соответственно). При оптимальных условиях и методах (Тайвань) будет достаточно 30 га на одно боло. Если считать, что 39 граммов протеина (животного и неживотного происхождения) в день и 285 фунтов зерновых в год на человека обеспечивают нормальное сбалансированное питание, все существующие на нашей планете страны, за исключением Либерии и Заира, способны производить достаточное количество еды для своих граждан (Франсис Мур Лаппе, Джозеф Коллинз «Еда в первую очередь: разоблачение мифа о

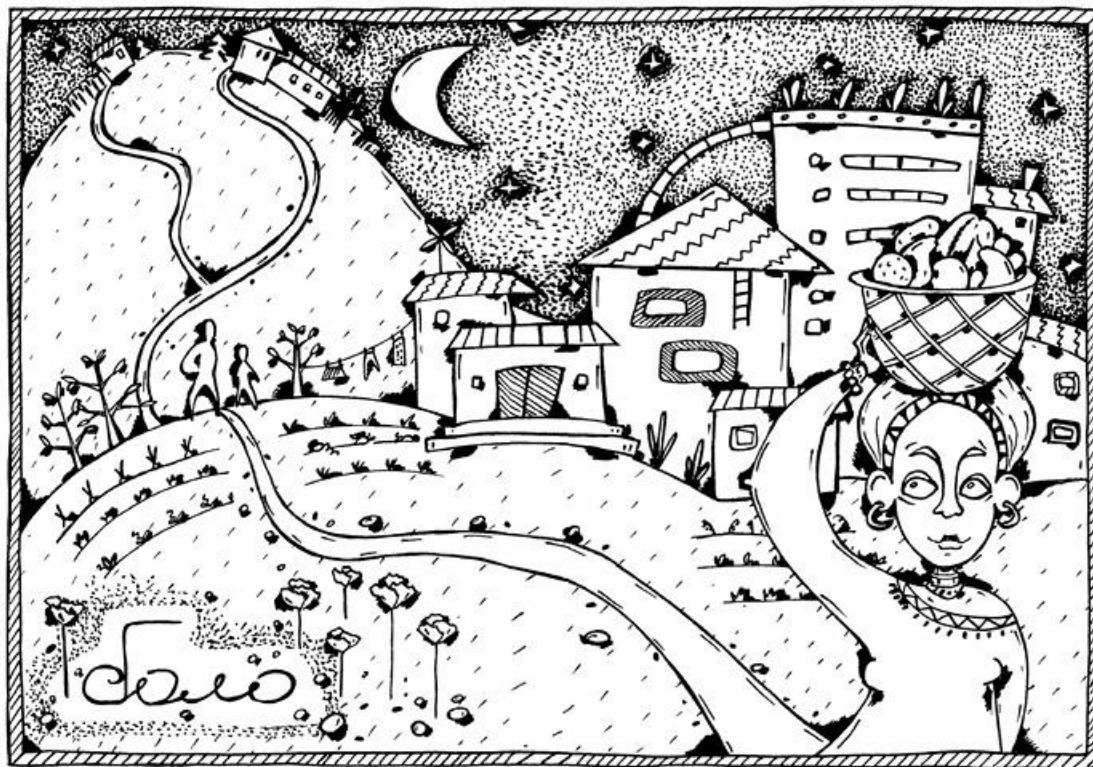
миром. Они заключают обменные договоры с другими боло и получают продукты питания или более качественное обслуживание (см. Фено). Такое сотрудничество децентрализовано, оно может быть двух- или многосторонним. Благодаря своей самостоятельности боло могут свободно выбирать степень автономности и кооперации. Решающим фактором при этом будет их образ жизни (нима). Величина боло и количество их членов может быть приблизительно одинаковым во всём мире. Их основные задачи и обязанности (зила) везде едины, но территориальные, архитектурные, организационные, культурные формы значительно различаются. Так же, как одно ибу не похоже на другое, так и боло отличаются друг от друга. Каждое ибу или боло может иметь своё собственное лицо, а может просто оставить себе определённые черты. Итак, боло-боло не является цельной системой, а представляет собою сеть, сотканную из небольших миров.

Боло не нужно строить на пустом месте — их можно создавать в уже имеющихся строениях. В больших городах боло может состоять из одного, двух или более жилых домов или из жилого комплекса. Галереи, аркады, мосты, туннели могут соединять дома между собой. Первый этаж может быть предоставлен для общего пользования, в стенах можно сделать ниши или арки, улицы могут стать площадками для игр и т. д. Тогда дома, типичные для старой застройки, превратятся в нижеследующее боло.

С архитектурной точки зрения боло не должно быть единым неделимым строением. В Тихом океане это может быть большой коралловый риф или несколько небольших атоллов. В пустыне — это караван, не привязанный к месту. Он всегда в пути, и все его члены встречаются только один или два раза в год по большим праздникам. На реках и озёрах боло могут состоять из лодок, приспособленных под жильё. В джунглях Бразилии — это малока. В Сибири — это охотничий кооператив. Под неиспользуемыми автострадами, могут быть созданы боло с садами на «кры-

дефиците», Нью-Йорк, 1977). Таким образом, переходу на самообеспечение не препятствует проблема нехватки земли или перенаселение. Вопрос разрешится при оптимальном соотношении организации, методов и местного контроля над ресурсами сельского хозяйства.

ше». Боло могут расположиться в пустых фабричных постройках, военных судах, дворцах, тюрьмах, монастырях, пещерах, музеях, зоопарках, правительственных зданиях, больших универмагах, стадионах, казармах. Боло могут быть везде, общей характеристикой для них будет являться только размер и правила гостеприимства (зила).

Зила

С точки зрения ибу, задача боло состоит в том, чтобы обеспечить его существование, сделать его жизнь приятной, дать ему постоянную крышу над головой или временное пристанище, если оно путешествует. Договорённость между ибу и общностью боло (боло-боло) называется зила. У ибу нет работы и денег, и оно не обязано присоединяться к боло, все общности боло проявляют гостеприимство по отношению ко всем приходящим ибу-одиночкам. Каждое боло является виртуальной гостиницей, а каждое ибу — виртуальным гостем, который не платит за постой. В конце концов, мы все только гости на этой планете.

Деньги — это социальный договор, соблюдение которого контролируется полицией, правосудием, тюрьмами, психиатрическими больницами. Это не естественно.

¹ Идея денег как «простое и практичное» средство обмена общепринята среди утопистов и теоретиков альтернативных направлений. Правда, некоторых из них волнует только их избыток (инфляция), образование громадного состояния, «злоупотребление» деньгами ради реализации целей капиталистов, и они мечтают о преобразовании денег в меру объёма работы. Характерно, что американский утопист Калленбах кажется и не замечает, что доллары по-прежнему в обращении в его «Экотопии» как это было и раньше. Предлагать систему прямого, личностного и экологического обмена и в это же время допускать существование махины анонимной, безличностной, централизованной циркуляции денег — это, право, если рассудить, вздор! Деньги как общепринятое средство для обмена предполагают массовое производство (только в случае, если продукты измеряемы и сопоставимы), централизованную банковскую систему, массовую дистрибуцию и т. д. Деньги определённо предполагают наличие фундаментальной анонимности и безответственности каждого за всё, что приводит к созданию механизмов разрушения природы и человека. Поскольку Калленбах позиционирует эти механизмы как моральные проблемы (уважение к природе и т. д.), он нуждается в (очень благожелательном, очень демократическом, даже феминистическом) государстве (Большая Сестра), чтобы устранить повреждения, нанесённые системой, через регулируемые цены, законы и тюрьмы (конечно, последние — просто «учебные лагеря»). Ему приходится запрещать политически то, что он разрешает экономически: пространство для моральности открыто. Про ограниченное использование местных валют см. «Зади».

² Зила — это не новинка, а всего только возвращение к старым «законам» племенного гостеприимства, которые действовали на протяжении нескольких тысяч лет, задолго до American Express, Visa или Master Card. Сегодня во многих промышленно развитых странах гостеприимство упало до критического уровня, поскольку нуклеарные семьи слишком малы и не располагают всем необходимым для предоставления крова на длительный срок. Гостеприимство никогда не воспринималось как некое проявление благотворительности. Семья принимала гостя со всеми почестями, дабы не опозориться в глазах своих соплеменников. Если количество гостей превышает установленную границу, количество путешественников уравнивается автоматически (примерно до 10%). Таким образом, зила — это саморегулирующийся процесс обмена.

Как только эти институты рухнут, деньги потеряют свою «ценность» — некому будет ловить «воров»¹.

Денежные соглашения будут заменены новыми — зила. Зила — это свод правил гостеприимства².

Зила включает в себя следующие основные договорённости:

Таку Каждое ибу получает от своего боло ящик из прочного материала размером 50x50x100 см, в котором оно может хранить вещи, принадлежащие только ему лично.

Ялу Каждое ибу может получить в каждом боло питание из местных продуктов в 2000 калорий в течение как минимум одного дня.

Гано Каждое ибу может получить в каждом боло пристанище в течение одного дня (как минимум).

Бете Каждое ибу может получить в каждом боло по возможности наилучшее медицинское обслуживание.

Фази Каждое ибу может ехать, куда оно хочет, — границ нет (см. Зуми).

Нами Каждое ибу само решает, где и как реализовывать или распространять свой образ жизни, стиль одежды, язык, сексуальную ориентацию, религию, философию, идеологию и т. д.

Яка Каждое ибу может вызвать другое ибу или группу ибу на дуэль (на основании существующих правил).

Нуго Каждое ибу может получить от своего боло капсулу со смертельным ядом и в любое время покончить жизнь самоубийством. Оно может потребовать помощь для этой цели.

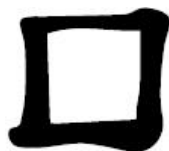
Такие договорённости полностью зависят от повсеместного существования множества боло, поскольку одиночные ибу не смогли бы гарантировать постоянного соблюдения этих договорённостей. Зила — это минимальная гарантия выживания, которую могут предложить общности боло своим членам и определённому проценту гостей. Боло — это своего рода компромисс между ибу, который гарантирует им жизнь и свободу передвижения. Боло может отказаться от зила, если количество гостей превысит 10% собственного населения. Ведь подобное гостеприимство может привести к десятипроцентному увеличению продуктов питания, десятипроцентному увеличению построек и жилья и десятипроцентному увеличению качества медицинского обслуживания. Большие объединения (тега или фудо — кварталы или города) располагают большим количеством ресурсов и могут помочь боло в ситуациях, когда гостей будет очень много (большие праздники, встречи и т. д.). Естественно, исходя из нашего сегодняшнего мышления, мы захотим сразу задать вопрос: почему боло должны проявлять такое гостеприимство? Не станет ли это поводом для паразитизма и эксплуатации боло со стороны странствующих бездельников? В самом деле, многие традиционные сообщества приобрели такой печальный опыт с так

называемыми «альтернативными» туристами. Такой риск, конечно, существовал бы, если бы боло-боло не распространилось по всей планете. В этом случае гостеприимство было бы не равноценным обменом между боло, а односторонней услугой. Но поскольку каждое ибу, живущее в боло, является также возможным гостем, каждое боло заинтересовано не только в том, чтобы проявлять гостеприимство, но и в том, чтобы принимать гостей как можно щедрее. Конечно, возможно, что странствующие одиночки ибу будут жить исключительно за счёт гостеприимства оседлых ибу. Но и эта опасность не велика, так как кочевой образ жизни имеет свои недостатки и ограничения. Странник не может полноценно участвовать во внутренней жизни боло и всегда должен привыкать к образу жизни своих хозяев. Он не имеет никакого влияния на развитие боло, не может принимать участия в долгосрочных мероприятиях, должен всё время обрывать контакты с людьми. С другой стороны, странники могут принести большую пользу хозяевам. Странствование можно даже считать своего рода «работой», которую выполняют для себя и других. Странники приносят с собой новости, знания, моду, идеи, рассказы, продукты и т. д. Путешествие является одной из форм коммуникации. Так что гости заинтересованы в том, чтобы проводить такую «работу», ведь тогда они могут рассчитывать на щедрый приём. В этом случае гостеприимство и странствование становятся одной из форм общественной жизни.

Сохранение муну (репутации) заставит боло проявлять гостеприимство. Гостеприимство важно для боло ещё и потому, что странники делятся своими впечатлениями, куда бы их ни занесло. Репутация боло становится очень важным фактором, поскольку от неё зависят взаимные договорённости с другими боло (фено). С негостеприимными, замкнутыми боло не очень-то захотят иметь дело. Поскольку в отношениях между боло нет места анонимному посредничеству, репутация и честь снова становятся решающим фактором. Деньги не пахнут, а вот пренебрежение гостеприимством не забывается никогда. В этом боло похожи на старинные рыцарские семьи, для которых «честь» была важным понятием. Боло будет таким «рыцарским замком»...

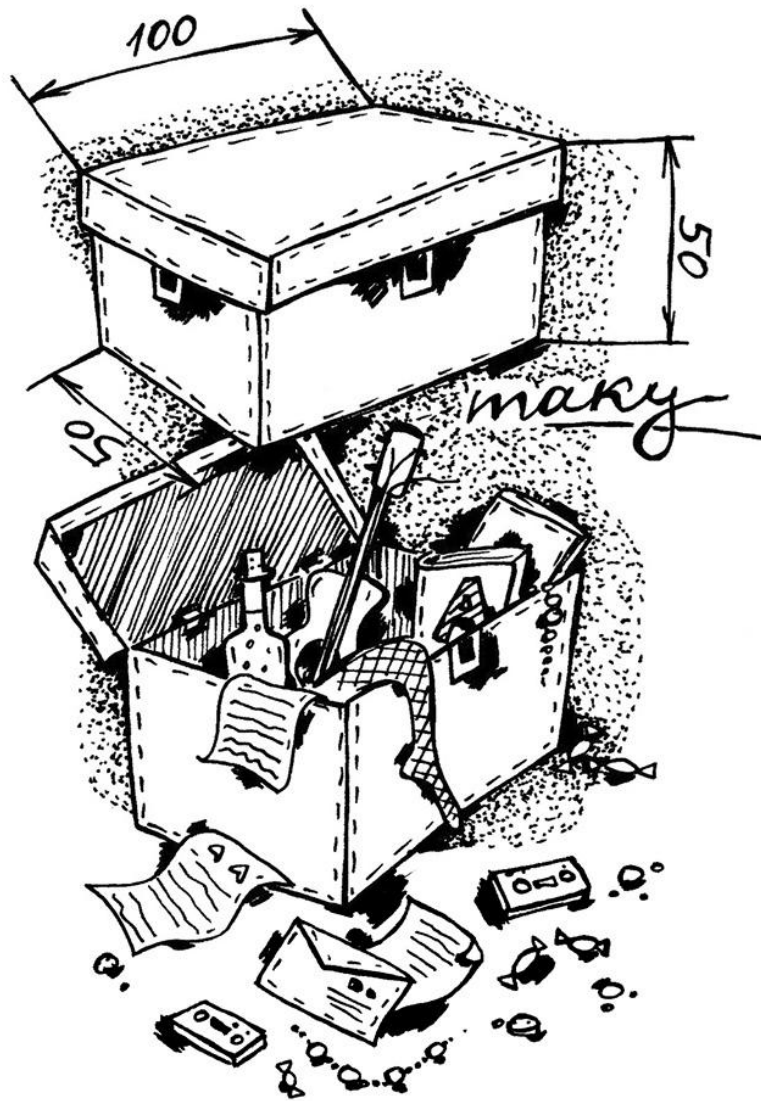
Таку

Первым и самым необычным атрибутом зила является таку. Таку — это сундук из толстой жести или прочного дерева.

Согласно обычаям боло, каждое ибу может получить одно таку. Всё, что находится в таку, является собственностью ибу, которой оно может распоряжаться по своему собственному желанию. Всё остальное на Земле будет общей собственностью. Никто, кроме владельца-ибу, не имеет доступа к предметам, находящимся в таку. Ибу может положить в таку всё, что хочет, может брать его с собой, куда хочет, и никакое другое ибу не имеет права проверять таку или требовать ответа о содержимом таку, даже в случае убийства или воровства. Таку — это табу, оно абсолютно неприкосновенное, священное и личное. Это исключительно личное достояние. Но только таку. Ибу может хранить там грязное бельё или автомат Калашникова, наркотики или старые любовные письма, змей или препарированных мышей, бриллианты или земляные орехи, стереоустановку или собрание почтовых марок. Мы можем только догадываться. В таку может находиться всё, что угодно, до тех пор, пока это содержимое не начнёт вонять и шуметь (т. е. не выйдет за пределы таку).

Ибу нуждается в собственности, поскольку оно верит в свою исключительность и может быть принципиальным и извращённым. Таку является чистой, утончённой и абсолютной, но ограниченной площадью и некоторыми правилами формой собственности. Таку напоминает ибу о том, что оно не является абу, убу, гагу или чем-то ещё, неопределённым, неслышным, любым, и что оно — единственное и неповторимое ибу. Естественно у ибу имеется много возможностей хотя бы для минимальной интимности: это зеркала, друзья, психиатр, одежда, дневники, родимые пятна, фотоальбомы, сувениры, письма, молитвы и т. д. Ибу не обязательно иметь предметы, чтобы в общем экстазе сохранить свою идентичность. Но потеря личных вещей всё-таки может быть очень неприятна для ибу, и оно должно обезопасить себя от этого. Может быть, ему нужно тайное общение с коллекциями предметов, фетишами, книгами, амулетами, украшениями, трофеями и реликвиями, чтобы подчеркнуть свою неповторимость. Ему нужно владеть чем-то, что можно показать другому ибу, если оно завоеует его доверие. И действительно, раскрыть можно только то, что было тайным и неприкосновенным. Всё остальное очевидно, скучно и не имеет ни обаяния, ни блеска.

Так же, как и нынешняя неограниченная собственность, таку несёт в себе риск, но он более видимый и прямой. Конечно, в таку могут находиться оружие, яды, магические предметы, динамит, неизвестные наркотики. Но оно не может обладать подсознательной, неконтролируемой общественной властью, которой сегодня наделяются деньги и собственность. В случае возникновения конфликтов только доверие, честь и человеческие отношения станут надёжными способами их разрешения.

Кана

На практике боло может оказаться слишком большим для непосредственного совместного проживания. В таком случае кана станет наиболее практичным и пространственным подразделением боло¹. Одно боло содержит приблизительно 20 кана, а одно кана состоит приблизительно из 15–30 ибу. Кана занимает один большой городской дом или несколько небольших домов, объединённых в одно жилищное хозяйство. Оно соответствует по размеру небольшому посёлку, охотничьей группе, племени, большой семье. В кана жизнь проходит в стенах дома, шалаша, палатки, корабля. Маленький размер кана не позволяет ему в полной мере обеспечить всех всем необходимым, поэтому его формы и функции в значительной мере определяются образом жизни боло. Оно слишком нестабильно, чтобы в течение долгого времени существовать обособленно. Мы знаем это из опыта коммун, создававшихся на Западе в 1960-е годы.

В зависимости от уклада жизни боло внутри кана могут возникнуть другие малые или параллельные группировки: пары, «треугольники», родственные группы, банды и другие комбинации. Одно боло может также состоять из 500 одиночных ибу, которые живут как будто отшельники в монастырях или приезжие в большой гостинице — каждый для себя. Степень индивидуализма или коллективизма в каждом боло самостоятельно определяется его жителями, и она ограничивается только необходимостью самоснабжения и гостеприимства. Каждое ибу может выбрать для себя подходящее боло или образовать новое.

¹ Кана соответствует группе охотников/собирателей, которая, согласно Лики, представляла собой рядовую общину представителей человеческого рода (даже до появления *Homo sapiens*) в течение многих миллионов лет (см. сноску в главе «Боло»). Учитывая то, что мы (каждый из нас: от неоновоза-дзэн-кокаинового-одиночки интеллектуала до аборигена из Австралии) на протяжении многих миллионов лет бродили по стране группами в 25 человек и что только последние несколько тысяч лет мы живём в семьях, деревнях, городах, работая в сельском хозяйстве и промышленности, можно прийти к выводу, что кана — это нечто, что сегодня осталось у нас от тех времён. (В любом случае, жизнь в кана «естественнее», чем жизнь в нуклеарных семьях.)

Патриархальное кана ещё живёт в различных метаморфозах: классы в школе, пехотные взводы, клубы и т. д. и привносит палеолитическое обаяние в общество. С боло и кана мы возвращаемся назад на очень далёкое расстояние (50 000 лет), чтобы стать сильнее для большого прыжка. Сознательно эксплуатируемые традиции — это фундамент нашего будущего богатства. (Традиционные общества обычно даже не знают, что имеют эти традиции и не осознают их ценность.)

Нима

Боло возникает не просто из какого-то соседства или потому, что это практично. Действительный мотив, который побуждает к совместной жизни, — это общее нима.

¹ Прежде всего, боло — это не экологические системы выживания. Если вы просто хотите выжить, вряд ли это того стоит. Боло — это жизнь поверх всех возможных стилей жизни, философий, традиций и страстей. Боло-боло — это не образ жизни, а лишь гибкая система ограничений (биологических, технических, энергетических и т. д.). Для лучшего понимания этих ограничений, нам пригодятся материалы экологов и теоретиков альтернативных укладов жизни. Однако эти материалы нельзя использовать для того, чтобы определять содержание различных стилей жизни. (Фашизм имел свои биологические идеологические элементы...) Ядром боло-боло является нима (культурная идентичность), а не выживание. По этой причине, нима не может определяться боло-боло. Только практика и жизнь диктуют правила и особенности нима. Ни одна «альтернативная» идентичность (здоровая пища, обувь на платформе, шерстяная одежда и т. д.) не продвигается как единственно верная. Ключевая функция культурной самобытности наилучшим образом проиллюстрирована судьбой поглощённых колониалистами народов. Исходным пунктом реальной бедности таких народов стала не материальная эксплуатация, а более или менее спланированное разрушение их традиций и религий христианскими миссионерами. Даже при современных условиях многие из этих наций могли бы быть в лучшем состоянии, но они просто больше не знают, почему они должны существовать или ради чего они должны существовать. Деморализация въедается глубже, чем экономическая эксплуатация. Западное Самоа входит в ТОП-33 самых бедных стран мира. В этой стране самый высокий процент самоубийств в мире. Самая большая группа риска — молодёжь. Молодые люди заканчивают жизнь самоубийством не из-за бедности (хоть и нельзя отрицать её наличие), главные причины — деморализация и отсутствие перспектив. Христианские миссионеры разрушили древние религии, традиции, танцы, фестивали и т. д. Острова полны церквями и алкоголиками. Рай был уничтожен задолго до прибытия Маргарет Мид (американский антрополог, которая в своей работе «Взросление на Самоа» (1928) пришла к выводу об отсутствии конфликта поколений и трудностей социализации подростков в традиционном обществе). Несмотря на некоторые вульгарные марксистские концепции, «культура» намного важнее, чем «материальное выживание», а иерархия базовых или других потребностей не так очевидна, как это может показаться, но довольно «этноцентрична». Еда — это не просто калории, способы приготовления еды — не излишества, дома — не просто убежища, одежда — нечто большее, чем изоляционный материал для тела. Нечего удивляться народу, который находится на грани голода, но вместо того, чтобы бороться за гарантированную минимальную зарплату, отчаянно борется за свою религию, гордость, родной язык и другие «капризы». Несомненно, эти мотивации становятся объектами для манипуляций политическими кастами, но это также и случай «разумной» экономической борьбы. Главное, что эти нации существуют.

Так куда же восходят корни нима? Ошибочно искать культурные особенности единственно только в древних этнических традициях. Знание и повторное открытие традиций очень полезно и может оказаться очень вдохновляющим опытом, но «традиция» должна рождаться и сегодня. Почему бы нам не изобрести новые мифы, языки, новые формы совместной жизни, домохозяйства, одежды и т. д.? Традиции одних могут стать утопией для других. Коммерция может подхватить идею изобретения

У каждого ибу своё мировоззрение и ценности. Когда ибу-однодумцы находят друг друга, возникает нима. В боло ибу осуществляют, дополняют и изменяют своё общее нима. С другой стороны, ибу, чьё нима не допускает никаких общественных форм (бродяги, мизантропы, анархо-индивидуалисты, мудрецы и т. д.), могут оставаться в одиночестве и жить в «промежутках» между боло.

Понятие нима охватывает взгляды на жизнь, философию, интересы, одежду, питание, формы общения друг с другом, отношения между полами, отношение к детям, к жилью, предметам, животным, деревьям, ритуалам, к распорядку дня, музыке, танцам, мифологии — короче говоря, ко всему, что можно определить как традицию или культуру. Нима определяет жизнь в соответствии с конкретными желаниями самого ибу.

Разнообразие нима определяется разнообразием его источников. Ими могут быть этнические традиции (существующие или возрождённые), философские школы, секты, исторические общности, вместе пережитые битвы или катастрофы и т. д. Нима может быть широким и узким (секты или народные традиции), а может касаться только некоторых сфер жизни. Оно может быть открытым и готовым к изменению или, наоборот, закрытым и консервативным. Нима могут сменять друг друга, как тенденции в моде, распространяться, как эпидемии, или прерываться и исчезать. Они могут быть кроткими или яростными, пассивно-созерцательными или активно-общительными¹. Нима составляет подлинное богатство боло, поскольку богатство — это многообразие ценностей как духовных, так и материальных.

культурных особенностей и нейтрализовать их в формах моды, культов, секса, «течений» и стилей. Распространение культов показывает, что многие люди ощущают потребность в жизни, строго регламентированной идеологией. Извращённое культами желание объединяться согласно идеям и формами жизни — новый тоталитаризм («Ora et labora» — молись и трудись). Если боло-боло назовут неким видом плюралистического «тоталитаризма», это станет неплохим определением.

Можно сказать, что с 1960-х во многих странах — особенно в индустриальных — начался период культурного изобретения: восточные, египетские, народные, магические, алхимические и другие традиции были возрождены. Начался период экспериментов с традиционными и утопическими стилями жизни. Разочаровавшись в материальных ценностях индустриальных обществ, многие обратились к культурному богатству.

Поскольку нима является ядром боло, внутри него не может быть места законам, правилам или надзору. По этим же причинам, регулирование условий работы внутри боло невозможно. Регулируемое рабочее время всегда было центральным экспонатом у стратегов утопий. Томас Мор в 1516 году гарантировал шестичасовой рабочий день, Калленбах — двадцатичасовую рабочую неделю, Андре Горц предложил работать 20 000 часов в течение жизни. После публикации исследования американского антрополога Маршала Салинса «Экономика каменного века» (1972) двух или трехчасовой день стал наиболее явным победителем среди всех предложений. Проблема в том, что нужно решить, кто должен приводить в исполнение решение о минимальном рабочем дне и почему. Наличие таких норм подразумевает наличие государства или схожего организма для приведения в жизнь одобрений или наказаний. Поскольку в боло-боло нет государства, внутри него не может быть никаких норм в этом секторе. Культурный контекст каждого боло определяет то, что воспринимается как «работа» (=боль), и то, что воспринимается как «отдых» (=удовольствие), или есть ли вообще смысл в подобных разграничениях. Кулинария может быть очень важным ритуалом в одном боло, в то время как в другом боло она будет восприниматься как утомительная необходимость. Возможно, в последнем боло центральное место будет отдаваться музыке, в то время как в другом боло музыка и шум станут синонимами. Никто не может знать, будет ли в боло семидесятичасовая рабочая неделя или пятнадцатичасовая рабочая неделя. Нет никакого обязательного образа жизни, никакого общепринятого бюджета работы и отдыха — просто более или менее свободный оборот страстей, извращений, отклонений и т. д.

Так как возможно появление любого нима, то могут возникнуть жестокие, репрессивные, патриархальные, тупоумные, фанатичные и террористические группы. Для нима не существует ни гуманных, ни либеральных, ни демократических законов или предписаний, и, уж конечно, недопустимо образование правового государства, которое диктовало бы эти законы. Никто не может запретить боло совершить массовое самоубийство, загнуться от экспериментов с наркотиками, добровольно дойти до помешательства. Боло, имеющие нима древних викингов или гуннов, могут терроризировать целые континенты, совершать разбойничьи походы, сжигать и грабить — свобода и приключения в полной мере.

С другой стороны, логика существования боло-боло пресекает возникновение и распространение подобных традиций и моделей поведения. Грабёж и разбой имеют свою собственную экономику. Нужно с самого начала пересадить абсурдную логику современного денежного хозяйства на другую социальную почву. Ведь возникновение боло-боло требует некоторых изменений в устройстве общества. Бандитское боло требует внутренней дисциплины и подчинения для того, чтобы быть относительно сильным и хорошо организованным. Поэтому правящая каста такого боло должна быть всё время начеку и принимать серьёзные меры для подчинения (наказания, запугивания и т. д.). В то же время у ибу есть право в любой момент покинуть своё боло, так как они везде найдут приём. Бандитские боло должны быть готовы всегда принять гостей. Однако соседние боло, которые с самого начала наблюдают странные явления в бандитском боло, могут разрушить их репутацию. Другие боло могут ограничить обмен и таким образом помочь угнетённым ибу в их борьбе против господ. Уже одно вооружение бандитского боло станет большой проблемой. Где взять оружие? Ибу придётся очень долго работать, чтобы совершить первые грабительские нападения. Уже в ходе подготовительной работы предводители боло рискуют натолкнуться на сопротивление. Ввиду отсутствия государственного аппарата, потребуется слишком много работы для раскручивания маховика репрессий. Это не выгодно для господствующего класса. Разбойничьи походы и грабежи бессмысленны, потому что невозможно получить награбленное добро в легко транспортируемой форме, ведь денег не существует. Придётся все предметы воровать в их натуральном виде, а для этого потребуется много транспорта. Большинство транспортных связей будут общественными, и вряд ли у бандитского боло получится использовать их в своих целях, так что грабить оно сможет только близлежащие боло, в которых вскоре будет нечего брать. К тому же нужно учитывать активное сопротивление боло и действия оперативно созданных объединений боло (тега, вудо, зуми, яка). В итоге бандитизм превратится в случайную, редкую, невыгодную форму поведения.

Источником завоевания, эксплуатации, угнетения становятся не какие-то тёмные стороны человеческой натуры. Эти катастрофы случаются, когда взаимоотношения между народами, государствами и т. д. выходят из равновесия. Размер боло позволяет стать им в определённой степени независимыми и сильными. Обычное ибу может чувствовать себя в нём в безопасности, оно не поддастся соблазну присоединиться к «сильным людям» или мощным организациям. В то же время боло всё же слишком малы, чтобы стать нациями или государствами, и поэтому внутри них угнетение невозможно, поскольку дистанция между угнетателями и угнетёнными слишком мала. Также боло не достаточно самостоятельны и нуждаются в связях и обмене.

И как раз эта сеть планетарных связей, которая поддерживается путешествиями, телефоном, некоторыми межконтинентальными транспортными средствами, делает невозможными анонимность, возникающую из-за расстояния, и создание образа врага. Конечно, возможны отдельные грабительские боло, но только как искусство для искусства, в виде исключения. У истории есть много показательных примеров для нас. Так зачем же нам наступать на одни и те же грабли? Боло должны сами отдавать себе отчёт в том, что они делают. Кто эти «мировые контролёры», которые должны защищать нас от самих себя?

В большом городе, например, могут встретиться следующие боло: сим-боло, анти-боло, истан-боло, лесби-боло, плей-боло, садо-боло, веган-боло, араб-боло, иврит-боло, пара-боло, франко-боло, итало-боло, иберо-боло, дья-боло, англо-боло, алко-боло, агро-боло, модуль-боло, мазохисто-боло, библио-боло, медито-боло, бисекс-боло, полигам-боло, параной-боло, тао-боло, диско-боло, некро-боло, хайтек-боло, эколого-боло, соци-боло, совет-боло, маркс-боло, анархо-боло, лого-боло, маго-боло, оло-боло, анонимо-боло, дигиталь-боло, ливан-боло, спарта-боло, термо-боло, фригид-боло, хиппи-боло, панк-боло, нормаль-боло и т. д. Естественно, на ряду с ними может существовать множество обычных боло, которые сами не способны причислить себя к определённой виду. О таких боло ничего неизвестно, поскольку у них нет даже имени, — это баналь-боло.

Разнообразие образа жизни в боло растворит сегодняшнюю массовую культуру и нормированные формы национальных языков. Каждый может выбирать подходящий ему образ жизни, уезжать, когда он хочет, и самостоятельно определять меру индивидуальности или общности. Поскольку в боло не существует централизованной школьной системы, каждое боло может разговаривать на своём языке или диалекте. В результате нормированный язык перестает действовать как средство господства. Создаётся «авилонская» обстановка, т. е. безвластие или бессилие властей из-за дезинформации. Для того чтобы «лингвистический хаос» не вызвал трудностей у путешественников, был разработан своеобразный код — аза-пили. Аза-пили это искусственный язык, словарь которого насчитывает только несколько слов (ибу, боло, нима, аза, пили и т. д.) и соответствующих знаков. При помощи пили любой может

² Почему бы нам не использовать существующие международные языки? Например, английский или испанский? Их использование недопустимо, поскольку эти языки (и многие другие) в своё время служили инструментами культурного империализма. Даже так называемые «международные» языки вроде эсперанто смоделированы на базе «национальных» языков Восточной Европы и имеют империалистические корни.

Единственным верным решением станет «спонтанный» и не привязанный к другим языкам «искусственный» язык. Так, аза-пили было выдуманно ибу, и никакие этимологические исследования не смогут объяснить, почему ибу это ибу, боло это боло, а яка это яка.

Удвоение (редупликация) слова означает множественное число: боло-боло = все боло, система боло. Словосочетания с чёрточкой «-» могут образовываться свободно. Первое слово определяет второе (как в английском языке): аза-пили («мировой язык»), фази-ибу («путешественник»), ялу-гано (ресторан) и т. д. Несмотря на то, что словарный запас языка аза-пили очень маленький (всего 30 слов), допускается создание большего словаря для научного обмена, международных договоров и т. п. Планетарная ассамблея сама решит, каким образом соединить словарь и грамматику. Надеемся, что эта задача окажется не трудной.

Слова в аза-пили могут изображаться знаками, без использования алфавита. В русскоязычном издании кириллица используется для удобства. Другие алфавиты также могут быть использованы.

получить питание, медицинское обслуживание, приют и т. д. В дальнейшем у каждого будет достаточно времени для того, чтобы спокойно выучить местный язык и одновременно поближе познакомиться с хозяевами. Изучение языков поощряет контакты и увеличивает взаимопонимание между культурами. Куда нам спешить?²

Коду

Основа независимости боло — это самообеспечение сельскохозяйственными продуктами. Культурные особенности определяют, какое коду выберет каждое боло, что и каким способом оно будет выращивать. Веган-боло будет специализироваться на овощах, фруктах и зерновых, а животноводство предоставит другим. Аллах-боло не будет разводить свиней. Франко-боло культивирует пряности, итало-боло станет выращивать и потреблять большое количество помидоров, орегано и чеснока. Гашиш-боло будет разводить индийскую коноплю, алко-боло — хмель и солод (и оборудует пивоварню), ацтеко-боло — маис и бобы.

Некоторые боло дополняют самоснабжение договорами об обмене, так как для них важно разнообразие продуктов. А те боло, в которых гастрономия не так важна, могут составить весь рацион из продуктов собственного производства.

Сельское хозяйство отражает особенности каждого боло, и каждое боло будет принимать свои собственные решения о способах производства. Невозможно составить общие для всех правила обращения с «природой» при производстве продуктов питания, так как «природа» для разных боло имеет разную ценность. Естественно, будут установлены определённые общие границы. Все должны заботиться о природе как об основе сельского хозяйства. Поэтому трудно себе представить полную автономность боло в сельскохозяйственном производстве. Само собой разумеется, что совместная с соседями работа полезна и выгодна для всех (например, общий парк техники, согласованный севооборот, комбинирование продукции, снабжение энергией, борьба с вредителями). При этом остаётся ещё много места для развёртывания и расцвета собственной агрокультуры каждого боло. Боло самостоятельно определит место сельского хозяйства в своей жизни. Оно может стать своего рода «работой» и равномерно распределяться между всеми членами боло так, что каждый проведёт на сельхозработах один месяц в году или около 10% своего активного времени. Если найдутся люди, которые с удовольствием будут жить в сельской местности или которые будут считать сельское хозяйство своей «профессией», тогда соответственно уменьшится круг обязанностей для других. В любом случае коду не будет резким ограничением культурной свободы каждого: благодаря размеру боло (около 500 человек) сельскохозяйственная работа будет строиться с учётом желаний каждого и не займёт много времени. Всё это приведёт к тому, что вскоре каждый приобретёт определённые сельскохозяйственные познания и навыки, и это произойдёт быстрее, чем мы думаем. Это та цена, которую необходимо заплатить за независимость боло.

Не будет больше ни паразитирующей перепродажи, ни супермаркетов, ни несправедливого импорта дешёвых товаров из экономически шантажируемых стран. Также не будет централизованного распределения продуктов государственным аппаратом (например, в форме центральных складов). Если боло хотят быть автономными, они должны позаботиться о себе сами.¹

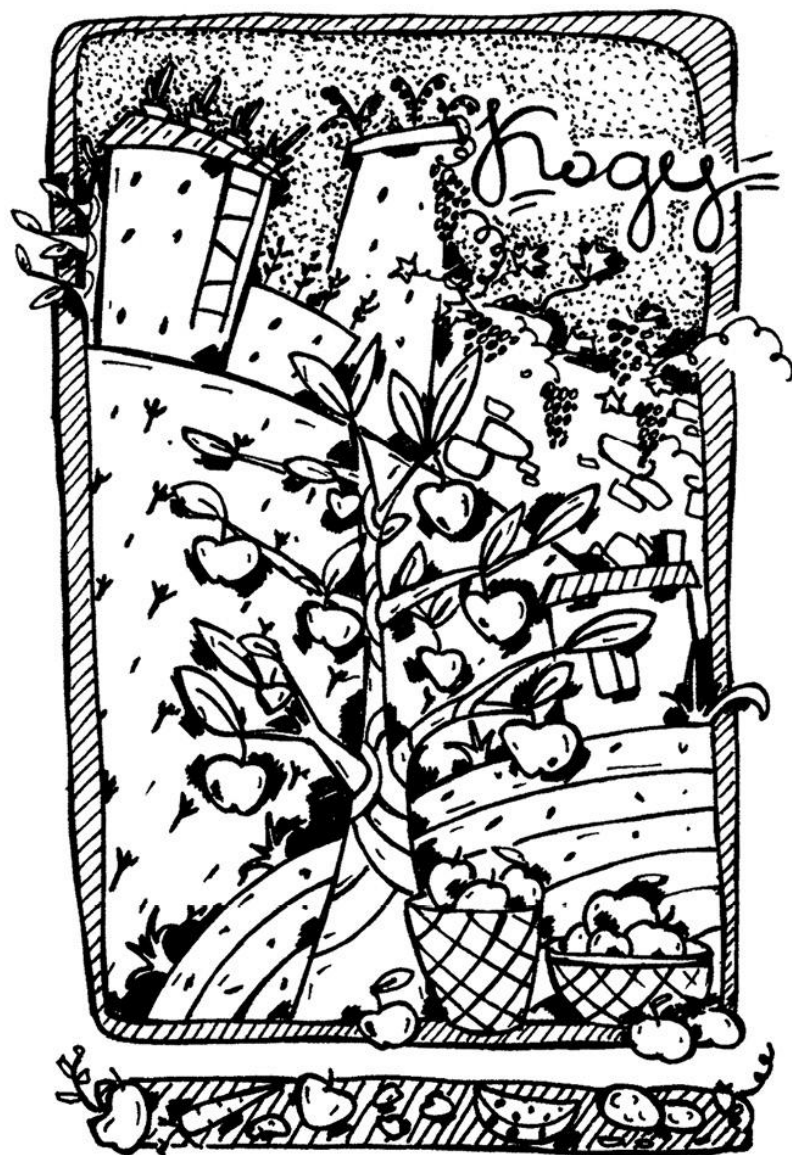
Коду сотрёт различие между производителями и потребителями в самой главной области жизни: производстве еды. Только не в этом заключается вся суть коду. Коду — это весь цикл взаимодействия ибу с «природой». Получается, что сельское хозяйство и «природа» не могут восприниматься как разные понятия. Понятие «природа» появилось в то же время, когда мы потеряли прямой с ней контакт, поскольку стали зависимы от сельского хозяйства, экономики и государства. Если сельское хозяйство не станет фундаментом самообеспечения, то ибу и боло станут объектами для вымогательства. У них может быть сколько угодно «гарантий», «прав» или «соглашений», но всё это окажется лишь «филькиной грамотой». Сила государства непосредственно зависит от того, контролирует ли оно процесс снабжения продуктами питания. Только при условии наличия определённой степени автаркии, боло смогут войти в сеть обмена продуктами и не станут объектами для эксплуатации.

С появлением коду пропадёт интерес к расточительству, ограничиванию, ухудшению качества, завышению цен на сельскохозяйственные продукты (это относится и к любой другой продукции). Заботливое отношение к земле, животным и в первую очередь к самому себе становится самым естественным делом, поскольку каждое боло стремится сохранить свои ресурсы. Члены боло заинтересованы в производстве здоровых продуктов питания, так как они сами их едят и должны сами «оплачивать» своё здравоохранение (бете). «Социальные издержки» (т. е. химическое загрязнение, эрозия почвы, истощение плодородия, работа) невозможно переложить ни на кого другого. Работники станут более грамотными и мотивированными, их число на единицу обрабатываемой площади увеличится, поэтому можно будет снова применять естественные и оправдавшие себя традиционные методы.

Распределение земли (или других ресурсов) между соседними боло может проводиться по разным правилам, которые будут выработаны постепенно. Коду необязательно должно состоять из единого участка земли. Возможны небольшие огороды в городских дворах, на крышах и т. д. У чистых агро-боло вообще нет проблем, так

¹ Дефицит продуктов питания на нашей планете стал следствием международной экономической системы. Сегодня местное население не имеет непосредственного участия в производстве и распределении пищи. Даже в современных условиях в день на одного человека приходится 3000 калорий, поступающих с зерна хлебных злаков. Это же количество калорий поступает в организм вместе с мясом, рыбой, бобами, овощами, молоком и т. д. Проблема в том, что большая часть населения не может себе позволить эти продукты (и в то же время основы самоснабжения этих народов уничтожены).

Монокультурное, рассчитанное на массового потребителя производство и механизированное производство продуктов животного происхождения воспринимаются как наиболее эффективное и продуктивное решение, а на самом деле такое производство впоследствии приведёт к эрозии почвы и расходу энергии. Вдобавок огромное количество овощей, которые предназначаются для потребления человеком, распределяются на корм животных. Местное самоуправление применимо практически на любой территории и даже надёжнее, ввиду более бережного отношения к земле. Очевидно, что экономические отношения такого рода подразумевают возвращение к традиционным методам. Новое знание в сфере биодинамических методов в тандеме с различными факторами (зёрна + животные, животные + производство метана, чередование сельхозкультур) крайне важно для нового старта.

как они обрабатывают землю, на которой живут. Земельные участки, которые располагаются между сельскими боло, могут принадлежать городским боло. Было бы практически создать вокруг больших городов зелёный пояс, в котором боло будет выращивать свежие овощи для ежедневного потребления. Эти огороды должны быть расположены так, чтобы до них можно было дойти пешком или доехать на велосипеде за несколько минут.

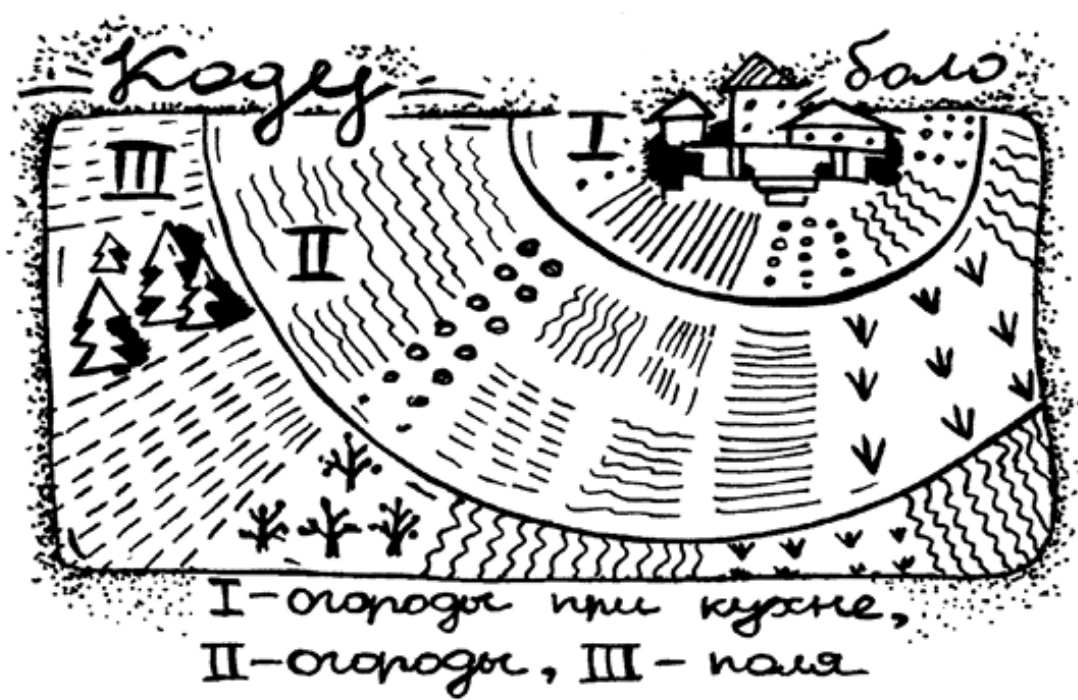
Транспортируемое количество овощей должно быть небольшим (несколько десятков килограммов в день). Основные сельскохозяйственные угодья (кодун-кана) могут находиться дальше, в 15–20 км и более, если это касается особых территорий, таких как лесные, охотничьи и рыбные угодья или горные пастбища. В зависимости от географических условий и личных связей к одному боло могут относиться отдельные сельскохозяйственные угодья (около 80 га) или несколько дворов (4х20 га) и т. д. Эти боло-дворы будут производить в основном продукты питания длительного хранения (зерновые, картофель, соя и т. д.). В таком случае количество транспортируемых продуктов будет измеряться тоннами. Тогда для коду в больших городах сформируется трехступенчатая система,² которая наилучшим образом сбалансирует свежесть, транспортируемое количество и расстояние.

Уже сейчас многие городские жители стремятся покинуть большие города (с населением больше 200 000 человек). Чтобы коду было легче функционировать, нужно поощрять эту тенденцию, но, конечно, без принуждения.

У чистых агро-боло есть свои преимущества, но, естественно, каждый может жить как на селе, так и в городе и наслаждаться выгодами обоих видов жизни. Для жителей города коду-дворы могут выполнять функцию домов отдыха, где можно провести отпуск, но без фальшивой сельской идиллии. Застройка сельской местности дачными домиками уменьшится, начнётся их демонтаж. Тесный контакт — это ведь те же самые люди! — между городом и деревней устранит часто гнетущую культурную изоляцию деревни и оживит города. Города больше не будут служить для провинциалов центрами развлечения и покупок со всеми вытекающими отсюда последствиями (транспортная перегруженность, секс-бизнес, городские трущобы). У крестьян будут свои городские дома, личные связи, культурные интересы. Никто не будет привязан к своему клочку земли и не будет безвылазно хиреть в городе. Больше никто не станет рабом своих коров или своего магазина.

² «Трёхступенчатая» модель базируется на идеях немецкого городского эколога Мерета Маттерна. 15-километровая сельскохозяйственная зона может прокормить такой большой город как Мюнхен. Для этой цели Маттерн предлагает засадить две зоны деревьями (для обеспечения хорошего микроклимата), а третью использовать для качественной компостной системы. Очевидно, что переход на самообеспечение в сельском хозяйстве также возможен на густонаселённых территориях. Но это будет подразумевать то, что будет использован каждый квадратный фут, и не останется места для пустыни, экспериментов или парков. Более гибкая система трёх зон и дополнительных ферм будет более практичным вариантом.

(Вам не придётся выращивать пшеницу на своём заднем дворе и высаживать за городом петрушку...)

Ялу

Коду приведёт к тому, что продукты питания будут производиться как можно ближе к боло. Иначе поездки и доставка поглотят большую часть энергии и рабочего времени. Это приведёт к значительному сокращению импорта нефти, кормов и удобрений, а также потребует особой тщательности в обработке почвы и умения правильно комбинировать культуры на небольших участках земли. Уменьшение площади посевов можно уравновесить, если отдавать предпочтение растительной пище, из которой можно получать необходимые калории и протеины. Картофель, маис, соя и другие зерновые могут стать основой рациона, обеспечивая человека необходимыми питательными веществами¹. Мясное и молочное животноводство, потребляющее большое количество кормов, должно быть сокращено. Мяса для пищи будет достаточно, но в то же время привычным станет встретить гуляющих в окрестностях боло свиней, овец, куриц и кроликов.

Станет ли питание однообразным? Исчезнет ли кулинарное искусство из-за резкого уменьшения импорта экзотических фруктов или сокращения производства изысканных сортов мяса? Наступит ли для гурманов тёмная эра? Давайте рассмотрим этот вопрос. Не секрет, что для А-рабочих в супермаркетах предоставлен богатый выбор продуктов питания на любой вкус: кокосы, фрукты, овощи круглый год. Однако массовая продажа продуктов создаёт только видимость разнообразия. Вместо вкусной еды нам предлагают индустриализированные безвкусные продукты. Например, бананы грузят на суда ещё зелёными, и по сравнению с местными, нормально созревшими бананами они безвкусны. К тому же мы получаем только один сорт бананов, в то время как в тропиках имеется целый ряд сортов (красные, голубые, зелёные, фиолетовые, маленькие, жёсткие и большие). То же самое относится и к мясу, поступающему с животноводческих фабрик, и к яйцам из инкубаторов: они все

¹ Соя, зерновые, просо и картошка могут гарантировать минимальное пропитание. Правда, употребление в пищу только этих продуктов не является здоровым. Эти продукты нужно сочетать с мясом, овощами, яйцами, жирами, маслами, сыром, травами и специями. Соя приносит на 33% больше протеина на единицу поверхности, чем любая другая полевая сельскохозяйственная культура. В сочетании с пшеницей или рожью использование этого протеина эффективнее на 13%-14%. Соя может использоваться для приготовления богатого спектра продуктов: тофу, соевого молока, соевого творога, окары, юбы, соевого соуса и т. д. В Африке чёрные бобы наравне с соевыми бобами очень часто используются для приготовления блюд. (Альберт Тевоедре, «Бедность — Богатство Народа», Париж, 1978, с. 85.) При переходе на местное самообеспечение, основанное на этих зерновых, одной из исходных задач станет возвращение регионального генетического посевного материала, заменённого нестабильными и уязвимыми промышленными продуктами.

не имеют вкуса. Кстати, французская кухня давно превратилась в *cuisine du marche* — французы стали предпочитать свежие продукты, выращенные на территории страны. Массовое производство продуктов и международная дистрибуция не просто нонсенс и причина мирового голода, эти меры не обеспечивают нас качественной едой.

Вообще, настоящее кулинарное искусство и качество питания не зависят от импорта экзотических товаров и запасов филе. Гораздо важнее — заботливое отношение к посевам, натуральное животноводство, время, изысканность и изобретательность. Но как раз это сегодня почти недостижимо, так как типичная нуклеарная семья

не располагает достаточным количеством оборудования (несмотря на достижения в производстве бытовой техники) для обеспечения себя качественным питанием. Кроме того, современная семья зажата в тисках коротких перерывов для еды между работой и обязанностями по дому. В боло-кухнях будет лучшее оборудование, большие склады разнообразных продуктов, а повара будут готовить с удовольствием, а не потому, что муж должен ровно в 12 часов что-нибудь съесть. В каком-нибудь боло вполне может быть множество отличных ресторанов (и даже бесплатных), при этом объём работы и расход продуктов и энергии будет гораздо меньше, чем сегодня.

Приготовление пищи будет довольно важным элементом культуры боло, в новых условиях оно станет не работой, а ритуалом. На самом деле культурная самобытность (нима), а не дорогие приправы, делает гастрономию разнообразной. Поэтому возможно, что простые блюда одной страны станут изысканными деликатесами в другой. Паста, мусака, пицца, чили, тортилья, ризотто, нази горенг, решти, кислая капуста, гуляш, плов, борщ, кускус, паэлья — всё это относительно дешёвые национальные блюда. Разнообразие жизненных укладов спровоцирует разнообразие и в гастрономии. В одном городе может быть столько же специализированных ресторанов, сколько в нём расположено боло, и доступ к национальной или другой гастрономии заметно упростится. Благодаря гостеприимству и обменным договорам станет возможной активная и тесная связь между поварами и гурманами. Очевидно, что качество пищи в боло-ресторанах будет значительно выше, чем в нынешних заведениях, которые страдают от недостатка продуктов, воровства, лени персонала и государственного контроля. И вообще, для производства и приготовления пищи потребуется больше времени, чем сегодня, но при этом не будет больше пищевой промышленности, супермаркетов, нервных официантов...

Так как для хорошей кухни свежесть приправ очень важна, то наличие огородов вблизи боло особенно выгодно. Повар может посадить множество ингредиентов рядом с кухней и за пять минут собрать их. Для таких небольших огородов всегда найдётся место и время. Многие улицы будут сужены или вспаханы; стоянки, плоские крыши, террасы, газоны рядом с домами, парки, фабричные участки, подвалы, мосты могут стать курятниками, свиарниками, прудами для рыб и уток, крольчатниками, голубятнями, ульями, теплицами, а также овощными огородами, ягодными и грибными плантациями, плодовыми садами, виноградниками и т. д. Ибу стоит только протянуть руку, чтобы получить еду.

У ибу будет много свободного времени, чтобы искать еду в лесах и других необрабатываемых землях. Грибы, ягоды, речные раки, устрицы, рыбы, гусеницы, каштаны, дикая спаржа, насекомые всех видов, дичь, крапива и другие дикорастущие растения, буковые орешки, жёлуди — всё это можно найти повсюду и приготовить из этого необычные блюда. Путешественники приносят с собой коренья, приправы и новые рецепты из далёких мест, где они побывали. Каждое ибу может совершить путешествие куда угодно, оно везде обеспечивается питанием, а значит, может по всему свету пробовать оригинальные местные блюда. Ибу время от времени отправляются в «гастрономические» путешествия — это гораздо проще, чем организовать массовую транспортировку экзотических продуктов, которые частично портятся. У ибу достаточно времени для поездок, и весь мир становится для него настоящим мегагастрономом...

Можно разнообразить питание в течение целого года, заготавливая продукты при помощи варки варенья, сушки, копчения, соления, замораживания. Если заготовки делаются для целого боло, это выгодно с точки зрения энергозатрат. Кладовые боло станут богаче, чем семейный холодильник. В некоторых боло будет достигнута особая утончённость отдельных сортов вина, сыров, табака, колбас (подобно тому, как это происходило в средневековых монастырях), и эти продукты можно будет использовать для обмена. Многообразие удовольствий от еды, которое было разрушено массовым производством, возникнет снова, а сеть личных связей между любителями кулинарии растянется по всему свету.

Зиби

Ибу нуждается не только в продуктах питания, но также в воде, электричестве, горючих материалах, зданиях, инструментах, машинах (прежде всего, для сельского хозяйства), одежде, мебели, сырье, электронных приборах, транспортных средствах, посуде, украшениях, музыкальных пластинках, фильмах, дорогах, трубах для водопровода и канализации и т. д. Производство и использование этих вещей и оборудования называется зиби.

Культурные традиции каждого конкретного боло определяют особенности производства товаров (зиби). Естественно, что базовые компоненты зиби будут присутствовать в каждом боло: ремонт и техобслуживание домов, производство мебели, пошив одежды, сантехнические работы, строительство дорог и т. п. Боло потребуются меньше оборудования, и всё же оно будет более самостоятельным, чем современный квартал или отдельное домашнее хозяйство. Больше никто не будет заинтересован в том, чтобы производить бракованное или быстро изнашивающееся оборудование, а значит, будет значительно сокращён объём ремонтных работ. Станет легче производить ремонт благодаря прочным и упрощённым конструкциям, дефекты будут иметь не такие серьёзные последствия. Возможность самостоятельно проводить различные работы (прежде всего, в области сельского хозяйства и энергетики) — ещё одна гарантия независимости боло. Вдобавок речь идёт о значительной экономии времени и энергии: электрикам или водопроводчикам не придётся ехать через весь город, и неисправности могут быть устранены быстрее. Размер одного боло позволяет его жителям самостоятельно выполнять эти небольшие работы. Но главный смысл зиби заключается в том, чтобы дать волю страсти к созиданию, которая будет одним из факторов, определяющих образ жизни и культурное своеобразие боло. Возможно, вскоре возникнут боло маляров, сапожников, гитарных мастеров, фотографов, кожевников, красильщиков, производителей духов, электриков, автомехаников, печатников, переплётчиков, библиотекарей, резчиков по дереву, автомехаников, лётчиков, каменотёсов, производителей видеотехники и т. д.

Для некоторых боло значение зиби будет не столь важным. У таких боло не будет специализации, они будут заниматься всем понемногу. К примеру, тао-боло сознательно уменьшат до минимума производство и потребление. Их «продукция» будет нематериальной.

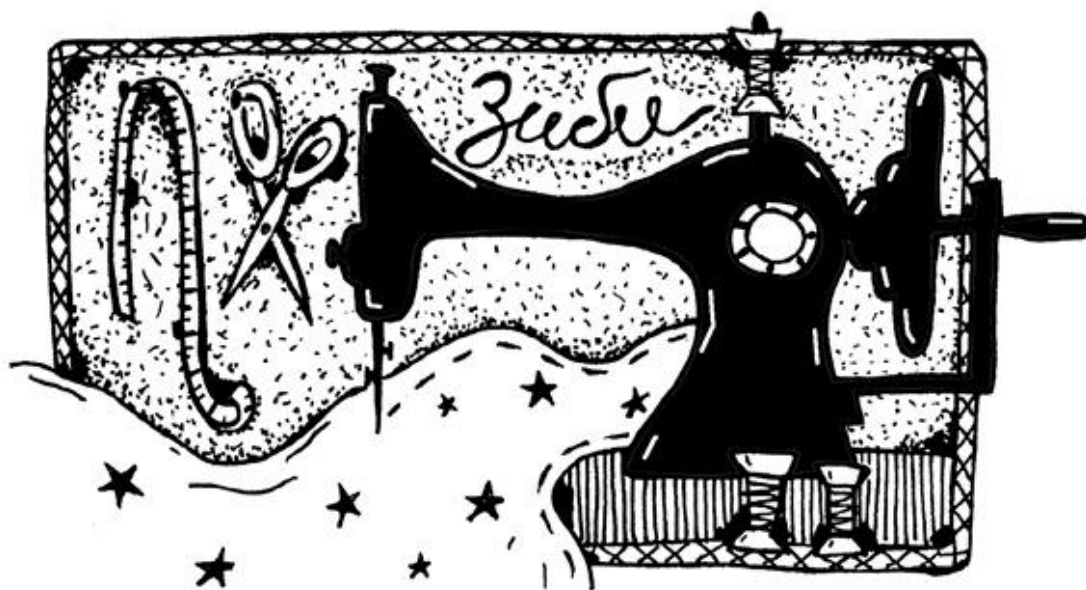
Производство — уже не обязанность, для полноценного функционирования было достаточно небольшого объёма сельского хозяйства и ремонтных работ. Необходимость работать для рынка исчезнет, было будут производить товары только для себя и для обмена, а значит, больше не будет различий между ремеслом и искусством, между профессией и призванием, между рабочим и свободным временем, между склонностью и экономической необходимостью (исключая, конечно, сельское хозяйство и ремонтные работы). Конечно, было будут обмениваться как промышленными, так и сельскохозяйственными продуктами и услугами. Они будут циркулировать в виде подарков, передаваться по договорам об обмене или через квартальные склады и рынки — и будут создавать и улучшать личные связи.

В рамках одного было, квартала или города ремесленники или мелкие промышленные предприятия будут находиться в тесной связи с потребителями своей продукции. Это сделает в принципе невозможными разрушение окружающей среды, шумовое загрязнение, плохое качество продукции или пренебрежение потребностями потребителей, так как потребитель знает производителя, многие предметы будут иметь свой «личный характер». Бракованную продукцию можно будет без проблем вернуть обратно, а между разработкой и потреблением будет налажено взаимодействие. Эти отношения создадут новую технологию, она будет более разнообразной и утончённой, чем сегодняшнее массовое производство, которое не считается с местными условиями и особыми потребностями. Прямые отношения между производителем и потребителем уступят место иному виду технологии, ориентированному на независимость от крупных систем (взаимозаменяемость, малое потребление энергии и т. п.)¹.

Поскольку промышленное производство намного шире и разнообразнее и в отличие от сельского хозяйства меньше зависит от погодных условий, жизнедеятельность было будет базироваться на принципах обмена и сотрудничества. Воду, энергию, полезные ископаемые и т. д. необходимо добывать и распределять в региональном или даже во всемирном масштабе. Это может осуществляться в ходе совместных операций, в которые все участвующие общины вносят свой вклад в виде рабочей силы (кене). При этом нужно размещать производство как можно ближе к источникам полезных ископаемых, чтобы сократить до минимума транспортировку.

Совместная работа экономит трудозатраты и поэтому имеет смысл, так как в рамках одного было полная загрузка и ремонт целого ряда машин и оборудования невозможны. Зачем каждому было иметь собственную мельницу, строительные машины, медицинские лаборатории, грузовики? Само собой разумеется, что будут созданы общие парки транспорта и оборудования. Такое же решение подойдёт для

¹ Использование альтернативной технологии абсурдно, если оно рассматривается независимо от специфических социальных структур. Один дом на улице, напичканный солнечными коллекторами и другими гаджетами — это всего лишь демонстрация очередного новомодного хобби и материального достатка обитателей дома. Экологически чистые технологии вне «общества экологического типа» будут означать всего лишь создание очередного рынка для нового типа индустрии. Было-было не станет высокотехнологичным обществом с развитыми энергетическими, химическими и ядерными сферами, поскольку они не впишутся во фрагментарную, сумбурную систему было. Рядовой завод в было будет насчитывать не более 500 рабочих. Однако не исключается необходимость в нескольких огромных заводах по производству незаменимых продуктов вроде топлива, химических веществ и т. п. Один-два таких завода могут располагаться на территории одной страны или на одном континенте.

производства необходимых продуктов, которые не изготавливаются в определённом боло (например, в городе нет боло сапожников). Таким образом ибу из разных боло могут объединяться согласно своим предпочтениям в мастерские, расположенные в городе или на периферии. В случае если для выполнения этой работы не найдётся желающих ибу, но необходимость в этом труде будет ощущаться, справедливым решением станет принудительный труд (кене). Кене может выглядеть следующим образом: каждый ибу обязан выполнить определённый объём работ для компенсации невыполненных заданий. Ибу предложат не самые приятные работы вроде охраны закрытой атомной электростанции, чистки канализации, ремонта дорог и т. п. Стоит отметить, что принудительный труд вряд ли будет сильно угнетать желания и интересы ибу, поскольку станет редким явлением, скорее исключением из правила.

Пали

¹ По сути дела, сельское хозяйство и ремесло (коду и зиби) — это два вида обеспечения энергией (пали): коду предлагает высокосортную энергию для людей, зиби — энергию низкого качества для повторного использования. Вопрос реализуемости боло-боло может быть сужен до проблемы энергии. Теории, концепции и технологии создания альтернативной энергии достаточно интенсивно развивались в течение последних пятнадцати лет (Эмори Ловинс, Барри Коммонер, Юджин Одум, Иван Иллич и др.). Многие теоретики альтернативной энергии также настаивают на том, что энергоснабжение — это не просто техническая проблема, а нечто, что затрагивает всю нашу жизнь. По ряду причин реальной политики подобные контексты часто утаиваются или сводятся до минимума. Примером служит труд Роберта Стобута (Роберт Стобут и Даниель Ергин, «Энергия будущего: отчёт проекта по энергетике в Гарвардской бизнес школе», Нью-Йорк, 1979). Автор убеждён, что благодаря сохранению и совершенствованию двигателей и генераторов, можно будет обеспечить примерно сорокапроцентную экономию энергии, без каких-либо изменений в нормах жизни или в экономических структурах. Поскольку обычные потребности в энергоресурсах не были подвержены критике, был предложен ряд различных технических и организационных мер для решения этой проблемы. В определённой степени аналогично обстоит дело со стратегией использования метана (и солнечной энергии), предложенной Коммонером: в центре внимания только технические вопросы (которые ещё и политические в том смысле, что возникает противопоставление нефтяным транснациональным корпорациям), но энергетическая система по-прежнему рассматривается независимо от социальных изменений. (Коммонер баллотировался на президентские выборы в 1980 году.) Личная машина, крупная промышленность, индивидуальное домашнее хозяйство нуклеарной семьи не подвергаются критике. В США 58% всего энергоснабжения используется для подогрева или охлаждения, 34% — для топлива (машины и тракторы), и только 8% — для специальных приложений со специфической потребностью в электричестве. (Фритьоф Капра «Поворотный пункт», 1982.)

Много энергии требуется для трафика и повторного подогрева (последствие разделения жилья и рабочего пространства). При условиях боло-боло станет возможным уменьшить общие потребности в энергии до около 30% от сегодняшней суммы. (Фридман, который упоминался в этой книге на с. 78, получил приблизительно такую же цифру для его «модернизированной цивилизации фермеров».) Такое уменьшение потребности в энергии может быть обеспечено за счёт использования гидроэлектроэнергии, солнечной и геотермальной энергии, солнечных элементов, тепла озёр и морей (использование насосов), метана, биогаза, водорода из водорослей, деревянных ветряных мельниц, ограниченного количества угля и нефти. Хотя уголь доступен в больших количествах и на протяжении многих столетий этого ископаемого топлива всегда было достаточно, существует ряд веских аргументов против его чрезмерного потребления: углекислый газ, дождь, опасности, сопровождающие его добычу, разрушение ландшафтов за счёт транспортировки и т. д. Я не предлагаю «эру угля» или «эру солнечной энергии». Речь идёт о сети аккуратно отрегулированных, небольших, разнообразных, адаптированных под условия местности кругооборотов, уменьшающих общий поток энергии. Даже производство солнечной энергии в больших объёмах требует значительных промышленных инвестиций (металлы, трубные системы, коллекторы, оборудование для хранилищ, электрические и электронные установки и т. д.), которые в свою очередь могут быть созданы только при больших расходах энергии и осуществления постоянного контроля над работой. «Децентрализация» не обязательно означает независимость от

Независимость боло определяется уровнем самообеспечения в энергоснабжении. Сельское хозяйство и ремесло могут рассматриваться как два главных способа решения этой проблемы.¹ Пали необходимо для сельского хозяйства, для транспорта (прежде всего, для перевозки продуктов питания), для отопления или охлаждения, для варки, для производства товаров и самой энергии. Сегодня решение вопроса об энергоснабжении даётся крайне трудно, главным образом потому, что он ставится неправильно. Суть проблемы не в том, как произвести достаточно энергии (в том числе и по альтернативной технологии), а в том, какая энергия для чего используется. С изменением образа жизни изменится и потребность в энергии, и в первую очередь резко сократится объём энергопотребления.

Местное самоснабжение, совместная жизнь в боло, время вместо скорости уменьшают объём перевозок и энергозатраты на отопление. Сегодня большая часть энер-

крупных промышленных изготовителей — примеры «децентрализованного» автомобиля и «централизованной» железной дороги показывают разницу. Системы альтернативной энергетики сами по себе рискуют запустить новый вид децентрализованной промышленной домашней работы, как это произошло в XIX веке. Переход на использование альтернативной энергии (без принесения большого вреда окружающей среде) может заставить нас задуматься о необходимости постоянной бдительности и дисциплины, что впоследствии приведёт к выбору контроллеров и иерархий. Это могло бы сохранить природу, но разрушит наши нервы. Остаётся только одно решение — абсолютное ограничение и диверсификация потока энергии путём создания новых комбинаций и стилей жизни.

Ошибочно понимать уменьшение энергоснабжения как некий вид отказа от права пользования. (Что было сделано Джереми Рифкином в его «Энтропии», Нью-Йорк, 1980.) Использование энергии подразумевает наличие работы. Использование энергии в большом количестве не уменьшило объём работы, а только рационализировало рабочие процессы и транспонированные усилия в области психосенсорной работы. Только небольшая часть деятельности по использованию энергии уходит на то, чтобы заменить мышечную работу. (И даже мышечная работа, по сути, не лишена приятности, правда, только в тех случаях, когда она становится монотонной и односторонней. В спорте, например, это своего рода удовольствие.) За исключением транспортировки, только несколько удовольствий происходят от больших объёмов затрат энергии, производимой не человеком. По этой причине способы транспортировки людей будут ориентированы на приятные цели (см. Фази). Многие экологи с трудом представляют цивилизацию удовольствий, не требующих энергии, и воспринимают уменьшение потребления энергии как вид искупления своей вины (перед природой), даже как форму аскетизма, наказания за наш «гедонизм». Конечно, так бы оно и было, если бы мы приняли политику сохранения энергии и не настаивали на принятии новых способов жизнедеятельности, подразумевающих уменьшение работы и увеличение удовольствий. Неужели они забыли, что самые важные удовольствия, в которых нуждается большинство из нас, практически не требуют дополнительных производимых «железом» энергий? Любовь, танцы, песни, наркотики, еда, транс, медитация, отдых на пляже, мечтания, болтовня, игры, массаж, купание... Может быть культура массового потребления настолько их заморозила, что они проповедуют век отречения, дабы побороть своих внутренних демонов? На самом деле, экономия энергии становится моральной проблемой, при одновременном отсутствии критики социальных условий.

Промышленная энергия разрушает наши лучшие удовольствия, потому что высасывает наше время. Энергия пожирает время, которое требуется для её производства, её использования и контроля. Меньше (внешней) энергии — больше времени, внутренняя энергия для (старых и новых) удовольствий — больше любви днём, больше житейской мудрости, больше утончённости и контактов между людьми. Пророчества о жертвах зайдут в тупик: мы не будем наказаны за наши «грехи»; мы откроем дверь в рай с низким энергопотреблением со смоляно-чёрными (экологическими) душами. Так как общее потребление энергии для удовлетворения технических нужд будет очень низким, всегда будет достаточно энергии для поддержания тяжёлой работы, сельского хозяйства, машин. Сегодня сельское хозяйство использует только до 1%-3% энергоснабжения (т. е. актуальной промышленной механизированной формы сельского хозяйства).

Век тяжёлой и нудной работы не наступит.

гии растрчивается на то, чтобы вновь воссоединить разъединённое условиями системы: жильё и рабочее место, производство и потребление, развлечение и жильё, работу и отдых.

Потребление энергии растёт пропорционально с ростом изоляции отдельных индивидуумов и нуклеарных семей. Размер и структура боло позволят достичь большего эффекта при меньших затратах энергии, ведь различные виды её применения будут дополнять друг друга. Боло будут использовать каждый вид энергии в наиболее выгодной форме. Электричество будет применяться главным образом для освещения, питания электронных приборов, преобразования в механическую энер-

гию и для некоторых видов транспорта (железная дорога, трамвай). Для основного потребления (освещение) можно производить энергию на месте или даже в самом боло, используя ветряные генераторы, солнечные батареи, небольшие гидроэлектростанции, генераторы на биогазе и т. д. Для отопления будут применяться солнечная энергия, коллекторы и тепло почвы. Горючие материалы будут употребляться только там, где действительно требуется высокая температура: для варки (биогаз, дрова), для паровых машин (паровые грузовики, суда, генераторы) и для некоторых двигателей (бензин, дизель, керосин для скорой помощи, спасательных самолётов, пожарных команд).

Боло представляет собой сложную систему, которая использует как местные, так и внешние ресурсы энергии. Сбросное тепло с промышленных предприятий выгодно применять для отопления, поскольку в 80% случаев жильё и рабочие места совмещены. Отапливаемые помещения могут использоваться многократно и совместно (например, бани, бассейны, салоны, парилки и т. д.). Экскременты и отбросы лучше использовать для производства биогаза, а не загрязнять ими воду. Величина боло делает возможным применение электронного управления (что для одиночных домохозяйств является дорогим удовольствием). Таким образом, энергия может быть использована более рационально.

Боло с тёплым климатом могут быть на 90% независимы от поставок энергии, а боло с умеренным или холодным климатом — на 60–80%. Кварталы и районы (тега и вудо) сотрудничают между собой, чтобы приблизиться к полному самоснабжению. Области заключают между собой договоры об импорте и экспорте энергоносителей (нефть, уголь). Всемирная комиссия может координировать эти поставки (см. главу «Аза»).

Высокий уровень потребления обусловлен стремлением к комфорту, высокими стандартами жизни и мобильностью. И это ещё не всё. Современное потребление энергии определяется в значительной мере требованием нормированного рабочего дня. При этом возникают часы пик и потребность в быстром и нормированном кондиционировании воздуха (+21 °C и 55% влажности). Очень мало внимания уделяется таким энергетическим элементам, как огонь, вода и ветер. Изменения, вызванные ритмом дня и года, воспринимаются как неприятные, и их стараются по возможности устранить. Устраняются все препятствия к выполнению работы (снег, дождь, темнота). Таким образом, создаётся мнимый энергетический комфорт (электророзетка на все случаи), который, с одной стороны, требует громадного расхода энергии, но с другой — не приносит настоящего удовлетворения от тепла или прохлады. Поэтому некоторые устраивают рядом с радиаторами центрального отопления камин, чтобы, по крайней мере, снова увидеть настоящий огонь.

В боло-боло использование энергии будет снова определяться ритмом природы. Зимой не везде будет одинаково тепло, и может быть только +18 °C. Но тем приятнее будет находиться в общественных помещениях. Нужно будет снова надевать свитер, раньше ложиться спать, есть пищу, богатую жирами, то есть действительно жить по-зимнему, так, как многие делают во время зимнего отпуска. Холод приносит неудобства, если в таких условиях нужно работать с полной отдачей. Это касается также болезней, недугов и других «обременений», возникающих по естественным причинам.

Зимой некоторые ибу могут, как перелётные птицы, переехать на несколько месяцев на юг, что, несмотря на расходы, связанные с переездом, всё-таки выгодно с точки зрения экономии энергии. Договоры об обмене с боло в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, Персии, Индии могут уменьшить расход энергии в местных боло. Кроме того, некоторые ибу совсем не могут переносить холод.

Зуфу

Зуфу (снабжение и потребление воды), так же как и пали (снабжение и потребление энергии), зависит от нима (образа жизни). Сегодня вода потребляется в больших количествах, прежде всего, для мытья и канализации. Вода стала универсальным транспортным средством и потеряла своё истинное предназначение.

В наше время потребление воды для гигиены человека, стирки, мытья посуды и уборки имеет мало общего с хорошим самочувствием, с той радостью, которую может приносить вода. Принимая утром душ, человек не получает удовольствие от того, что вода течёт по его телу, а думает о том, что надо как можно скорее взбодриться, продезинфицироваться и повысить свою работоспособность. Это один из способов удержания на цепи А-рабочих Рабочей Машиной. Мытьё, каждодневная смена белья, белые рубашки — всё это ритуалы рабочей дисциплины, которые позволяют шефу контролировать «преданность» подчинённых. Смысл этих ритуалов отнюдь не гигиенический. Во время отпуска многие меньше моются, не бреются и не так часто меняют одежду. Частое мытьё, применение мыла, шампуней и т. д. даже вредят кожному покрову, то есть здоровью. Право быть «грязным» стало роскошью.

Сегодня распространены ярко выраженные невротические страхи перед «грязью». Люди делают вид, что чистота — объективное понятие, хотя на самом деле она обусловлена культурой. Повышенное внимание к личной гигиене — это вытесненный страх перед опасной «грязью», от которой не так легко отделаться (её можно или переработать, или куда-нибудь спихнуть). Это касается, прежде всего, радиоактивных или химических отходов. Поразительно, но при всеобщем помешательстве на чистоте риски, связанные с отходами, практически не доходят до сознания общества. Грязь, которая устраняется из домашнего хозяйства, появляется потом в водах, вперемешку с химическими моющими средствами. Она становится гораздо более вредной, хоть её и не видно. Поверхностная забота об экологической чистоте заставляет нас строить дорогие очистные сооружения, что в свою очередь требует больше стали, бетона и т. д. А это ведёт к увеличению промышленных отходов и ещё большему загрязнению окружающей среды. Вред, причиняемый преувеличенной страстью к чистоте, невозможно компенсировать мнимым комфортом, который мы получаем в результате постоянной чистки. Повсеместная уборка, помимо прочего, создаёт «грязь» в виде утомления и отвращения у тех, кто ею занимается. Когда уборкой будут заниматься непосредственно источники загрязнений, а не специально

созданные для этого службы, тяга к разбрасыванию мусора будет пресечена в корне. Работа — одна из основных форм загрязнения окружающей среды, так как работой мы не только разрушаем самих себя, но также и природу.

В боло-боло не будет дисциплины и контроля при мытье и уборке, а большая часть крупной промышленности исчезнет, поэтому мы легко сможем уменьшить потребление воды на одну треть или ещё больше, а также сократить связанную с водоснабжением работу. Собирая дождевую воду на крышах и в цистернах, некоторые боло смогут достичь самообеспечения водой. Но в целом будет лучше, если кварталы и города организуют снабжение водой в соответствии с потребностями.

На самом деле основной причиной «кризиса водоснабжения» является чрезмерная урбанизация, уничтожение традиционных сельскохозяйственных устоев, а также бесконтрольное продвижение «инновационных» технологий и продуктов. Доступность и использование воды должны диктоваться культурными традициями, а не промышленностью.

Гано

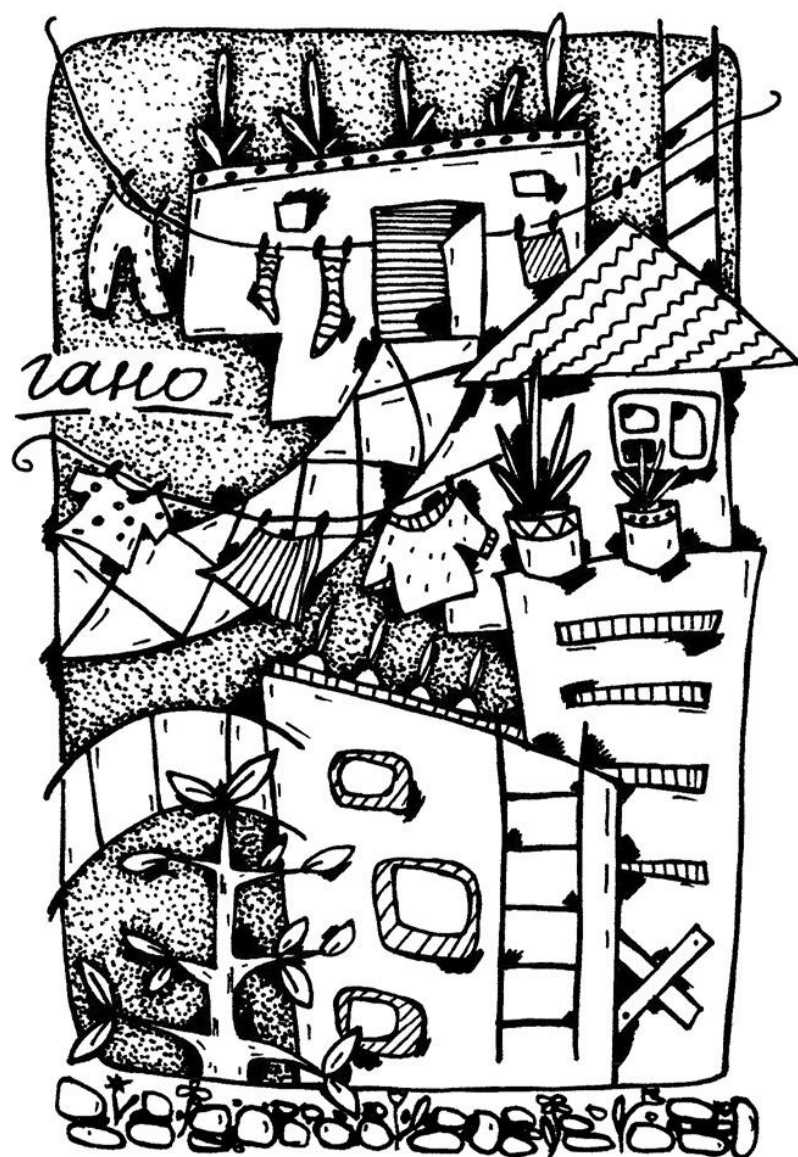

В боло-боло у ибу появится больше времени и места для развлечений. Магазины, гаражи, офисы, склады, улицы, фабричные помещения освободятся, и боло смогут их использовать, поскольку больше не будет собственности на землю, исчезнут ограничения, спекуляция и правила застройки. Боло смогут строить и перестраивать, разрисовывать и использовать постройки в соответствии со своими культурными особенностями (нима). Они смогут договориться между собой по поводу разделения площадей и построек в пределах района. Никто не имеет полномочий заявлять свои права на владение тем или иным зданием.

Для боло вопрос состоит не в том, чтобы развернуть новое строительство, а в том, чтобы поселиться в построенных домах и полностью использовать собранные строительные материалы. Так как гано является составной частью энергосистемы, использование современных, потребляющих много энергии бетонных построек и многоквартирных домов представляет для боло некоторые проблемы. В высотных домах могут быть устроены террасы, которые будут засажены и сверху покрыты стеклом, так что потребление энергии в них резко понизится. Северо-восточные стороны домов на зиму можно покрыть изолирующими материалами и использовать их не для жилья, а только как хранилища, склады и т. п. Между этажами могут быть устроены дополнительные лестничные переходы, которые создадут кана. Посёлки с многоквартирными домами могут быть связаны между собой дополнительными постройками, соединяющими переходами и т. п.

Каждое боло сможет выразить своё разнообразие в архитектуре, и нынешняя монотонность жилых кварталов исчезнет. Городские центры снова станут разнообразными и оживлёнными, будет устранено разделение между центром и окраинами. Некоторые ибу будут всегда находиться на улицах и во дворах, даже ночью и по воскресеньям (вероятно, в отдельных боло всё же сохранятся такие извращённые понятия, как «недели», «месяцы» и «годы»). Жизнь улиц не будет регламентироваться, как сейчас, ограниченными часами работы магазинов и кафе. Боло будут всегда «открытыми».

Удобство, разнообразие, потребность в непрерывной перестройке в соответствии с изменяющимся нима (образом жизни ибу) приведут к тому, что города будут выглядеть более «хаотичными», средневековыми или восточными, то есть «живыми». Импровизации, временные постройки всех видов, разнообразие материалов

и стилей будут характеризовать строительство. Возвышающиеся над улицами переходы, башни, бараки, хижины, руины, крытые переходы между домами и т. д. будут встречаться очень часто, поскольку соседствующие боло будут связаны между собой множеством договоров об обмене, а ибу не захотят намочить ноги по пути от дома к дому, в столовую, в сауну, к мастерским. Огромные склады, учреждения и т. д. освободятся, и станет возможным общее использование площадей, домов, улиц. Получается, что для ибу будет больше пространства, чем сегодня. Каждое ибу найдёт место для своей мастерской, своего ателье, кабинета, лаборатории. Но распределение жилья не может быть установлено какими-то предписаниями (например, каждому полагается 40 кв. м.), так как потребность определяется образом жизни. Один стиль жизни требует больших спален, другой — отдельную келью, третий — общие помещения и т. д. и т. п.

Естественно, что пустынные кварталы на окраинах городов — это не единственная причина грабежей и изнасилований, но всё же постоянная оживлённость улиц, общественных и личных помещений станет вкладом в борьбу с насилием. Кроме того, боло будет одной из форм социального контроля, своеобразной «пассивной полицией».

К «недостаткам» такой системы можно причислить «прозрачность» отношений и подотчётность: все друг друга знают, а незнакомец сразу бросается в глаза на улице. В таких условиях очень просто подорвать свою репутацию... Но ведь с другой стороны, у каждого боло свои собственные стандарты морали.

Бете

Собственно говоря, бессмысленно считать здравоохранение (бете) отдельной задачей. Здоровье человека или его болезни зависят от нима и являются аспектом всего образа жизни. Боло-боло само по себе — важнейшее бете, поскольку его существование исключает наличие многих болезней, которые являются прямым или косвенным следствием существования Планрабмашины (несчастные случаи на транспорте; войны с использованием оружия массового поражения; болезни, вызванные стрессом и загрязнением окружающей среды; множество профессиональных болезней и несчастных случаев на производстве; психические заболевания).

Боло определяют, что они считают болезнью, а что здоровьем (единственное исключение — эпидемии). Если боло приемлет увечья или шрамы, то никто не может этому препятствовать. Стандарты красоты, моральные ценности, понятие «что такое хорошо» различны в каждом обществе в зависимости от его культурных особенностей и традиций. Определение психической нормы и сумасшествия теряет

¹ Война и медицина, насилие и болезнь, смерть, наступившая от внешних или внутренних причин, — кажется, это абсолютные границы нашего сегодняшнего существования. Мы боимся «других» равно как своих собственных тел. Вот почему мы отдаём своё доверие в руки специалистов и учёных. Поскольку нас сделали неспособными понимать сигналы нашего тела (боль, болезнь, все виды «симптомов»), медицина стала последней наукой с более или менее нетронутой легитимацией. Практически каждый технологический скачок (с самыми катастрофическими последствиями) был оправдан в связи с возможностью применения таких открытий в медицине (ядерная энергия, компьютеры, химия, авиация, космические программы и т. д.). Жизнь позиционируется как абсолютная, идеологически и культурно независимая ценность. Даже самый жестокий тоталитарный режим не способен продлить среднюю продолжительность жизни своего народа. Поскольку мы не способны понять наше тело, воспринимать его, основываясь на нашей культурной принадлежности, мы будем зависеть от медицинской диктатуры, класса священников, который виртуально определяет все подробности наших жизней. Среди всех институтов, больницы — самые тоталитарные, иерархические, запугивающие. Если жизнь (в её биомедицинском смысле) — наша главная ценность, то нам следует возводить громадные медицинские комплексы, устанавливать оборудование для интенсивного лечения в каждой квартире, создавать банки искусственных органов, машины для поддержания жизни и т. д. Эти промышленные усилия сожрут всю нашу энергию и время: мы имеем перспективу стать рабами системы оптимального выживания. Культура также может рассматриваться как способ отношения к смерти: строительство пирамид вместо больниц (египтяне не были просто сумасшедшими). Кладбища, склепы для предков, похороны означают не только значительно меньший объём энергии и материалов, они сохраняют жизни (в отличие от индустрии за жизнь). Если мы не способны принять смерть в той или иной форме, мы продолжим убивать и умирать. (Ты не можешь выступать за «жизнь» и против ядерного холокоста одновременно.)

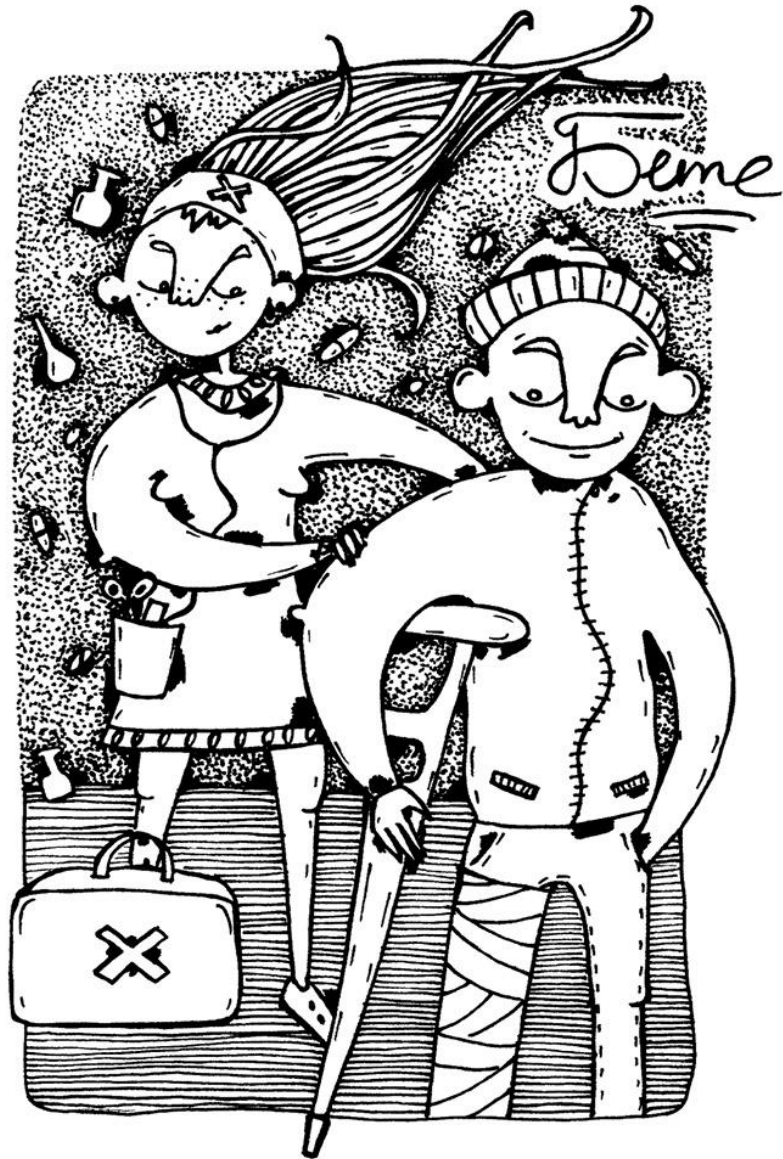
всякий смысл. Каждое боло выбирает тот вид медицины, который оно собирается практиковать.¹

Боло будет самостоятельно лечить не слишком серьёзные ранения и заболевания. Для этого оно может оборудовать боло-клинику и доверить лечение некоторым наиболее опытным ибу. В такой больнице широкого профиля будет несколько палат, 200 наиболее популярных медикаментов, перевязочный материал, медицинское оборудование и транспорт. Размеры боло позволяют больше не разделять больных и здоровых — собственно говоря, все ибу больны и здоровы одновременно. Лежачие, хронически больные, старые, роженицы, слабоумные, инвалиды остаются в своих боло и больше не подлежат изоляции в больничных заведениях. Изоляция неработоспособных ибу в больницах, домах для престарелых и сумасшедших, воспитательных учреждениях и т. д. — это следствие слабости малой семьи, которая настолько «рационализировалась» в работе и домашнем хозяйстве, что не переносит никаких «поломок». Даже маленькие дети для неё проблема.

Некоторые боло, возможно, сделают болезнь или какой-либо «дефект» своим (положительным!) образом жизни. Вполне возможно появление боло для слепых, где всё оборудовано в соответствии с их потребностями. Возможны также связи между боло для слепых и, например, боло для глухонемых, где все ибу разговаривают на языке жестов. Может быть, возникнут «сумасшедшие» боло, где всё будет наоборот — утром ложатся спать, все ходят задом наперёд, читают вверх ногами, чёрные красятся в белых, белые в чёрных и т. д. Диабетики, астматики, эпилептики, параноики, страдающие депрессиями или гемофилией могут создать в боло своеобразный мир или отказаться от этого.

Кроме боло вопросами бете могут заниматься также кварталы и районы. Общие расходы по содержанию системы бете будут несоизмеримо меньше, чем сегодняшние расходы на здравоохранение. Если ибу захотят, то для несчастных случаев, сложных болезней и предупреждения эпидемий будет создана многоступенчатая система, которая откроет доступ к «вершинам медицины».

Скорее всего, в боло мы станем здоровее, чем сегодня, но всё же здоровье и продолжительность жизни нельзя декретировать одинаково для всех. Сегодня это делается не из гуманизма, а просто потому, что здоровье обеспечивает работоспособность, т. е. приносит прибыль. Есть первобытные народы, у которых жизнь коротка, но интересна, и есть другие, для которых естественна долгая жизнь (например, часто упоминаемые гималайские хунза). Точно так же будет и в боло, ибо всё это вопросы не медицины, а самоуправления.

Нуго

Нуго — это металлическая капсула длиной в 3,7 см и диаметром в 0,9 см, закрытая на замок, семизначный код которого знает только ибу. Нуго содержит смертельный яд. Наряду с таку ибу может получить в своём боло личное нуго. Ибу может носить нуго на цепочке вместе с ключами от таку, чтобы они были у него всегда под рукой, на тот случай, если оно захочет исчезнуть из боло-боло. Если ибу из-за паралича или ранения не может само принять нуго, то другие ибу обязаны (см. Зила) помочь ему в этом. Если ибу сыт по горло боло-боло, нима, ялу, фази, яка и т. д. и т. п., то у него всегда остаётся возможность окончательно исчезнуть и уйти от этого реформированного кошмара. Ему не придётся отговариваться тем, что оно обязано жить, так как несёт ответственность за боло-боло и других ибу.

Нуго напоминает ибу, что и боло-боло не имеет никакого смысла и что никакая общественная форма не может помочь ему в его одиночестве. Жизнь сама по себе является фатальной ошибкой, и нет кошмара хуже, чем невозможность умереть.

Пили

Каждое боло является в определённом смысле «маленьким миром» или «домашним очагом», т. е. местом доверия. Чувства, впечатления, идеи, опыт, знания, происшествия, сказания, поэмы, стихи, коммуникация, музыка, педагогика, исследования, средства информации и т. д. — всё это пили.

Коммуникация, воспитание и образование являются сегодня монополией государств и (на Западе) крупных концернов. Школы, университеты, тюрьмы, медиахолдинги регулируют коммуникации таким образом, чтобы Планрабмашина могла продолжать функционировать. Боло не нужны такие учреждения. Обучение снова станет частью самой жизни. Каждый будет одновременно учеником и учителем. Младшие или учащиеся ибу будут наблюдать за старшими и брать с них пример. В мастерских, кухнях, лабораториях, библиотеках, аптеках, ателье, в сельском хозяйстве они будут изучать то, что их интересует. Дальнейшая передача знаний и умений будет сопровождать и замедлять все производительные или интеллектуальные процессы. Жизнь в боло будет представлять собой смесь «дидактических дигрессий» — поучительных отступлений.

Обязанность посещать школу и принуждение к обучению исчезнут. В соответствии со своими культурными особенностями боло могут оборудовать учебные комбинаты, где ибу с удовольствием будут обучать других ибу читать, писать, считать. Боло достаточно велико, чтобы внутри него образовалось несколько ученических групп. Также возможно, что некоторые боло будут отличаться особым педагогическим призванием, и поэтому ученики из других боло будут приходить туда для изучения определённых предметов (в рамках обмена или «бесплатно»). Возможно даже, что в отдельных кварталах или городах согласие будет настолько велико, что они смогут образовать собственные школы. Но всё это будет абсолютно добровольным и разнообразным в зависимости от конкретного места. Не будет никаких официальных планов обучения, никакой иерархической школьной системы, никакого отбора, отметок, дипломов, титулов и т. д. и т. п. Инженер, врач, пилот, ремесленник и философ станет личным педагогом для любого ребёнка. Железные дороги, промышленные комбинаты, больницы, шахты, аэрофлот и т. д. тоже станут учителями. Кроме того, возможно, будут проводиться специальные курсы или родители будут отправлять своих детей к «мастерам» в другие районы. Знания будут свободно циркулировать и

не будет никаких формальных барьеров. Каждый может именовать себя «доктор» или «профессор», если ему это нравится. Факультеты или предметы могут создаваться в зависимости от потребностей. Все виды научной или «магической» традиции могут существовать рядом.

Для облегчения обмена знаниями и опытом кварталы или города могут на взаимной основе (нима-зади) создать академии, в которых каждое ибу может читать или слушать лекции. В качестве помещений могут быть использованы бывшие школы, фабрики, универмаги, склады, к которым будут пристроены крытые галереи. С такими академиями могут быть скомбинированы кинотеатры, кафе, фойе, галереи, вольеры и теплицы. Вместе с базарами (зади) они станут центрами кварталов или городов.

Так как боло освободят ибу от большинства каждодневных забот и предоставят им много свободного времени, то ибу смогут беззаботно заниматься передачей знаний научным, магическим, практическим или игровым способом. Открытие и развитие личных способностей станет определяющей деятельностью ибу. Централизованная бюрократическая, формалистская наука станет излишней, так как большинство централизованных, потребляющих много энергии (и поэтому опасных) систем исчезнут. Но это ещё не значит, что наступит новое «мрачное средневековье». Наоборот, будет больше времени и возможностей для обучения и самообразования, будет меньше «тайных» знаний, исчезнет разделение между наукой и её (в наше время безответственным) применением. Ибу станут отдавать предпочтение той тех-

нике, которой они сами смогут овладеть, чтобы не зависеть от специалистов. Лучше быть независимым от больших информационных систем и не растрачивать энергию на переработку огромного объёма бесполезной информации. Иногда знание — это не само собой разумеющееся добро, а просто аккумулированная глупость.

Некоторые боло или академии станут известными из-за тех знаний, которые там можно будет получить, и их будут посещать ибу со всего света. Мастера, гуру, мудрецы, ведьмы, изобретатели, учителя с мировым именем будут собирать вокруг себя учеников и знатоков. По всей планете возникнут сети школ, сект, тайных обществ и гильдий всех видов. Будут проходить научные дебаты, схизмы, полемики, исключения, дуэли. Всеобщее гостеприимство (зила) будет способствовать «научному» туризму больше, чем сегодняшние стипендии. Университеты станут действительно универсальными.

Также и средства информации будут иметь другое значение. Вместо обмена, контакта и взаимопонимания сегодня мы имеем только унифицированную и централизованную коммуникацию и информацию. Телевидение, радио, газеты и т. д. определяют, что мы должны знать, чтобы вести себя соответственно системе. У нас почти нет «горизонтального» обмена сведениями между людьми, а централизованная информация необходима, чтобы не допустить развала системы, построенной на специализации и изоляции. Поскольку ни у кого больше нет времени задуматься над тем, что происходит вокруг, создаётся целый поток новостей. Мы узнаём по радио, что за углом кого-то убили. Вместо того чтобы узнавать новости со всего мира от путешественников или путешествовать самим, мы допускаем симуляцию реальной жизни централизованными средствами информации. Чем меньшим временем для получения настоящих знаний мы располагаем, тем больше нам нужно «информации». Таким образом, средства информации становятся настолько привычным эрзац-миром, что мы вообще теряем способность воспринимать реальность.

Своим интенсивным внутренним взаимодействием боло уменьшат потребность в информации. Нет необходимости распространять местные новости через газеты или радио: у ибу достаточно времени, чтобы обменяться последними известиями в устной форме. Разговоры, болтовня на всех углах, на базарах и т. д. вполне могут заменить местные газеты. Изменится также и вид новостей: нечего будет сообщать о политических деятелях, государственных визитах, войнах, скандалах, взятках, так как их просто не будет. Больше ничего особенного не «происходит», ежедневный цирк переместился из отвлечённого мира, отражённого СМИ, на кухню боло.

Первой жертвой этих новых взаимоотношений станет массовая печать. Это средство не только даёт мало возможностей для двухстороннего обмена информацией (используя в качестве алиби письма читателей), оно также потребляет большое количество бумаги, воды и энергии. Информация на бумаге ограничится выпуском непостоянных бюллетеней и различных журналов.

Массовый выпуск книг может быть резко сокращён. Так как боло смогут создать свои собственные библиотеки. У отдельного ибу появится больше возможностей доступа к книгам. Если в каждом боло будет своя библиотека, то беспредельный расход бумаги, работы и энергии исчезнет. Всё это приведёт к тому, что ценность книги увеличится. Она снова станет ценным, солидно переплетённым, заслуживающим уважение объектом, как в средневековье, а не простым источником информации,

которым пользуются, а затем выбрасывают. Технические и научные книги могут быть переведены в электронные банки данных. В некоторых боло будут создавать высокохудожественные иллюстрированные рукописи для обмена на базарах или в качестве подарков при заключении соглашений.

Боло будут сами определять порядок совместных действий в районах и областях, и эта самостоятельность изменит роль телевидения и радио. Во-первых, без них можно будет обойтись благодаря появлению множества других культурных «каналов» (ими станут сами боло), которые создадут непрерывное «шоу». Оперативная передача информации будет необходима только в особых случаях, а в остальном можно будет просто пойти и посмотреть, если кого-то что-то интересует. Радио и телевидение будут увлечением некоторых боло, в котором проявится их своеобразие. Возможно, где-то будет существовать местное кабельное телевидение, радио, видеотеки. В отличие от нынешней ситуации непосредственные участники смогут самостоятельно контролировать такие проекты, не допуская централизованной манипуляции. Ни один из видов СМИ не сможет претендовать на центральную роль, для неё просто не будет места. Это также применимо и к компьютерам. Они больше не будут служить протезами для неполноценной коммуникации, а станут или своеобразным увлечением или вспомогательным элементом.

Было бы разумно создать всемирную телефонную сеть в качестве необходимой системы коммуникации (возможно, с радиоустановками и спутниками). Каждое боло должно будет иметь хотя бы одно подключение (но не 500!). Это означало бы, что в случае необходимости каждое ибу может в любое время поговорить с любым другим ибу. Для 10 миллионов подключений (пара миллионов боло не захотят подключаться к сети) уже сегодня достаточно оборудования, только нужно его правильно распределить и применить. С энергетической точки зрения телефон представляет собой дешёвое средство связи. Кроме того, он поможет уменьшить расходы на транспорт. Таким образом, в боло-боло будет аварийная коммуникационная сеть на случай катастроф, опасных ситуаций, эпидемий и несчастных случаев. Но это не значит, что на горизонте появится «мировая электронная деревня».

Кене

В рамках отношений между ибу в боло могут возникнуть определённые соглашения по созданию общих предприятий. Это не только обмен информацией, но и организация совместной работы. Периодически боло будут совместно проводить работы в масштабах квартала, области и т. д. Каждое боло решает само, хочет ли оно участвовать в таких работах или нет. Правда, в случае неучастия оно не имеет права бесплатно пользоваться результатами работы.

Для общих дел (таких как медицина, обеспечение энергией, высокие технологии, охрана окружающей среды, транспорт и коммуникации, обеспечение водой, добыча сырья, массовое производство, нефтеперегонные, сталелитейные заводы, верфи) необходимо будет привлечь определённое количество ибу, которые согласны этим заниматься. В большинстве случаев для таких общих мероприятий найдутся ибу, которые будут видеть в этом своё призвание или, выражаясь по-старомодному, свою «профессию». С другой стороны, решающим фактором организации работы будет не экономическая конъюнктура, а воля участвующих обществ. Вид продукции и объём работы будут определяться теми, кто работает. Не будет зарплат, начальников, спешки, рентабельности. У каждого рабочего будет возможность «дезертировать» в своё боло, а значит, такие предприятия будут относительно спокойными, безобидными и уютными для ибу.

И всё же было бы разумным иметь ряд крупных фабрик и централизованных учреждений. Ведь, например, сталелитейный завод средней величины, который тщательно спланирован и снабжён специальным оборудованием для охраны окружающей среды, наносит меньше вреда природе, чем одна плавильная печь на каждом заднем дворе.

Некоторые ибу захотят стать инженерами, пилотами, литейщиками, водителями локомотива, шахтёрами и т. д. Конечно, это не значит, что ибу всю жизнь должно работать по выбранной специальности. Кроме того, ибу само будет определять условия работы. Проблемы возникнут тогда, когда боло, решившие создать общее дело, не найдут среди ибу тех, кто с удовольствием будет производить эту работу. Объём таких «остаточных» работ может быть различен. Если он будет слишком большим, то боло должны хорошенько подумать, насколько такое дело для них важно. Если боло

убедятся в необходимости выбранного общего дела, то соответствующие работы должны быть распределены между всеми участвующими боло и выполнены вне зависимости от того, хотят этого ибу или нет. Такая форма всеобщих «принудительных» работ имеется в большинстве обществ, где нет ни оплачиваемой работы, ни налоговой системы.

Кене является своего рода «натуральным налогом» в форме рабочей силы. Вполне возможно, что боло будут отдавать десять процентов рабочего времени на нужды квартала, а кварталы в свою очередь — десять процентов рабочего времени на нужды города и т. д. А внутри боло работы будут распределяться по принципу ротации. Можно предположить, что кене будет состоять, прежде всего, из наименее приятных или «интеллигентных», но необходимых работ (например, охрана закрытых АЭС, очистка каналов, ремонт дорог, работа в шахтах). Выполнение таких работ ни в коем случае не угрожает репутации ибу. Тем не менее каждое ибу имеет право отказаться от «принудительной» работы, покинуть своё боло и примкнуть к новому боло.

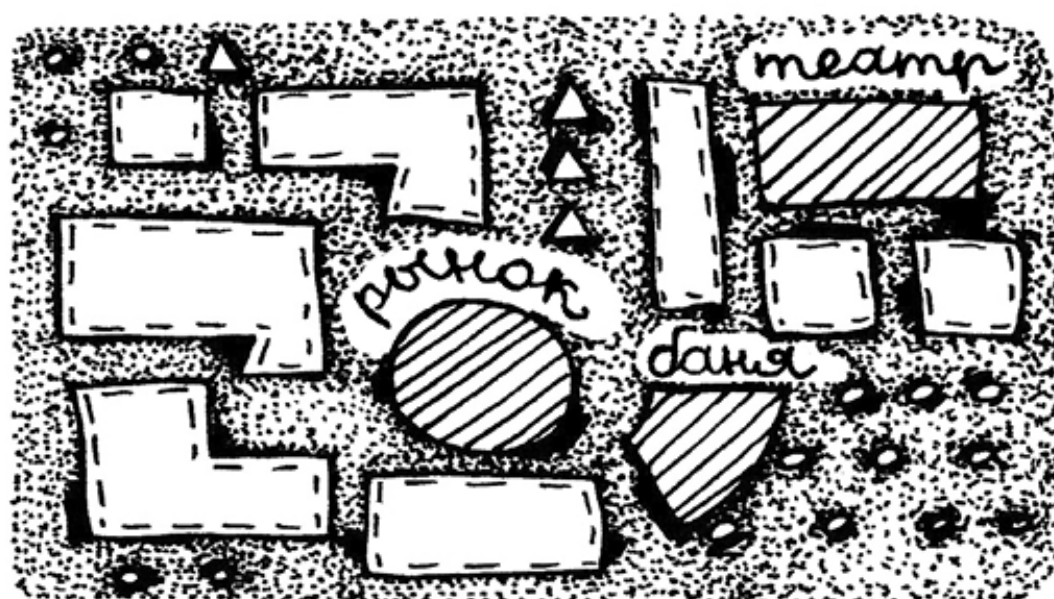
Если удастся сократить «принудительные» работы, то и необходимость в кене вскоре отпадёт. А пока что кене остаётся одним из тех принуждений, которыми мы обязаны прогрессу. Все не могут собирать плоды или охотиться.

Тега

На почве совместных работ и договоров обмена допускается создание союзов боло. Их форма будет различной в зависимости от местоположения и традиций. Боло могут быть полностью изолированными (например, в джунглях) или объединёнными в группы из двух-трёх боло. Связи между ними могут быть поверхностными или очень тесными (особенно в городах). Возможны переплетения, анклавов, эксклавов и т. д. Десять-двадцать боло, объединённые для совместной работы, образуют тега (деревня, квартал, небольшой город, сельская область). Тега может возникнуть на основе географической принадлежности, городской структуры, культурных или исторических факторов или просто взаимной симпатии. Тега решает для боло и отдельных ибу определённые практические задачи: эксплуатация дорог и каналов, транспорт, обеспечение водой, создание мастерских и больниц и работа в них, уход за водоёмами, лесом, складирование материалов, экстренная помощь в случае катастроф, организация пожарных команд, театры, кино, рестораны и т. д. В тега боло организуют своего рода самоуправление на локальном уровне. При этом решающим фактором будет не территория, а мероприятие. Тега управляются снизу, а не являются просто каналами центрального управления. Боло с их самостоятельностью ограничивают власть местных «правительств» и не допускают, чтобы они создали собственную бюрократию. Боло — это очень прочная структура, которая позволяет «рискнуть» и создать тега.

По желанию боло, кварталы также смогут выполнять общественные функции. В них можно создать комитеты, которые будут разбирать конфликты между боло или ибу, следить за дуэлями (см. Яка), содействовать созданию новых боло, распускать опустевшие боло или создавать тега-боло (для тех ибу, которые не смогли привыкнуть к какому-то определённому образу жизни, но всё же хотят жить в боло). Кроме того, в квартале должно быть место для жизни вне боло: для отшельников, небольших семей, бродяг, кочевников, мизантропов, денди, гениев, коммун или пар. Эти индивидуумы или группы могут заключить с боло или тега договоры о снабжении продуктами питания, о проживании и т. д. Они будут частью разнообразия жизненных укладов в пределах одного квартала. Тега может даже создать собственные сельскохозяйственные предприятия (тега-коду) и производить определённые продукты для всего района. Строго говоря, тега возникает там, где входящие в него боло проявляют инициативу по созданию бассейнов, оперных театров, фонтанов,

□ - баша ▲ - кочевники
 ▨ - теля ○ - ибу вне баша

праздников, катков, галерей, парусных регатов, соревнований, пекарней и т. д. При этом боло должны быть очень осторожны, чтобы не потерять свою независимость. Ведь первые шаги на пути к государству часто бывают безобидными.

На следующей странице представлена схема — упрощённый вариант городского тега.

Дала и Дуди

Одной из основных проблем любых социальных институтов (даже тех, которые исполняют, казалось бы, самые невинные функции) является их склонность к динамике развития централизации. Сотрудничество создаёт власть, и всегда есть группы, желающие её присвоить. Если этому сознательно не препятствовать, то государство вырастет из любой общественной организации. Наилучшей защитой от этой тенденции станет независимость боло. Без неё все формальные демократические, ограничивающие власть методы — будь то делегирование снизу, смена обязанностей или разделение полномочий, общественное мнение, обязательная «прозрачность» и т. д. — будут обречены на провал.

Никакая демократическая система не может быть демократичнее реальной независимости её членов. Для эксплуатируемых, экономически и культурно шантажируемых людей не существует никакой демократии.

Самостоятельность и независимость боло позволяет внести некоторые предложения, которые уменьшат риск возникновения государства. Внутри боло нет места никаким общественным правилам. Способ принятия общих решений определяется выбранным образом жизни боло. И всё же на более высоком уровне (квартал, город, область) могут оказаться целесообразными следующие методы.

Проблемы квартала могут обсуждаться и решаться на собраниях делегатов — тега-дала. Каждое боло посылает в тега-дала двух делегатов. Помимо того, в нём уже имеется два представителя (дуди) из других собраний (см. ниже).

Делегаты от боло определяются жеребьёвкой, половина из них должны быть представителями мужского пола, чтобы женщины, ввиду их «естественного» большинства, не получали большинства делегатского. Возрастных ограничений нет. Дети-делегаты могут взять с собой матерей, отцов или других родственников. Естественно, что тега-дала не подразумевает наличие каких-либо организаторов и руководителей. Его база — договорённость между членами боло.

Тева-дала выбирает из своих членов, также путём жеребьёвки, двух дуди. Этих делегатов (опять-таки прибегнув к методу жеребьёвки) направляют в дала других уровней (квартал, город, область). Так, тега-дала Киева может послать делегатов в зуми-дала Подмосковья, а зуми-дала Эстонии в тега-дала Прилуки, фудо-дала Казани посылает делегата в Краснодарский край или наоборот. Так называемые «внешние» представители наделяются полноценным правом голоса. Эти делегаты должны стать носителями «чужих» взглядов. В их обязанности входит разоблачение

внутренних интриг, они ломают привычки, следят за развитием событий, шпионят и т. п. Подобно путешественникам и кочевникам, они способствуют устранению изоляции боло или кварталов.

Кроме того, функционирование и правление любого дала может быть ограничено временем (избираться только на один год). Заседания должны проходить открыто или транслироваться по радио или телевидению. На заседаниях могут выступать не только делегаты — взять слово может любой.

Статусы отдельных представителей боло будут разными, в зависимости от особенностей уклада боло. Одни будут полностью независимы, действия других будут строго «ограничиваться» инструкциями (какие-либо санкции вряд ли будут возможными) в зависимости от того, представляют они более «либеральное» или более «социалистическое» боло. Все представители отвечают за принятие решений. Их деятельность может считаться одной из форм «принудительных» работ (кене).

Дала любых уровней нельзя сравнивать с парламентом, правительством и даже с органом самоуправления. Они всего лишь управляют определёнными социальными отношениями и соглашениями внутри боло. Поле их деятельности невелико, их легитимность слаба (жребий), их независимость ограничена контролем боло, перед ними стоят чисто практические локальные задачи. Они скорее похожи на старые сходки, сенаты, «верхние палаты», т. е. это встречи самостоятельных единиц, своего рода феодальная демократия, только без феодалов. Они легко могут развалиться от разногласий. Физические санкции, применение закона, принуждение, составляющие правовое государство, — всё это пустые слова, поскольку каждое ибу может без стеснения «убежать» и найти «убежище» в другом боло...

Фудо

Боло и кварталы (тега) способны самостоятельно решать большинство проблем. Но поскольку у многих из них есть сельскохозяйственные земли или производственные сооружения, расположенные вне территории боло, возникает необходимость в более широкой координации. Десять или двадцать тега могут образовать фудо (город, небольшая область, кантон, долина и т. д.).

Размеры таких фудо, в зависимости от географических условий и имеющихся структур, должны быть очень гибкими. В фудо может входить четыреста боло, или приблизительно 200 000 ибу. Количество товаров, экспортируемых за пределы фудо, должно быть сведено к минимуму. В пределах фудо необходимо объединить сельское хозяйство (коду) и промышленность (сиби) в одно целое — биорайон, который обеспечит самоснабжение фудо на 90 или более процентов. Каждое ибу может путешествовать в течение целого дня внутри фудо и к вечеру вернуться обратно домой, при этом у него ещё останется время, чтобы уладить кое-какие дела. В густонаселённых районах фудо может занимать площадь приблизительно 50х50 км, так что до любой точки можно будет доехать на велосипеде.

Район решает те же самые задачи, что и квартал, но только в большем масштабе: энергия, транспорт, определённые технологии, больницы, рынки и выставки, ресурсы, ископаемые и т. д. Особой задачей фудо станет забота о лесах, реках, озёрах, горах, болотах или пустынях, т. е. о местах, которые не принадлежат отдельным боло или кварталам, но должны охраняться от различных опасностей.

Фудо может быть организовано районным собранием (фудо-дала). Каждое квартальное собрание (тега-дала) посылает туда двух делегатов (одного мужчину и одну женщину), которые определяются жеребьёвкой (см. Дала, Дуди).

Размер некоторых районов будет настолько огромным, что позволит охватить целые города с несколькими миллионами жителей. Конечно, можно переселить большую часть жителей больших городов и уменьшить их население приблизительно до полумиллиона, но некоторые города должны оставаться большими, чтобы они не утратили свой исторически колорит (Париж, Нью-Йорк, Петербург, Рим и т. д.). Большие города нелегко перевести на самоснабжение. Образование городских боло не представляет особых проблем, так как они в большинстве случаев соответствуют уже имеющимся структурам. Если говорить о городских боло, то сельскохозяйственные базы внутри них располагаются слишком далеко, так что для них придётся

искать другие виды снабжения. Для этой цели фудо больших городов могут заключать обменные соглашения с близлежащими сельскохозяйственными районами или областями и менять на продукты питания свои услуги — театр, кино, типографии, рестораны и т. д., которыми посетители могли бы пользоваться бесплатно. Таким образом, боло в больших городах будут напрямую снабжаться областями (зуми) или объединениями областей.¹

¹ Пересадить жителей городов-гигантов вроде Лос-Анджелеса с автомобилей на велосипеды кажется невыполнимой задачей. То же касается и перехода с массовой дистрибуции продуктов на самообеспечение. Правда, эта задача применимо к Лос-Анджелесу не такая сложная по сравнению с рядом европейских городов. В отличие от этих городов, население Лос-Анджелеса не такое плотное за счёт наличия множества односемейных домов, дворов, улиц (которые можно использовать в своих целях). Для Лос-Анджелеса можно использовать план, подразумевающий уплотнение соседства, создание центров снабжения, использование свободных площадей под сельскохозяйственные участки и т. д. Нет смысла стремиться к полной деурбанизации — этот процесс в любом случае происходит в индустриальных странах, просто он тормозится работой и жилищной структурой.

Разрешение этой проблемы окажется куда сложнее для агломератов Третьего мира вроде Мексики, Лагоса, Бомбея и т. д. В этих странах очень много трущоб и заброшенных деревень. Здесь, прежде чем взяться за деурбанизацию, необходимо заняться модернизацией деревень. Хотя бы для того, чтобы они стали привлекательными с точки зрения культуры и также имели все ресурсы, чтобы прокормить своих жителей. Одним из условий модернизации деревень является совершенствование коммуникационной системы. С другой стороны, технологии трущоб могут послужить фундаментом для самообеспечения. Особенно в секторе переработки сырья и отходов.

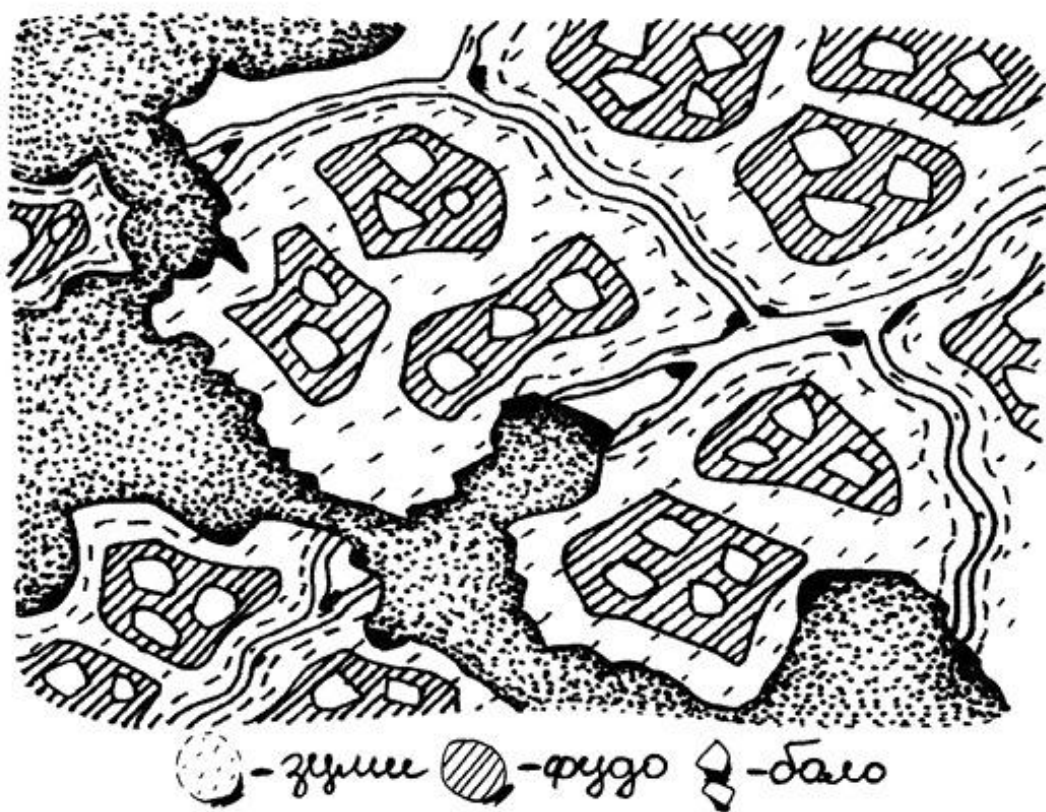
Зуми

Автономная область (зуми) — это самое крупное общественное объединение для боло и ибу. Такое объединение может состоять из неограниченного числа боло, кварталов или районов, возможно 20–30 районов с 8000 боло и несколькими миллионами ибу. В некоторых случаях ибу может быть не так много, всего несколько тысяч (например, на островах, в горах, за полярным кругом или в пустыне). На планете будет несколько сот областей, названия большинства из них будут известны всем на том континенте, где они расположены.

Область — это в первую очередь географический район (горный или расположенный между двумя реками или горными хребтами, большой остров или полуостров, прибрежная полоса, равнина, джунгли, речной бассейн, архипелаг и т. д.). У каждой области должно быть как можно больше ресурсов для обеспечения автономности. Большая часть обменных отношений и других связей между боло будет существовать внутри зуми. Это не административная единица, а практически действующее объединение для решения повседневных задач. В определённых случаях зуми может соответствовать современным «штатам» (США) или «республикам» (СССР, Югославия), княжествам, провинциям (Франция, Италия), землям (Германия) и т. д. Следует признать, что в большинстве случаев современные разделения (исключительно административные) непрактичны и нежизнеспособны. Некоторые из них были созданы преднамеренно, чтобы разрушить культурную самостоятельность этих регионов и подчинить их.

Существует много областей, границы которых определяются не только по географическому принципу, но и благодаря культурным особенностям, как это происходит у многих боло. Например, внутри областей может использоваться свой язык или диалект. Жителей областей объединяет общая история борьбы, одинаковый образ жизни, определённые формы жилищ, общая религия, традиционные формы общественного устройства и праздники, кухня и т. д. Всё это и некоторые случайные факторы могут создать местную идентичность. С давних пор и по сей день многие народы защищают свою культурную идентичность и борются с централизованной властью (ирландцы, индейцы, баски, корсиканцы, каталонцы, эстонцы, украинцы, курды, армяне и т. д.). История большинства государств — это история угнетения местных культур.

В боло-боло местные культуры, которые смогут свободно развиваться, будут очень терпимы к другим культурам. Замкнутость культуры не будет обязательным условием её выживания. Чем сильнее отдельные боло со своими особенностями, тем сильнее вся область. Боло вольны сами выбирать область с теми предприятиями, в которых они хотят участвовать. Область то «теряет», то «приобретает» боло и всё время приспособливается к новым условиям. Одна область переходит в другую, и нельзя понять, где ты находишься: ещё в Туронии или уже в Маронии. Существование «живых» областей — это возможность устранить все те проблемы, которые возникли из-за абсурдных национальных границ. Национальности, которые были созданы для укрепления господства центрального государства, превратятся в лоскутный ковёр «подвижных» областей.¹

Допускается существование туркмен-боло в Киеве, эстон-боло в Конго, руссо-боло в Рио-де-Жанейро, казах-боло в Москве. Ни одна местная культура не будет правильным котлом для другой, она будет только обогащаться особенностями «культур-гостей». При этом не надо забывать, что местные традиции — лишь один из многих источников культурного самоопределения.

¹ В современных условиях растущего интереса к национализму, разговоры об уничтожении наций кажутся обречёнными на провал. Как завещали нам промарксистские теоретики свободы, национализм — это необходимый шаг в сторону борьбы за независимость и борьбы против империализма. Это утверждение особенно актуально в условиях, когда малые этносы отказываются от своей самобытности на фоне набирающей обороты власти могущественной империалистической нации.

Для антинационализма главное это не бледный интернационализм, а укрепление позиций региональной автономии и культурной самобытности. Это также существенно для малых народов: чем сильнее будут репрессии против культурных меньшинств ради установления «национального единства», тем слабее они будут, а сверхдержавы по-прежнему будут сильными.

В вопросах «наций» было допущено много ошибок. Социалисты верили в победу интернационализма в борьбе с национализмом. Социалисты стремились к созданию интернациональной модернизированной индустриальной цивилизации и не придавали культурной автономии особого значения. В противовес социалистической «утопии», большая часть рабочего класса отдала предпочтение реакционному национализму. Фашистам, буржуазным партиям, националистическим режимам удалось обратить страхи рабочего класса о потере своих этнических традиций в свою пользу. Рабочий класс также осознал, что этот социалистический «модернизм» стал другим названием для более совершенной Планрабмашины.

На самом деле проблема заключается не в национализме, а в государстве. Нет ничего плохого в желании разговаривать на своём родном языке, отстаивать свои традиции, историю, национальную кухню и т. д. Но поскольку эти желания привязаны к иерархическим, вооружённым, централизованным государственным организациям, они превращаются в опасные предпосылки к шовинизму, презрению к культурному многообразию и прочим предрассудкам. Эти интересы становятся частицами психологической войны. Попытки обращения к государству за помощью в защите своей культурной самобытности никогда не заканчивались ничем хорошим.

Этнические культуры практически всегда мирно сосуществовали до тех пор, пока государство не начинало вонзаться в них своё жало. Евреи и арабы спокойно жили вместе в Палестине, Париже и даже в Бруклине до тех пор, пока они не попытались создать своё государство. Конечно, попытки создания государства — это ошибка не только евреев. Еврейские общины в Германии, Польше, России и т. д. были атакованы государствами, и у них не осталось другого выбора кроме как создания своего государства. Желание создать своё государство заразительно, как инфекционная болезнь. После создания государства Израиль, у палестинцев появились ровно такие же проблемы, как у евреев в Германии. В этой ошибке никто не виноват, но проблема остаётся неразрешённой. Нет толку искать виновников и зачинщиков. Ни еврейское государство, ни государство палестинцев и никакие политики не смогут разрешить эту проблему. Автономные регионы (зуми), боло евреев, арабов, курдов и других — вот решение проблемы, но только при условии, что точно такое же решение будет принято во всём мире. То, что сегодня происходит на Ближнем Востоке, может случиться на любой территории и в любой момент.

Зуми могут заниматься всеми теми задачами, которые боло-участники захотят им доверить. Такими задачами могут быть: охрана закрытых АЭС и радиоактивных складов, эксплуатация железнодорожных, автобусных или морских линий, а также клиник и лабораторий, импорт-экспорт энергии, помощь при катастрофах, проведение дискуссий или разрешение споров, участие в континентальных или всемирных мероприятиях. Необходимую для выполнения этих задач рабочую силу можно привлечь из районов в рамках «принудительной» работы (кене).

Собрание области (зуми-дала) может выглядеть приблизительно так: два делегата из каждого района — 40 делегатов, выбранных жеребьёвкой в 20 боло, — всего около 60 членов. Кроме обычных «внешних» представителей (дуди) ещё по два из всех соседних областей. В дала Архангельской области будут заседать и участвовать в голосовании представители Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Вологодской области, Карелии и т. д., и наоборот. Такие соседи-представители могут улучшить совместную работу областей и уменьшить тенденцию к изоляции.

В Европе (в не очень точном географическом смысле) было бы приблизительно 100 автономных областей, в обеих Америках (Южной и Северной) — 150, в Африке — 100, в Азии — 300 и в остальной части мира ещё 100. Итого — 750.

Аза

Аза — название космического корабля «Земля». Автономные области — это отдельные кабины этого корабля, а мы все — его пассажиры. Области могут принимать участие во всемирных мероприятиях, которые организуются всемирным собранием (аза-дала). Каждая область посылает двух представителей (одна женщина и один мужчина) на заседания, которые будут проходить в разных городах мира. Конечно, нужно будет спросить у этих городов, захотят ли они принять 1500 человек. Аза-дала служит форумом для установления контактов между зуми, оно поощряет встречи, беседы, споры, обмен товарами, проектами, идеями. Аза-дала может рассматривать некоторые вопросы международного масштаба, например, мореплавание, распределение ископаемых, международные железнодорожные, воздушные и морские линии, борьба с эпидемиями, метеорология, телефония, исследовательские программы различных видов, медикаменты, посадка лесов, словарь аза-пили, почта, космические полёты и т. д. Важные заседания транслируются по телевидению при помощи спутников.

Каждая область будет совершенно свободно решать, в каких всемирных мероприятиях участвовать. Конечно, некоторые области будут стоять в стороне и откажутся от обслуживания аза-дала. Благодаря обширной сети самоснабжения никакое боло или область не будут зависеть от всемирных структур. Доброе имя области, уважение к ней часто будут важнее, чем «практические» выгоды.

Без самостоятельности боло и областей остаётся определённая опасность, что из аза-дала может возникнуть своего рода всемирное правительство. Аза-дала должно заботиться в основном о таких регионах, за которые ни одно из одиночных боло и ни одна область не «ответственны»: моря, атмосфера, полярные районы, пустыни и т. д. Аза-дала будет решать только те вопросы, которые будут переданы ему областями.

Буни

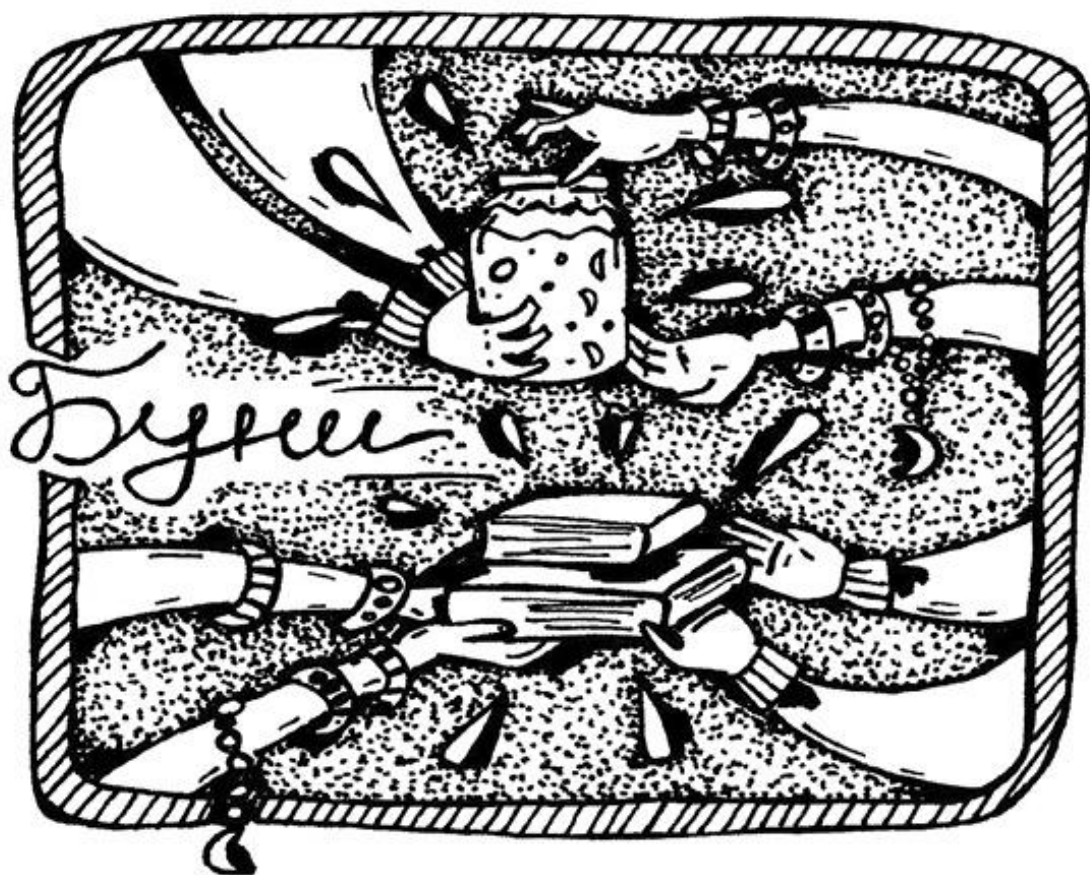

Ежедневная и наиболее простая форма обмена предметами между ибу, боло и областями — это подарки (буни). Многие вещи будут путешествовать, ими будут пользоваться, и никто не будет спрашивать, кто их владелец. Местное общение и активные личные контакты станут гарантией того, что ничего не будет «потеряно» и что «подарки» (при таких условиях это понятие излишне) всегда вернутся обратно. Так как уважение, дружба и личные связи займут первое место в иерархии ценностей, то ценность вещей будет относительной.

Подарки имеют много преимуществ как для тех, кто их дарит так, и для тех, кому дарят. Индивидуум, который преподносит подарок, сам определяет его форму выражения и качество. Таким образом, акт дарения становится своего рода культурной пропагандой. Подарок становится напоминанием о том, кто преподнёс его, и тем самым укрепляет репутацию дарившего ибу и значение в обществе. Подаренные и передаренные вещи станут важной частью взаимопонимания и формой бессловесной коммуникации. Собственно говоря, слова — тоже подарки, сегодня за них некоторые даже требуют плату.

Дарение также является выгодной формой обмена, так как оно не требует больших усилий. Нет никакой калькуляции, никаких расчётов, никакой бухгалтерии. Не надо тратить время на переговоры или заключение договоров. Дарение может происходить везде и спонтанно. По своему воздействию оно приравнивается к правилам гостеприимства: в долгосрочной перспективе личные формы обмена более «выгодны», чем сегодняшняя быстрая и анонимная продажа, которая не приносит удовлетворения. Какое личное удовлетворение можем мы найти в магазине самообслуживания, в банковском автомате, в ГУМе? Что связывает нас с кассиршами, с банковским компьютером?

Ценность подарков будет изменяться в зависимости от ситуаций и географического положения. Так как подарки дарят спонтанно и нерегулярно, то заинтересованным в упорядоченном режиме и стабильности боло, придётся выбрать другие формы обмена (см. ниже). Акт дарения вписывается в определённый образ жизни боло весьма успешно, в другие — нет.

Мафа

В боло будут создаваться «склады подарков» — мафа. В пределах квартала или области ибу будут сообща создавать резервы, которыми каждое боло сможет пользоваться. Таким образом, мафа гарантирует снабжение в экстренных случаях. Мафа как бы натягивает сеть безопасности под «трапецией самоснабжения» боло.

В принципе, мафа напоминает сегодняшнюю систему социального страхования, но только в натуральной форме. Например, в мафа могут храниться продукты питания (сухое молоко, зерно, соль и т. д.), сырьё (нефть), медикаменты, запчасти, одежда, строительные материалы и т. д. Это своего рода бесплатный магазин, в который каждый делает свой взнос, а получает из него то, что ему нужно. Мафа управляется всеми участвующими боло, и почти нет опасности, что (как это произошло с некоторыми «социалистическими системами») здесь сформируется центральная бюрократия.

Совместные склады окажутся очень полезными для переходного периода, когда многие боло будут находиться в процессе становления. Мафа может помочь в самоснабжении боло бедных регионов (Третий мир). Мафа может дополнить прямой обмен между боло при возникновении особенно проблемных случаев.

Фено

Большинство боло испытывает необходимость в наличии большего числа предметов и услуг, чем они сами производят. Некоторые из предметов будут потребляться долгосрочно и регулярно, так что подарки здесь не подходят, да и мафа для этого не предназначено. Для обеспечения таких поставок боло будут заключать договор

¹ Фено — это бартерная система без денежного обращения. Этот факт не обязательно запрещает фено быть субъектом экономической логики. В той же степени как бартерные партнёры принимают в расчёт при своих пропорциях обмена, сколько рабочего времени содержится в объектах, фено получает совершенную экономию и может также снова осуществляться более эффективно с использованием денег. Вот почему в США (под влиянием рецессий) существовали оснащённые вычислительной техникой бартерные фирмы, ведущие бизнес на уровне не больше миллиарда долларов без движения хотя бы одного доллара. Кроме налогового мошенничества такие системы имеют множество преимуществ, однако остаются полностью внутри экономических рамок. Другой способ бартера практикуется некоторыми людьми в небольших регионах неподалёку от Санта Роза: они работают друг на друга, получают чек за рабочее время и могут покрыть им до 100 часов «долгов». Затем офис координирует эти взаимные услуги. Подобные системы кооперации имели место во время Великой депрессии в 30-х. Поскольку денежное обращение отсутствовало, обмен оставался полностью экономическим, так как фактически нет разницы в том, напишешь ли ты на бумажке «1 час» или «1 доллар» — скорее всего, последний вариант покажется самым извращённым. Обмен может уменьшить анонимность до определённой степени, что предотвратит некоторые расходы в денежной экономике, но не гарантирует их исчезновение. Только в сочетании с культурными ценностями и благодаря высокому уровню самообеспечения, можно предотвратить превращение обмена в незаменимый экономический элемент. Бартерный обмен выглядит более реалистичным в условиях боло-боло. Ведь два боло обязательно имеют что-то общее на уровне культуры: схожие модели взаимоотношений, религии, музыку, еду, идеологии и т. д. Евреи покупают еду только в еврейских лавках — и не потому, что там дешевле, а потому что там продаются кошерные товары (разрешённые законами иудаизма). Множество продуктов по определению культурно обозначены, поскольку культура диктует рецепты и технологии их приготовления. Эти товары станут интересными и полезными только для носителей тех же традиций. Поскольку с приходом боло больше не будет массового производства, исчезнет анонимная массовая дистрибуция и маркетинг. Обмен станет персональным и нерентабельным. Рабочий час как единица измерения труда станет невозможным, поскольку в боло будет ликвидирован наёмный труд. Рабочее время станет второстепенным значением для производства. В современном мире нет необходимых условий для существования настоящих фено. Нормирование необходимого рабочего времени станет практически невозможным, поскольку оплачиваемая работа будет упразднена и не будет никакого адекватного нормирования социально важного труда для данного продукта. (Как вы можете знать, сколько работы требуется «в действительности» для данного процесса производства, если этот процесс проходит в многообразных и несравнимых формах? Без крупной промышленности не может быть стабильной стоимости.) Стоимость всегда будет актуальна до тех пор пока существует социальный обмен, но при некоторых условиях она станет нестабильной, неточной, неважной.

о натуральном обмене — фено. При этом в первую очередь речь идёт о продуктах ежедневного потребления, которые употребляются регулярно и в больших количествах: продукты питания, материалы для ремонтных работ, ткани, удобрения, косметическое или медицинское обслуживание и т. д.¹

Такие договоры исключают параллельную специализацию. Кроме того, производство определённых предметов на крупных предприятиях наносит меньше вреда окружающей среде.

Количество и значение таких обменных договоров будет различно в зависимости от внутренней структуры и культурных особенностей каждого боло. Выбор партнёра будет зависеть в первую очередь от особенностей культурных, личных отношений между жителями боло, а не от истинно объективных категорий (например, условия продажи, качество, расстояние и т. д.).

Для того чтобы сделать бартерную систему более гибкой можно использовать компьютерные сети. «Предложения» могут сохраняться в банке данных, к которому сможет обратиться любой, кто желает найти определённый продукт. Калькуляция количества, качества и оптимальной транспортировки может осуществляться автоматически. Благодаря таким локальным или региональным бартерным системам удастся избежать временного перепроизводства или недопроизводства. С помощью более модернизированных программ компьютер также смог бы прогнозировать и предвидеть грядущий дефицит товаров. Но, конечно, за тем или иным боло или сообществом останется право принимать свои решения относительно подключения к такой системе. Сообщества сами будут решать, принимать ли им рекомендации компьютера. Со временем бартерные соглашения сформируют хорошо сбалансированную, густую и надёжную сеть обмена, которая также сможет бесконечно подвергаться правкам, согласно возникающим условиям.

Для того чтобы объём транспортных расходов был как можно меньше, регулярные и крупные поставки нужно будет проводить совместно с соседними боло. Если, например, у боло будет 500 бартерных соглашений, то 300 из них будут заключены с соседними боло. Сотрудничество между соседними боло может быть настолько интенсивным, что их силами будут созданы боло-двойки, тройки, четвёрки и т. д. Чем больше расстояние между партнёрами по обмену, тем более утончёнными и лёгкими будут продукты обмена и тем реже будут осуществляться поставки. Из далёких боло можно будет получать в небольших количествах типичные для них продукты: икра из Одессы, чай из Цейлона, бурбон из Луисвилла и т. д.

Договоры фено также будут играть большую роль в деле обмена между областями и континентами, не исключается возможность заключения «вертикальных договоров» между боло и районами и т. п. Чтобы избежать параллельных поставок одних и тех же продуктов будут координироваться дополнительные договоры между районами.

Зади

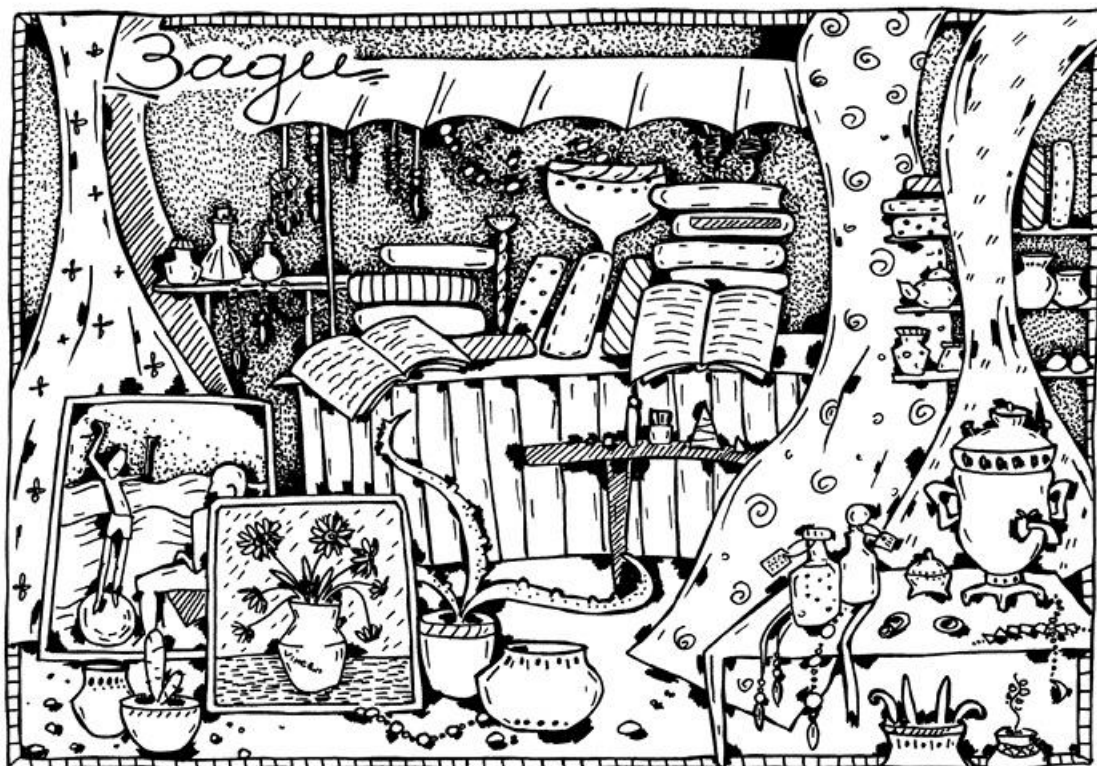
Подарки, общие запасы и бартерные соглашения вместе с самоснабжением резко снижают потребность в экономическом, т. е. рассчитанном исходя из затраченного рабочего времени, обмене. Разнообразие культурных особенностей делает невозможным массовое производство, а значит, и создание массовых рынков. Для рынка будет производиться совсем небольшое количество товаров. Почти всё будет идти на удовлетворение собственных нужд или предназначаться конкретным адресатам. Ввиду индивидуальности продуктов будет тяжело сравнить затраченное на их производство рабочее время, и поэтому стоимость, выраженная в деньгах, будет крайне неточной. «Стоимость» будет зависеть от слишком многих факторов (как, например, сегодня у произведений искусства), и поэтому рынок станет своего рода рулеткой.

Но всё-таки не исключено, что возникнут некоторые прецеденты, когда ибу (у которых есть свой личный ящик с собственностью — таку) или боло предпочтут производить обмен с расчётом. Этой цели будут служить зади (местные рынки).

При таких условиях движение денежных средств не будет таить в себе опасности и не станет причиной развития «вредных» влияний.

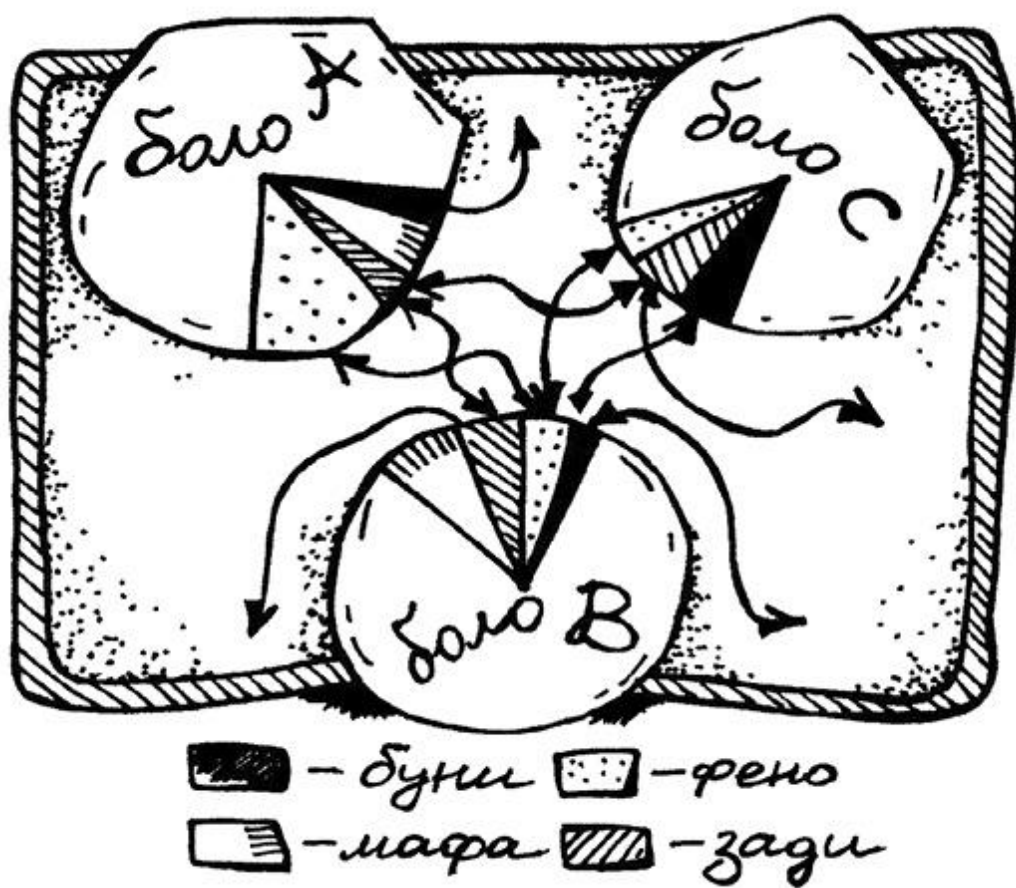
В большинстве кварталов или районов торговля будет происходить каждый день, раз в неделю или месяц, а в областях будут проводиться выставки-продажи. Для того, чтобы продажа могла происходить при любой погоде, зади можно разместить в фабричных постройках, в школах или на складах. Вокруг базаров будет кипеть общественная жизнь: бары, театры, кафе, бильярдные, цирки, библиотеки, клубы и т. д. Рынок станет местом встреч, форумом для непринуждённой коммуникации наподобие восточных базаров. Продажа и покупка будут только предлогом для встречи людей с различными интересами.

В свою очередь на рынке виден «характер» квартала, который может быть хаотичным или упорядоченным, бедным или красочным, шумным или сонным, дружественным или угрюмым. Рыночный комитет (зади-дала) организует рынок в соответствии с желаниями боло и определяет виды допустимых к продаже товаров, время продажи, валюту, а также требования к гигиене и качеству. Рынки — идеальное место для продажи не товаров первой необходимости, а редких, единичных, индивидуальных предметов, которые легко транспортируются и потребляются в небольших количествах. К этой группе относятся парфюмерия, одежда, деликатесы, антикварные, ювелирные, кожаные изделия, произведения искусства, мелкие безделушки

и редкости, картины, книги, компьютерные программы, оружие, электротовары, краски и т. д. Если ибу нужен какой-то из этих товаров, то оно не должно полагаться на возможный подарок или на заключение одноразового обменного договора. Возможен также электронный «рыночный справочник», с помощью которого можно будет найти необходимую вещь.

Не будет никакой международной валюты: каждый рынок может пользоваться собственной системой оплаты. У каждого квартала или города может быть собственная валюта старого образца (шиллинги, цехины, дублоны, талеры или гульденy, геллеры — бумажные, металлические или из пластика), или они могут производить расчёты золотом, серебром, ракушками, нефритом. Другие будут предпочитать жетоны, как в казино. Используя валюту, установленную определённым рынком, покупатель делает покупки до самого закрытия рынка. При выходе с рынка необходимо будет сдать валюту (или жетоны). За каждым покупателем фиксируется набежавший баланс (положительное или отрицательное сальдо), который не может быть перенесён на другой рынок. С помощью компьютера можно организовать «безденежный» рынок. Любой посетитель рынка открывает в банке свой счёт, и на выходе с рынка автоматически регистрируется, сколько он должен уплатить в банк или получить из него. Для предупреждения накопления средств в больших размерах можно организовать своего рода лотерею: в промежутке от полугода до двух лет все накопления списываются.

Золото будет приниматься не везде, так как деньги станут своеобразным хобби, а не жизненной необходимостью как сегодня. Рынки будут просто увлечением для нумизматов. Их роль будет сравнима с той, которую они играли в раннем средневековье, — это будет занятное дополнение к самообеспечению.¹

¹ В некоторых утопиях или альтернативных концепциях мы встречаем иллюзорные денежные системы, согласно которым различные варианты денежных единиц могли бы разрешить проблемы с денежными избытками. Так называемые «рабочие деньги» (работа вместо марок, франков, долларов и т. д.) — это всё-таки обычные деньги (как показал Маркс на примере системы Оуэна). Запрещение интереса к накопительству, обесценивающиеся деньги (как предлагал Сильвио Гизелль, автор теории о «свободной экономике»), национализация земли — всё это предполагает наличие центрального органа управления, который будет наказывать и координировать. Другими словами, социальная анонимность и общая безответственность останутся на своих местах. Проблема не в деньгах (золоте или серебре), но в необходимости или желании экономического обмена в определённом социальном контексте (см. сноску после главы «Фено»). Если есть желание заниматься обменом, будут деньги (или электронные счета, или фишки, или память). Поскольку экономический обмен внутри боло-боло снижен до минимума, деньги не могут играть важную роль. (Деньги никто не запретит. Да и кто бы смог это сделать?).

Фазы

Что такое ибу? Это оседлое или кочевое существо? В своих (им же выдуманных) историях оно бывает степным кочевником и строителем собора, крестьянином и цыганом, садовником и странником...

Ведение сельского хозяйства предусматривает определённую оседлость боло. Жить только за счёт охоты и собирания плодов будет возможно, только если численность населения на земном шаре значительно уменьшится. Тем не менее боло-боло должно дать нам свободу передвижения по всему миру. Не может быть никакого принуждения к оседлости.

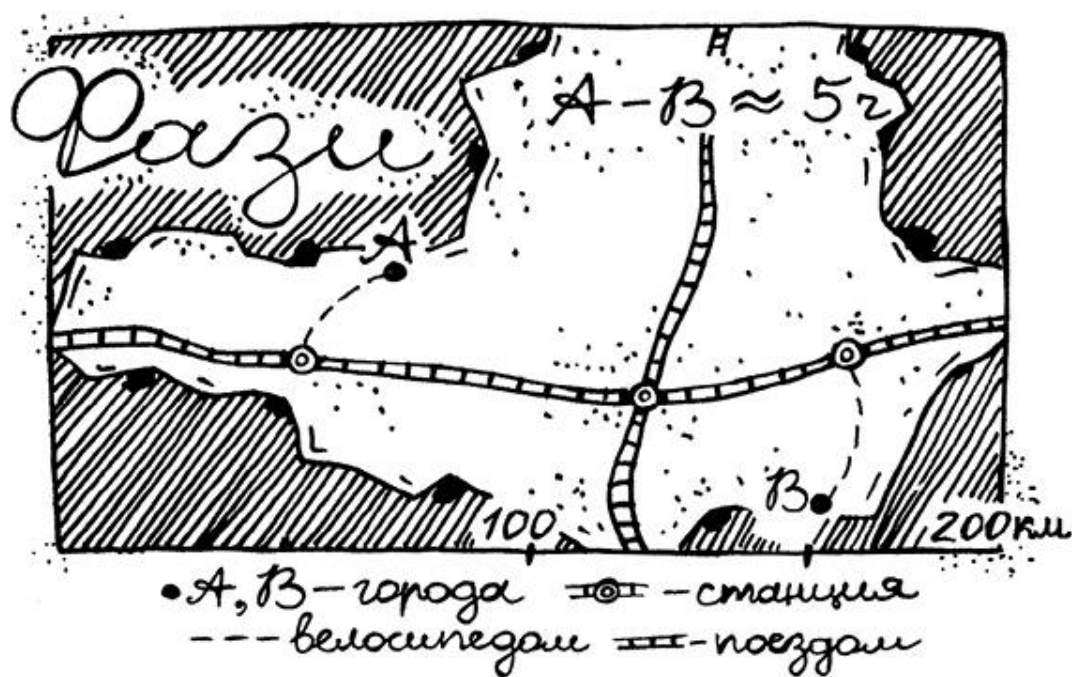
Кочевые боло или племена могут свободно передвигаться с места на место. Никаких государственных границ, никаких ограничивающих законов. И одиночные ибу будут чувствовать себя вполне благополучно только тогда, когда они смогут в любое время поехать в Патагонию, на Аляску, Камчатку, в Занзибар или Париж. Это будет возможно, так как все путешественники пользуются в боло правом гостеприимства. Никто не будет бояться, что у него кончатся деньги, а значит, время не будет поджимать и путешествие станет спокойным. Нынешние огромные расходы энергии, вызванные быстротой передвижения, могут быть резко сокращены, поскольку ни у кого не будет стремления ехать как можно скорее и как можно дальше. Не будет нужды в чартерных полётах, чтобы обежать за три недели Западную Африку или Южную Америку и вернуться на работу. Путешественники больше не будут вечно подгоняемыми туристами. Путешествие вновь станет удовольствием.

Боло-боло должно стремиться к тому, чтобы перевозить как можно меньше грузов и пассажиров. Это станет возможным, если как можно больше товаров будет производиться на локальных рынках. В большинстве случаев ибу должны жить и работать в одном и том же квартале или деревне. Поездки на работу, за покупками, массовая транспортировка и массовый туризм исчезнут. Транспортными средствами будут пользоваться те, кто действительно любит путешествия. Поездки — это удовольствие, которому нет замены. А вот салат не становится вкуснее от того, что он «путешествует» к потребителю за тысячи километров из-за экономической выгоды (низкая заработная плата в Третьем мире).

Жизнь ибу будет проходить в боло или кварталах, и они смогут большей частью передвигаться пешком. Кварталы станут просто раем для пешеходов с многочисленными переходами, мостами, аркадами, галереями, пассажами, разнообразными покрытиями. Летом и зимой, в дождь и снег — всегда можно будет пройти по сухим дорожкам через весь квартал. Из-за отсутствия назойливых светофоров (автомобиль-

ние практически отсутствует) ибу сможет передвигаться беспрепятственно и даже быстрее, чем сегодня. А главное — не будет стресса. Внутри района, города или области (приблизительно до 20 км) идеальным средством передвижения будет велосипед. Наряду с личными велосипедами, на трамвайных остановках и вокзалах будут размещены велосипеды для общего пользования. Велосипед и ибу, которое получает «горючее» вместе с едой, — это самая рациональная с энергетической точки зрения транспортная система: нужны только ухоженные дороги. В гористых местностях, при плохой погоде или зимой велосипед будет менее практичным, хотя, возможно, стоит проложить крытую сеть велодорог. А в тех местах, где зимой достаточно снега, можно использовать лыжи, собачьи упряжки или санные тройки. И вообще, в горах и в сельской местности рационально использовать тягловых животных (ослов, мулов, верблюдов, пони, лошадей, яков, собак, буйволов, слонов), поскольку их корм растёт, так сказать, на краю дороги. В городах также могут быть полезны, например, лошади или, ещё лучше, мулы, которые в отношении корма не так разборчивы, хотя и более требовательны в уходе. Особенно рационально использовать их для сообщения между городом и деревней, потому что тогда не нужно будет дополнительно доставлять корм в город. А внутри города ибу может передвигаться пешком, на велосипеде, лыжах, роликах или санях. Велосипед с трехколесным прицепом может использоваться для доставки малого груза — до 100 кг. На пентадеме могут ездить несколько ибу, да ещё и перевозить до 350 кг груза.

По сравнению с велосипедом даже такие относительно экономные средства общественного транспорта, как троллейбус, трамвай или метро, слишком расточительны, ведь для них нужна сложная инфраструктура — рельсы, вагоны, линии и т. д. К тому же они создают много шума и не всегда полностью загружены (велосипед пустым не

едет) и часто опасны. В городе среднего размера (300 000 жителей) можно ограничить городскую транспортную сеть тремя линиями.

В сельской местности можно пользоваться автобусами, рейсовым такси или даже личными автомашинами. Так как для сообщения между боло и усадьбой требуется только одна проезжая дорога, а движение невелико, можно резко сократить дорожную сеть, требующую больших трудовых затрат. Большинство городских улиц, дорог, автострад можно упразднить или уменьшить. Соответственно сократится и потребность в стоянках, гаражах и т. п. Оставшийся автотранспорт будет двигаться медленнее (20 км/ч внутри города) и осторожнее (водителей-то все знают). В основном это будут грузовики и автобусы (на биогазе, паре, дровах, в редких случаях на бензине или дизеле), скорая помощь, пожарные.

Если ибу хочет, оно может доехать на велосипеде до Палермо, Улан-Батора или Луанды. Но оно может также пользоваться местными транспортными средствами, которые имеются в районах, областях или региональных объединениях.

В основном это паровые, газовые и электропоезда, которые будут редко ездить, двигаться медленно и часто останавливаться. Также будут использоваться суда, курсирующие по каналам или вблизи берега, автобусные линии и гужевой транспорт. Для ближнего сообщения в пределах «обычной» области вполне хватит двух местных транспортных линий. Если ибу захочет совершить далёкое путешествие, то оно должно будет добраться до ближайшего вокзала международной железной дороги, подконтрольной комиссии аза-дала.

Такая железнодорожная сеть может быть составлена из ныне существующих линий, только в Африке и Южной Америке нужно будет достроить инфраструктуру. Для большего удобства в дороге можно будет некоторые линии сделать ширококолейными (например, Лиссабон — Владивосток или Хельсинки — Кейптаун). Интерконтинентальные железнодорожные линии (Сан-Франциско — Владивосток, Лиссабон — Нью-Йорк, Сингапур — Сидней и т. д.) станут основой всемирной транспортной сети. За несколько недель можно будет добраться до любой точки Земли.

Самолёты будут использоваться только в особых регионах (Заполярье, пустыни, архипелаги, джунгли) и только в особых случаях (транспортировка больных, помощь при катастрофах, похороны, доставка медикаментов или запасных частей и т. д.), поскольку авиационная инфраструктура и расход горючего требуют несоразмерно больших затрат. Поскольку все ибу (а не как сегодня, только богатые) смогут совершать длительные путешествия, то со временем даже между отдалёнными боло возникнут личные связи (дружба, любовь, совместные фантазии, проекты, договоры об обмене) и разовьются новые взгляды на жизнь. Боло станет местом встречи идей и людей, открытым для всего мира. Хотя в некоторых местах транспортное сообщение будет медленнее, чем сегодня, всемирный обмен станет всеобщим и интенсивным. У ибу будет время познакомиться с чужими языками и культурами и завязать равноправные контакты с другими ибу. Путешествия не будут, как сегодня, делом односторонним и неравным (богатые туристы — бедные местные жители). Банту в Мюнхене, монголы в Стокгольме, индийцы в Цюрихе, эскимосы в Кот-де-Азур появятся не как беженцы, эмигранты или цирковая экзотика, а как полноправные гости. Наша планета превратится в самый настоящий антропологический музей.

Яка

Какова природа ибу? Это покладистое, уживчивое и милое существо? Или, напротив, скандальное, отталкивающее, склонное к насилию создание? Сегодня оно агрессивно только потому, что работа делает его завистливым, раздражительным, разочарованным? Вполне возможно. И всё жё в боло-боло будет место для ревности, уязвлённой чести, склонности к вооружению и убийству, антипатии, безумию, тяге к приключениям, «охотничьей горячке», неуступчивости, хулиганстве... Боло-боло — это «цивилизация», имеющая свои границы, на которые каждый должен будет натолкнуться. Но эти неотвратимые явления не должны накапливаться, закрепляться и

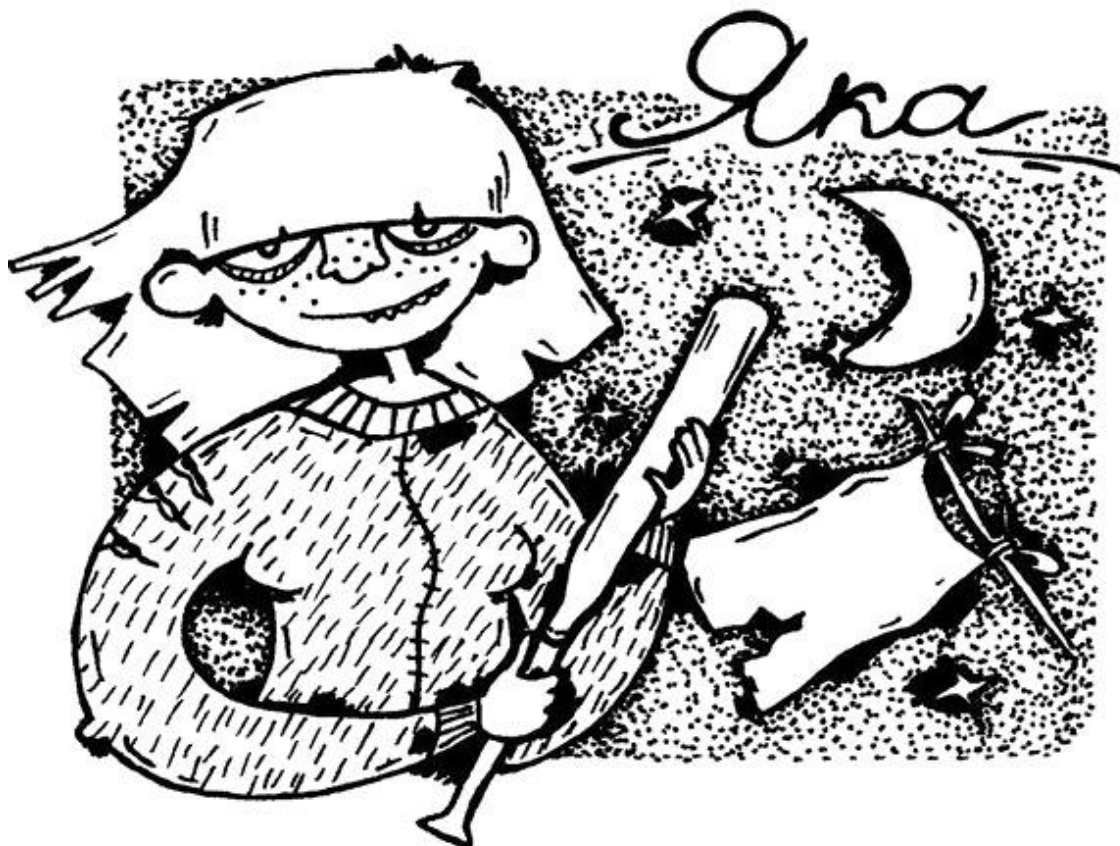
¹ С возникновением ибу мы избавимся от «человека» и, к счастью, вместе с этим избавимся от подобных вопросов: «человек» жесток или нет? Он «хороший» или «плохой» по своей «природе»? (Понятие «природа» тоже исчезнет.) Все эти определения — особенно гуманистические, позитивные — странного существа названного «человеком» всегда имели катастрофические последствия. Если «человек» хороший, что же нам делать с теми, кто (в порядке исключения, конечно) плохой? На протяжении всей истории человечества таких людей закрывают в лагеря и «перевоспитывают». Если результата нет — у них ведь был шанс, в конце концов, — их помещают в психиатрические лечебницы. Томас Мор познал «человека», однако в своей гуманной утопии он хотел ввести смертельную казнь за преступление. Мы предпочитаем не знать такого. Ибу может быть жестоким, и даже может получать удовольствие от прямых, личных нападений на других ибу. Нет никакого образца ибу.

Это чистая демагогия объяснять феномен современных войн существованием межличностного насилия. Нигде нет такой мирной, ненасильственной и мягкой атмосферы, как внутри армии. Солдаты как «хорошие товарищи» помогают друг другу, делятся едой, поддерживают друг друга эмоционально. Все их насильственные действия управляются извне и направляются на врага. Даже в таком случае чувствам не придаётся большого значения. Война стала бюрократической, индустриализированной, анонимной процедурой по массовой дезинфекции. Ненависть и агрессивность только раздражает технарей современной войны, может даже воспрепятствовать созданию войны. Война не строится на логике насилия, чувств, а только на логике государственности, экономики, иерархической организации. В таком виде лучше было бы сравнить войну с медициной: неэмоциональное отношение к дисфункциональным телам. (Сравните общепринятую терминологию: операции, театры, интервенции, дезинфекции, точечные удары.)

Если под термином «война» понимается коллективное, страстное, прямое насилие, яка становится способом сделать её вновь возможной. Возможной, так как она будет необязательной и может никогда не примет катастрофических масштабов. Возможно, по схожим причинам Калленбах в своей «Экотопии» предложил что-то вроде неолитического военного ритуала. Однако этот ритуал проводится за границами повседневной жизни и напоминает официально контролируемый эксперимент. «Реальные» войны, допустимые с яка, несравнимы с «Экотопией» Калленбаха: чего они боятся? И, конечно, женщины не включаются в его военные игры, потому что они по своей природе ненасильственны. Очередной типичный мужской миф.

вести к катастрофе. Поэтому, по-видимому, появится необходимость в яка, которое даст право на раздоры, споры, насилие и войну.¹

Яка может возникнуть между ибу и ибу, ибу и боло, боло и боло, ибу и тега, боло и тега, тега и зуми, ибу и зуми, зуми и фудо, аза и боло и т. д. и т. п.

Споры не должны подавляться или принимать государственные формы (юстиция, полиция, армия). Их должны решать прямо на месте сами спорящие. Как и любой вид обмена (в данном случае — физическое столкновение), яка (дуэль) должно регулироваться целым рядом всеобщих соглашений так, чтобы не допустить развитие катастрофы. Эти «яка-соглашения» могут выглядеть приблизительно так:

- вызов в присутствии минимум двух свидетелей или свидетельниц;
- вызов может быть отвергнут; если вызов принят, должен быть приглашён местный комитет (дала, районный совет) для примирения враждующих; оружие выбирает вызванный;
- яка-дуэль проводится в присутствии членов ответственного за дуэль комитета (яка-дала);
- яка-дала обеспечивает оружием враждующие стороны — они могут состоять из любого числа ибу;

- допускается только «механическое» оружие (тела, дубинки, мечи, кинжалы, луки, пращи, копья, топоры, алебарды), исключается огнестрельное оружие, яд, животные, гранаты²;
- исключается оружие с радиусом действия больше 100 метров; вместе с видом оружия производится выбор защитной одежды (в этом нет никаких ограничений);
- если одна из враждующих сторон признает себя побеждённой (покажет белый флаг, бросит оружие или поднимет руки вверх), борьба должна быть сразу же остановлена; расходы, связанные с работой по проведению дуэли, а также с устранением ущерба и лечением ранений, несут обе стороны поровну (кене).

Ответственные за проведение дуэли комитеты подготавливают место для борьбы, направляют судей (в случае необходимости — вооружённых), обеспечивают транспортировку раненых или мёртвых, охрану для не участвующих в дуэли ибу, зверей, растений. Если вызванный на дуэль добровольно не отказывается от неё, то комитет не может её запретить. Он может только позаботиться, чтобы можно было осуществлять и другие виды обмена (речи, подарки, танцы, ритуалы, спортивную борьбу и т. д.). Если в дуэли участвуют целые боло или даже кварталы и области, то у комитета (регионального или континентального) возникнут довольно большие расходы, которые должны быть возмещены зачинщиками. Враждующие стороны могут выбрать «представителя», который будет за них драться, или отправить на дуэль небольшую группу.

Вряд ли экономические проблемы будут основанием таких войн (они слишком дороги), так что столкновения будут относительно редкими и не столь упорными.

² Но будут ли соблюдаться эти правила? Не кажется ли, что «насилие» просто сметёт все эти запреты и правила? Подобные опасения типичны для цивилизации, где насилие под запретом многие столетия, дабы предупредить бюрократическое государственное насилие. Однако в условиях боло насилие станет повседневным опытом, поэтому люди научатся управлять им рационально. Рациональность тесно связана с избыточностью: явления, которые случаются редко, приводят к катастрофическим реакциям. Правила ведения боевых действий эффективно работали у древних греков и римлян, у американских индейцев в средневековье и у многих других цивилизаций. Чудовища вроде Цезаря, Чингиз Хана, Эрнана Кортеса и др. появляются в результате изолированности, отсутствия прямых взаимодействий и коммуникаций между гражданами. Поскольку обязательным условием существования боло-боло станет универсальная коммуникация и распространение правил совершения насильственных действий, подобные исторические катастрофы не возникнут.

Естественно, что будут возникать различные проблемы. Появится необходимость в создании временного народного ополчения для наблюдения за соблюдением правил. В случае, если стороны будут нарушать правила, подобные ополчения превратятся в своеобразную армию, для управления которой необходимо будет создать ещё один институт. Однако подобная эскалация подразумевает наличие централизованной экономической системы с соответствующими ресурсами. Становится понятным, что в боло-боло не будет условий для создания армии.

Также возможно, что когда-нибудь какой-то псих-одиночка создаст атомную бомбу в стенах заброшенной фабрики. Можно понять его действия, вызванные его сакральной нимой. Но это ли справедливое оправдание, когда весь город превратится в руины? А возможно ли вообще, что такое произойдёт? Как же он соберёт необходимые запчасти для бомбы, найдёт мастерскую для своей работы, когда «все у всех на виду»? Скорее всего, подобные действия будут пресечены социальным контролем присущим боло-боло.

Яка будут служить для удовлетворения поруганной чести и уважения или могут даже стать частью культурной жизни боло. Верно и обратное: скандальные боло могут потерять честь и уважение. Трудно определить, как часто и в каких масштабах будут возникать дуэли и насколько они будут кровопролитными. Но так как они связаны с большим количеством отрицательных явлений (боль, ущерб, траур, страх, потеря уважения) и для них не будет никакого «разумного» материального повода, то они должны стать исключением. И всё же они не могут быть подменены (сублимированы) спортом или играми. Только если яка будут действительно серьёзны, они выполнят своё назначение — не допустить массовой войны. Возможно, некоторые боло не смогут существовать без периодических войн. Насилие продолжится, но продолжение истории не обязательно.

Хотя этот же псих-одинок не представляет такой опасности, как современные учёные и политики...

Боло-боло 30 лет спустя

Книга «Боло-боло» впервые была опубликована в 1983 г. (немецкое издание) и здесь перепечатывается в её первоначальном виде. За тридцать лет «Боло-боло» была переведена на множество языков: французский, английский, итальянский, португальский, турецкий, иврит, русский. Существуют онлайн версии книги на испанском и польском языках. Эта книга продолжает всплывать на поверхность при самых разнообразных обстоятельствах и в неожиданных местах. После кризиса семидесятых, завершившего послевоенный период, книга имела целью показать правдоподобный исход событий. Проходит тридцать лет — тот же самый кризис (с теми же самыми комбинациями) по-прежнему не разрешён. И вот мы по-прежнему ищем из него выход. Основные вопросы остаются: как нам найти способ жизни, который был бы действительно сбалансированным как с точки зрения экологии, так с точки зрения общества? Пределы экономического роста были известны уже тридцать лет назад, но изменения климата казались проблемой будущего, которую можно предотвратить. Сейчас изменения климата стали фактом, и всё, что мы можем сделать, это минимизировать их эффект. В то же самое время разделение среди населения этой планеты значительно усугубилось. Самым богатым 10% мирового населения сейчас принадлежит 85% активов. При этом 40% этих активов находятся во владении одного процента этого слоя населения. Самая бедная половина населения мира зарабатывает только один процент общей прибыли, другая половина — 99%. В 1960 году самая богатая пятая часть жителей нашей планеты жила на доходы в 30 раз более высокие, чем доходы наиболее бедной пятой части жителей, в 2000 году эта разница составила 80 раз.

Неудивительно, что 20% населения планеты, живущие в относительном комфорте, защищают свой способ жизни при помощи заборов, границ, патрулей и войн. Беженцы из бедных стран каждый день умирают в Средиземном море. Территория А-договора стала закрытым сообществом, антисоциальной крепостью. Но цена высока. Мир превратился в опасное место, жизнь и внутри, и снаружи зоны комфорта ненадёжна. «Немногие счастливые» на самом деле не счастливы, что показали недавние демонстрации в Греции, Испании, Франции и Португалии. Ситуация кажется гораздо более мрачной, чем 30 лет назад.

Неудивительно, что капитализм никогда не был настолько дискредитирован, как сегодня. Убеждённость в том, что он не работает и должен прекратить своё существование, стала в наше время здравым смыслом. Это убеждение настолько очевидно, что большинство людей даже не утруждаются больше критиковать капитализм, а с большей охотой направляют свою энергию напрямую на поиск путей выхода из него. Согласно исследованию ВВС, только 11% населения планеты думают, что капитализм работает хорошо. Во Франции, Мексике и Украине более 40% требуют заменить его чем-то совершенно иным. Есть только две страны, где более одной пятой части насе-

ления уверены, что капитализм в его нынешней форме функционирует должным образом: США (25%) и Пакистан (21%).

Идеи, представленные в «Боло-боло», сегодня уже существуют во многих контекстах. Отрицательный экономический рост, города с переходной экономикой, кооперативы, климатическая справедливость — всё это отдельные аспекты глобального выхода из капитализма. Почти каждый день вносится новый вклад в копилку альтернативных идей, и «старые» голоса звучат всё более громко. Всё больше и больше фермеров готовы перейти к CSA (сельское хозяйство, поддерживаемое местными общинами) и другим схемам прямой кооперации между производителем и потребителем. Ре-аграризация, о которой говорит Вандана Шива, несовместима с капитализмом (она по своей природе нерентабельна), но может одновременно пониматься как ревитализация и ресоциализация наших городов. Всё большее и большее число людей понимают концепцию натурального хозяйства (коду) как практический путь организации нашего социального метаболизма.

Как указывает Вандана Шива, наш «северо-западный» образ жизни возможен только для одного из семи миллиардов жителей этой планеты. Эту точку зрения разделяет Ханс-Петер Гензихен. Он использует термин «Armseligkeit» (интересное немецкое слово, образованное из комбинации слов «бедность» и «блаженство») для описания нового образа жизни, базирующегося на модели потребления ресурсов типичной для Чили или Словакии, и подтверждающего «счастье» с половиной ВВП США или Швейцарии. Глобальная политика в области домохозяйства будет одной из наших следующих задач, и нужно относиться к ней серьёзно. Большинство выводов Гензихена базируется на опыте проектов Восточной Германии по локальной продукции, обмену и кооперации. Кажется, что даже неофиты капиталистической утопии повидали достаточно. Однако Гензихен располагает свои предложения строго в глобальном общемировом контексте. «Труд», которого до сих пор некоторые требуют, навсегда и повсеместно исчез. Мы очнёмся в другом мире, который может быть гораздо лучше пригоден для жизни, чем сегодняшний.

Даже «государство» (давайте называть это «широким спектром социальных услуг») теперь выглядит лучше (не только потому, что частный капитал выглядит плохо), особенно в областях муниципального и регионального развития (тега и суми). В глазах неолиберальных хищников даже само существование государства скандально, особенно такого государства, которое частично узурпировало роли общинных институтов. Мировой финансовый кризис используется для разрушения всех общинных аспектов государства в Греции, в Португалии, а также в до сих пор «благополучных» регионах Европы. Одновременно набирают обороты движения «Верни себе государства». На голосовании в Цюрихе провалили приватизацию местного энергоснабжения, цена за воду уменьшилась благодаря прекрасной производительности системы коммунального водоснабжения. В 2012 году в Италии приватизация водоснабжения провалилась на референдуме. «Трагедия рынков» уступает место счастливому концу комедии общин.

Современное государство может быть трансформировано и стать, таким образом, готовым и простым инструментом для перехода. Города перехода появляются повсюду. Следующим шагом могут стать государства, территории, провинции или регионы перехода, вплоть до планетарного «кооператива» или демократических государств

перехода (аза). Распространение работы на общественных началах может обеспечить уверенность в жизни для каждого и освободит нас от террора оплачиваемой работы. Раз они не могут, мы поможем им обесценить их капитал.

Я вижу три существующие формы организации появляющихся общин: трансформированное государство (фено), аграрное/городское существование (боло) и кооперативное предпринимательство. Все эти формы имеют долгую историю, основаны на инклюзивных, демократических структурах и могут функционировать за пределами законов стоимости. В то же самое время их участники выполняют самые различные функции, что гарантирует стабильность системы.

Боло-боло — это множественное число от боло, а боло обозначает культурно и социально усовершенствованное соседство. Греческое слово для такого типа соседства это демос, автократическая община. То есть термин «демократия» в действительности означает власть соседей или власть людей, организованная по принципу соседства. Такая демократия может существовать только в случае, если она основана на форме социальной и коммуникационной организации (иногда называемой «гражданским обществом»). «Власть соседства» должна быть активизирована для укрепления полномочий общин.

Я думаю, что путь развития становится понятнее и яснее с каждым днём. В то же самое время нельзя забывать о важности предусмотрительности. Не существует никакого автоматического лифта в светлое будущее. Каждый шаг будет требовать внимательной оценки, коллективной организации и автономных институтов.

25 января 2013

Аза-пили

аза Земля, человечество

бете медицина, здоровье, врачевание, здравоохранение

боло община, соседство, село, племя, коммуна

буни подарок, дар

гано здание, квартира, архитектура, палатка, пещера, помещение

дала комитет, комиссия, совет, съезд, заседание, собрание

дуди представитель чужой общины, шпион, наблюдатель

зади базар, выставка, ярмарка, пункт обмена, биржа

зиби ремесло, искусство, промышленность, средство производства, производство, созидание

зила гостеприимство, гарантия для существования, обязательство помочь, терпимость, обеспечение

зуми область, местность, языковая область, остров

зуфу вода, обеспечение водой, бассейны, колодцы

ибу я, ты, он, она, оно, личность, индивидуум, ребёнок, женщина, мужчина, гражданин, кто-нибудь, никто

кана большая семья, совместное домашнее хозяйство, охотничья группа, клан, круг друзей, банда

кене обязательный труд, общественные работы

коду сельское хозяйство, природа, самоснабжение пищей, база продовольственного снабжения

мафа общий склад, бесплатный универмаг, общий парк машин и инструментов, запас

нима образ жизни, традиция, культура, своеобразие, религия, философия, стиль, идеология

нуго таблетка для самоубийства, смерть

пали энергия, обеспечение топливом, отопление, охлаждение

пили взаимопонимание, наука, магия, язык, учить

таку хранилище собственности, частная собственность, тайна

тега городской район, городок, долина

фази путешествия, транспорт, движение, кочевой образ жизни, бродяжничество

фено договор об обмене, договор о сотрудничестве, договор о снабжении, обмен

фудо город, район, край

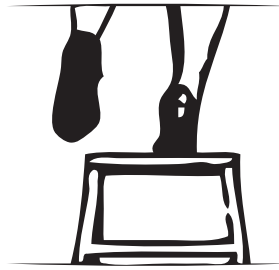
яка спор, война, дуэль, кодекс борьбы, насилие

ялу продовольствие, кулинария, гастрономия

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

р.м.
Боло-боло
2014

Сконвертировано из EPUB-версии <http://rtpbooks.info/bolobolo/>

Переводчик, редактор Катя Лямкина

Корректор Соня Любимова

Иллюстрации Галя Яблочкина

Дизайн, вёрстка Саша Книжник

Издательство «Радикальная Теория и Практика»

ru.theanarchistlibrary.org